

СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. А. Дэвлет

Александр Васильевич Адрианов

(к 150-летию со дня рождения)

**Кемерово
2004**

УДК: 7.031.1

Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ),
член Международной Федерации организаций по наскальному искусству
(IFRAO).

Институт археологии Российской Академии наук

М. А. Дэвлет. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АДРИАНОВ
(к 150-летию со дня рождения).
Кемерово, Кузбассвузиздат, 2004. – 68 с. Илл.

Оформление Е. А. Миклашевич

На первой странице обложки – фотопортрет А. В. Адрианова;
На последней странице обложки – оттиск печати А. В. Адрианова.

САИПИ выражает глубокую благодарность Отделу археологии Музея антропологии и этнографии, Рукописному архиву и Фотоархиву Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Архиву Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета за помощь в работе и возможность использовать публикуемые материалы в качестве иллюстраций к этому изданию.

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса)**

**и в рамках Программы Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»**

ISBN 5-202-00703-5

Подписано к печати 28.07.2004. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Тираж 400 экз. Усл. печ. л. 7,4+0,5 л. цв. вкл. Заказ № 547. Отпечатано в типографии издательства «Кузбассвузиздат».
Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48. www.kvi.bip.ru

© М. А. Дэвлет, 2004
© САИПИ, 2004

Александр Васильевич Адрианов (1854-1920) - публицист, путешественник, историк, этнограф и археолог был крупнейшим исследователем наскального искусства бассейна Верхнего и Среднего Енисея. После расстрела А. В. Адрианова томскими чекистами его имя в течение многих лет сознательно замалчивалось или оклеветывалось в историографических работах, его биографические данные искажались и почти не были известны. На опубликованных коллективных фотографиях сибирских общественных деятелей лицо А. В. Адрианова скрывала ретушь.

Ныне А. В. Адрианов возвращается к нам из небытия, подобно многим другим, подвергшимся репрессиям и физическому уничтожению в "огне революции". Однако было бы неверным считать, что прежде о нём не было известно ничего. Скупые, отчасти неточные сведения приводились в "Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых" С. А. Венгерова, а также в "Сибирской советской энциклопедии", которая в течение ряда десятилетий в библиотеках находилась в закрытом хранении. Встречались упоминания и в других изданиях (1). Сами за себя говорили сосредоточенные в архивах различных научных учреждений его отчёты, письма, рукописи, а также его публикации, в том числе в периодической печати. В музеях как местных, так и столичных, хранятся собранные им многочисленные коллекции. Эти материалы давали возможность составить представление об его общественной деятельности и вкладе в науку. Однако оставались значительные лакуны в его биографии.

Дети А. В. Адрианова, старшая дочь Мария и сын Александр, намеревались каждый составить очерк жизни и деятельности отца. Мария в силу каких-то причин ограничилась Предисловием, а Александр написал несколько глав будущей книги, так и не успев завершить задуманное (2). Он скончался в нищете и забвении, гонимый и униженный. Последние дни Александра Александровича описывал профессор М. Ф. Косарев, в то время аспирант-археолог, в письме из Томска, адресованном семье: *"Он тяжело болен, уже несколько месяцев прикован к постели, почти не в состоянии даже говорить. Лежит в какой-то конуре, отдаёт свою пенсию (300 рублей) какому-то мужику с тёткой — они за ним ухаживают, но кажется, не от чистого сердца. Родных у него нет. Это посещение здорово испортило мне настроение. В воскресенье снова схожу к нему. Просил прислать к нему Шурку (Александр Косарев — младший брат Михаила Федоровича — М. Д.) с литературой по Сибири — пытается закончить обобщение богатейшего наследия своего знаменитого отца"*. В следующем письме из Томска М. Ф. Косарев сообщал: *"Александр Александрович умер в воскресенье, так и не дождавшись клинического лечения"* (3).

В 1991 г. в Томске усилиями общественности на здании, где помещалась редакция газеты "Сибирская жизнь", была открыта мемориальная доска: *"Адрианов Александр Васильевич, выдающийся этнограф, археолог, публицист, работал здесь в 1917-1919 гг. главным редактором газеты "Сибирская жизнь". Родился 26 октября 1854 г. ст. ст., расстрелян 7 марта 1920 г."*

Александр Васильевич Адрианов родился в слободе Белозерской Курганского округа Тобольской губернии. Отец его Василий Васильевич был священником той же Алексеевской церкви в слободе Белозерской, что и дед Василий Никифорович. Семья была большая, кроме Александра, который был старшим, у Василия Васильевича и его супруги Марии Александровны было ещё семь дочерей, в материальном отношении жили скромно. Жизнь семьи протекала размеренно и неторопливо, в трудах и заботах. Отец Василий помимо исполнения обязанностей духовного лица преподавал в мужской и женской школах, занимался краеведением. В своём приходе он был самым уважаемым человеком. Он водил дружбу с крестьянами и те постоянно приглашали его "с матушкой и детками" на свой съезжие праздники. Александр Васильевич вспоминал впоследствии, что он с сёстрами радовались случаю побывать там, а отец его посещал эти праздники лишь изредка. По всей вероятности, в молодости отец Василий всё же проявлял интерес к праздничному быту крестьян, поскольку в 1853 г., ещё до рождения своего первенца Александра, опубликовал в "Тобольских губернских ведомостях" статью, посвященную этим крестьянским сборищам (4). Следуя по стопам отца, Александр посвятил свою вторую по счету статью этим праздникам, запечатлевшимся в памяти с детства (5).

Для Александра, как и для многих его сверстников, "Великорусские сказки", записанные этнографом и фольклористом И. А. Худяковым, автором популярных изданий для народа, проникнутых демократическим просветительским духом, были одной из первых прочитанных книжек (6). *"Эти книжки, — вспоминал Адрианов, — переносили нас в родной нам мир, они страшно возбуждали детский ум, возбуждали охоту к чтению. Детьми мы читали эти сказки, уезжая на вакант в деревню, своим старым нянькам и мамкам, старикам и молодым, и увлекали их в сказочный мир, где так хорошо забываются горе, страдание и заботы повседневной жизни"* (7). Василий Васильевич собирал в среде своих прихожан различные фольклорные произведения: сказки-небылицы, сказания, стихи, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки, байки, заговоры. Эти материалы он высылал в Петербург в адрес Русского географического общества. Знаменательно, что сбором фольклора, записью сказок и сказаний занимались впоследствии много лет спустя дети и вну-

ки Василия Васильевича Александр и его сестры Евгения и Антонина, а также дочери Александра Васильевича Мария и Нина. "Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы" под редакцией А. В. Адрианова вышли в свет в Красноярске в 1902 г.

В Русское географическое общество Василий Васильевич выслал рукописи "Описание Бело-зерской слободы" и "Статистические сведения о Курганском округе за 1857 г." *"В такой обстановке, — писала дочь Александра Васильевича Мария, — вырос и воспитывался мой отец, будучи свидетелем научных трудов своего отца и по всей вероятности часть этих рукописей (труды В. В. Адрианова — М. Д.) была переписана его рукой, особенно за время болезни деда, и таким образом в нём зародилось стремление продолжать эту деятельность и работать для науки"* (8). Александр Васильевич, подобно отцу, в дальнейшем также занимался сбором статистических сведений, был секретарём Томского статистического комитета. Регулярно с 1857 г. до самой своей кончины Василий Васильевич получал от РГО благодарности и даже был награждён в 1861 г. бронзовой медалью "За труды по географии". Александр Васильевич впоследствии был удостоен серебряной и малой золотой медали Общества.

В нарушение семейной традиции Александр в 1864 г. поступил учиться не в Духовное училище, а в Тобольскую губернскую классическую гимназию. Её директором с 1857 по 1862 гг. был П. П. Ершов, знаменитый автор "Конька-Горбунка", отличавшийся демократическими взглядами, патриот Сибири, человек близкий лидерам областнического движения. Тобольская губернская классическая гимназия была одной из лучших в Сибири. *"Пётр Павлович Ершов, — вспоминал впоследствии Адрианов, — в то время был уже в отставке и мне, в качестве певчего, пришлось только хоронить его и по-детски делить горе детей его — моих сверстников"* (9). Эту же гимназию ранее кончал революционер-народник И. А. Худяков. В своих воспоминаниях Худяков описывает нравы, царившие в этом учебном заведении. Во времена, когда в Тобольской гимназии учился Александр, многие порядки остались без изменений. *"Как живые, — вспоминал Адрианов, — встают передо мною эти Каталинские, Ричарды Григорьевичи, Лёвши, Македоны — грубые, бездушные, невежественные... Но это была уже другая эпоха, в которую постепенно совершалась смена грубого насилия над телом насильем над нашим духом; пьяного николаевского кантониста сменил сыщик, провидевший в нас будущих крамольников... И если при Худякове "более двух третей товарищей, убоявшихся бездны премудрости, возвращались вспять", покидая гимназию из 2 и 3 класса двадцатилетними юношами, то в последующее время этих товарищей уловляли тюрьма и политическая ссылка, как Кошкина,*

Плотниковых, Папиных — моих сверстников и одноклассников или их старших братьев" (10).

В Тобольске вначале Адрианов жил у родственников, а затем в гимназическом пансионе. В период учёбы в гимназии, помимо обязательных дисциплин, Александр за дополнительную плату брал уроки игры на скрипке, изучал иностранные языки. За красноречие товарищи дали ему прозвище "Цицерон", или попросту "Цицерошка" (11).

Весной 1874 г. Александр окончил Тобольскую классическую гимназию и получил аттестат зрелости. Отец его незадолго перед тем скончался, оставив своей многочисленной семье незначительное наследство, от которого Александр отказался в пользу сестёр и покинул семью, чтобы осуществить своё заветное желание — получить образование в высшем учебном заведении.

В 1874 г. Адрианов поступил в Медико-хирургическую академию, откуда на следующий год перевелся в Петербургский университет, на второй курс физико-математического факультета, где учился по естественному разряду. После смерти отца его мать Мария Александровна вскоре вступила во второй брак. У неё на содержании оставались дочери, и оказывать сыну материальную поддержку она не имела возможности. Александр не смог внести установленную в высших учебных заведениях плату за обучение и был отчислен из университета, однако по ходатайству Консistorии и членов сиротского суда был восстановлен и освобождён от платы, позднее ему даже была назначена стипендия.

Решающим событием, предопределившим всю его дальнейшую судьбу, стала встреча девятнадцатилетнего Александра с известным писателем, деятелем сибирского областнического движения Николаем Михайловичем Ядринцевым, оказавшим огромное влияние на его жизненный выбор. Встреча состоялась осенью 1874 г. в Петербурге. Провожая Александра из Тюмени в столицу на учёбу, товарищи напутствовали его наказом познакомиться с Николаем Михайловичем Ядринцевым, чьи статьи они читали в журналах, чья ссылка волновала многих сибирских патриотов.

В доме Н. М. Ядринцева Александр встретился с теми, кем гордилась Сибирь, с его друзьями и единомышленниками. После возвращения из ссылки постоянно посещал журфиксы (прием гостей в определённые дни недели) в доме Ядринцева родоначальник сибирского областничества Григорий Николаевич Потанин, будущий почётный гражданин Сибири, ставший духовным наставником и ближайшим другом Александра. *"Это была, — писал впоследствии Адрианов, — та "молодая Сибирь", которая впервые нарождалась за трёхсотлетнее историческое существование огромной обездоленной окраины; которая впервые*

сознательно выдвигала многообразные интересы края и свою преданную им службу. Душою этой компании, её мозгом, её сердцем и был тот "Божий человек", которого добрая фея послала Сибири в лице Григория Николаевича Потанина" (12). В своё время Н. М. Ядринцев был более известен и популярен, чем Потанин, однако лидером был всё же Григорий Николаевич, который оказывал на него влияние, поддерживал его "так деликатно и незаметно, что сам Ядринцев не чувствовал, кто ведёт его по дороге еще не проторённой, кто водит его пером и начинаниями" (13). "Про себя я могу сказать, - писал Адрианов, - что направление и моей мало заметной деятельности формировалось в лучах воздействия Григория Николаевича. Ему я обязан тем, что совершил ряд путешествий и сохранил до старости любовь к местным исследованиям. Он толкнул меня и на журнальную, публицистическую деятельность. Он заставил меня крепко связать себя с Сибирью и с служением её интересам" (14).

"В ту пору, - писал Адрианов, - когда я стал знать Григория Николаевича и компанию сибиряков, центром которой он был, они только что вернулись из ссылки в Петербург и расправляли крылья после долгих лет жизни, связанной с тюрьмами, этапами, даже каторгой для Потанина, пребыванием в глуши Вологодских и Архангельских захолустий. Они, собственно, эти два человека, связанные тесной дружбой, Потанин и Ядринцев, жадно брались за работу, точно торопясь наверстать потерянное время. Невидимые нити тянулись от них в глубь Сибири, к рассеянным там друзьям, у которых они возбуждали жажду работы и прежде всего насаждение областной сибирской печати, первой ласточкой которой явилась иркутская "Сибирь" (15).

В то время собственной интеллигенции в Сибири почти не было. Идеологи областного движения ратовали за то, чтобы сибиряки, окончившие высшие учебные заведения в центре, возвращались на родину и работали там, а такое случалось очень редко, большинство выпускников оседали в европейской части России. Н. М. Ядринцев прозорливо увидел в Александре человека, который в дальнейшем сможет плодотворно работать в Сибири и внесёт свой вклад в осуществление программы областников. А. В. Адрианов писал о лидерах областничества: "Если во многих отношениях вдохновителем Ядринцева был его старший друг Г. Н. Потанин, если он играл преимущественную роль в выработке программы деятельности сибирских патриотов, сводившейся к отмене ссылки в Сибирь, к открытию в ней университета, к разрешению инородческого вопроса, к распространению на Сибирь суда присяжных, широкого в ней самоуправления, к созданию в ней собственной интеллигенции, к выведению Сибири из подчинённой метрополии и беспощадно

эксплуатируемой последней колонии и проч., то в выполнении этой программы, в выполнении притом с большим самоотвержением, талантом и блеском Ядринцеву принадлежит первое место" (16).

Идеологи областничества полностью отказывались от революционных действий, категорически отрицали путь насилия в решении социально-политических вопросов, классовая борьба расценивалась ими как явление, мешающее прогрессу. Просветительская деятельность и культурное строительство, согласно концепции областников, способны вывести Сибирь из положения колонии Российской империи на путь процветания и прогресса. Ученик и последователь идеологов сибирского областничества Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, Адрианов, следуя программе этого общественного движения, в дальнейшем постоянно уделял внимание изучению жизни малых сибирских народностей, защите их интересов и прав.

Для того чтобы подготовить Адрианова к работе в Сибири, ввести в курс проблематики, приучить к интеллектуальному труду, а заодно и дать приработок, столь необходимый материально необеспеченному студенту, Ядринцев познакомил Александра с Б. А. Милютиным, бывшим редактором иркутской газеты "Сибирский вестник". Незадолго до того Милютин был переведён в Петербург на должность военного обер-прокурора и предпринял издание "Сборника историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран". В обязанности Адрианова входило составление библиографических карточек и указателя статей о Сибири, опубликованных в различных изданиях, в том числе неофициальной части всех сибирских губернских и областных ведомостей со времени их возникновения вплоть до последних вышедших номеров. Почти ежедневно в течение длительного срока Александр работал в Публичной библиотеке, перерывая горы книг. Совмещая учебу в университете и работу библиографа, Александр получил фундаментальную разностороннюю подготовку для будущих исследований и публицистической деятельности.

После того, как с 1875 г. газета "Сибирь" перешла в руки представителей интеллигенции, исповедующей областнические идеи, Н. М. Ядринцев начал сотрудничать в ней, привлекая к этому делу и новых корреспондентов. Однажды Адрианов поведал ему, как он сдавал экзамены на аттестат зрелости в Тобольской гимназии. Ядринцев выслушал со вниманием. "Вот и отлично, - сказал он. - Вы напишите-ка об этом рассказ, а мы его пошлём в "Сибирь", это будет интересно". В 1876 г. рассказ был опубликован. Однако цензор не решился сохранить в неприкосновенности заголовок и слово "зрелости" вычеркнул. "Так я стал, - вспоминал Адрианов, - начинающим литератором, в

первой же своей работе испытавшим на себе руку цензора по самому невинному, казалось мне, поводу. Я уже не буду говорить, что я пережил, когда увидел в руках Ядринцева первую свою работу напечатанной. Только мать при рождении своего первенца испытывает сходное испытанному мною чувству” (17).

Так с первых рассказов на страницах газеты “Сибирь” началась литературная деятельность Александра. Затем последовали и другие публикации. Перо Адрианова оттачивалось, совершенствовалось мастерство. Александра его старшие друзья Потанин и Ядринцев стали характеризовать как “подающего надежды”, с такой надписью один из них подарил ему свой портрет. Надежды их Адрианов оправдал, посвятив свою жизнь делу, которому они служили.

В студенческие годы А. В. Адрианов проводит самостоятельные научные изыскания. К примеру, по заданию академика Ф. Б. Шмидта он совершает поездки по р. Волхову с целью поиска трилобитов - вымерших окаменелых морских членистоногих, которые были распространены в палеозойскую эру. “В университете его знают за хорошего студента, - писал Г. Н. Потанин Н. М. Ядринцеву в сентябре 1878 г., - получает императорскую стипендию, избран обществом студентов в библиотекари. Специальностью он избрал физиологию, но это официально, в действительности же из него едва ли выйдет физиолог” (18).

При Главном штабе он освоил искусство фотографии, которым овладел в совершенстве. По свидетельству нашего современника, известного журналиста и специалиста по истории фотографии В. А. Никитина, Адрианов стал выдающимся фотографом. Эти навыки оказались полезными ему впоследствии при полевых исследованиях. Знание анатомии пригодилось ему при раскопках древних погребений. Замечу, что Адрианов не только умел производить антропологические обмеры современного населения, но и мог по черепу определить антропологический тип погребённого в кургане человека, хотя предпочитал отдавать материалы на определение специалистам.

В мае 1876 г., завершив работу над приложением к книге К. Риттера “Землеведение Азии”, Г. Н. Потанин отправился в путешествие по Северо-Западной Монголии. Вернувшись из первого, Григорий Николаевич сразу же начал готовиться ко второму путешествию, участвовать в котором пригласил А. В. Адрианова. Во время путешествия Александр должен был выполнять обязанности натуралиста и фотографа. “Страна урянхов (Тува. — М. Д.), — писал Г. Н. Потанин в начале 1878 г. вице-президенту ИРГО П. П. Семёнову — может дать богатый материал по шаманству. Как ни любопытен этот предмет, а нашими путешественниками собрано очень мало о нём сравнительно с тем, что можно было бы собрать. Большое разнообразие кос-

тюмов и утвари, часть которых имеет мистическое значение, и, наконец, самая процедура камлания представляют богатый материал для собирателя этнографических сведений. В видах этого и других этнографических интересов, представляемых урянхайским народом, мне хотелось бы следующую поездку сделать по преимуществу этнографической” (19).

Чтобы осуществить мечту о дальних странствиях, Александру пришлось, заручившись разрешением Совета университета, сдавать выпускные экзамены досрочно. Уже 27 февраля 1879 г. он получил диплом Петербургского университета, в котором констатировалось, что А. В. Адрианов “выслушал полный курс наук по естественному разряду физико-математического факультета... По представлении диссертации признан достойным ученой степени кандидата” (20).

Таким образом Александр получил университетское образование за три с половиной года. Теперь все затруднения с поездкой были позади. Александру было 24 года, он был молод, полон сил и радужных надежд, рядом с ним был его учитель и духовный наставник, впереди неведомые края. Спустя месяц после окончания Петербургского университета Адрианов был избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества.

В марте 1879 г. руководитель экспедиции Г. Н. Потанин, его супруга Александра Викторовна и Александр Адрианов прибыли из Петербурга в Омск. Здесь Григорию Николаевичу предстояло договориться с генерал-губернатором Западной Сибири об участии в путешествии военных топографов, а также казаков для содействия в топографической съемке. Разрешение могло быть получено только после согласования с соответствующими инстанциями в столице. Александр решил воспользоваться вынужденной задержкой своих спутников в Омске, чтобы навестить мать и сестёр в слободе Белозерской. В Омске состоялась встреча с Николаем Михайловичем Ядринцевым, который в это время находился на службе в Главном управлении Западной Сибири. Уладив дела в Омске, Г. Н. Потанин принял решение, не дожидаясь резолюции из центра, двинуться в путь, с тем, что остальные участники: военный топограф штабс-капитан П. Д. Орлов, его помощник юнкер Елисеев, три казака, а также переводчик монгольского языка солдат из Бийска В. А. Палкин, воссоединятся с экспедицией уже в Монголии.

Отправным пунктом на Алтае был Бийск, куда путешественники прибыли в середине апреля. Из Бийска Потанин на три дня съездил в Улалу (современный Горно-Алтайск), где договорился об участии в экспедиции переводчика алтайского и тувинского языков одного из лучших учеников миссионерской школы Ивана Чевалкова, телеута по национальности, кото-

рый, по словам Потанина, *“был самым мирным и всеми любимым товарищем путешествия”*. Из Бийска, разложив экспедиционное имущество на крестьянские телеги, Г. Н. Потанин, его жена, Адрианов и Чевалков направились в Онгудай, где грузы переложили во вьюки, и караван двинулся в Кош-Агач. Там приобрели лошадей, договорились о покупке верблюдов и, наконец, 28 мая из Кош-Агача выступили в Монголию.

На Алтае по пути в Монголию Потанин занимался сбором фольклорных и этнографических материалов, свидетелем и участником этих работ был Адрианов, помогавший во всех делах своему наставнику. Во время путешествия Адрианов должен был выполнять обязанности натуралиста и фотографа. Участники экспедиции наблюдали шаманские камлания, познакомились с экзотическим облачением этих служителей культа. Так, путешественники присутствовали при священнодействии самого известного на Чуе шамана Тарана. Потанин записал услышанные от Тарана сказания, отмечая, что шаманы - *“главные хранители народных преданий”*. Близ Онгудая путешественники наблюдали камлание молодого шамана Энчу. Перед заключительной частью камлания шаману был задан вопрос, приедут ли из Омска спутники, ждавшие там разрешения на поездку. Потанин так описывает этот случай: *“Приступая к своему камланию, кам прежде всего попросил духов не сердиться, потому что он призывает их не по своей прихоти, что он человек подначальный, податной, что русский чиновник требует от него показать ему, как алтайские шаманы камлают, и что только страх послушаться чиновника заставляет его беспокоить духов. По окончании камлания Энчу говорил, что он не помнит, что было с ним, когда он плясал, стоя на ногах спиной к огню. В это время он бешено крутился телом, не сдвигая ног; он глубоко приседал, извивался и выпрямлялся, как бы подражая своим телом движениям змеи; от быстрого колебания верхней части его тела маньяки (ритуальное облачение шамана, включавшее жгуты, подвески, куски ткани, шкуры зверей, бахрому и др. - М. Д.) рассыпались и кружились в воздухе, образуя изящные волнообразные линии. В то же время он неустанно работал с бубном, заставляя его вертеться в воздухе вертикально”* (21).

На Катунь, во время пути из Онгудая в Кош-Агач путешественники встретили жертвенники, представляющие собою специальные постройки, на которых были вывешены попарно конская и овечья шкуры. На веревках, жердочках или воткнутых в землю берёзках укреплялись белые ленточки-яалама. Такие картины поражали воображение Александра и возбуждали интерес к самобытным верованиям и обрядам, истоки которых теряются в глубине веков и тысячелетий. Он пользовался каждым удобным

случаем, чтобы сфотографировать шаманов, их атрибуты, культовые места, картины народного быта, местных жителей различных антропологических типов в национальных костюмах, виды местности, археологические памятники. Фотоаппарат был приобретен специально для путешествия. Адрианов сфотографировал, в частности, упомянутого выше шамана Тарана и облачение шамана Энчу. Прорисовки с этих снимков были помещены в этнографическом выпуске монографии Г. Н. Потанина *“Очерки Северо-Западной Монголии”*. Адрианов рассматривал искусство фотографии в качестве *“инструмента для изучения народностей”*.

Перевалив через пограничный хребет Сайлюгем, путешественники направились в город Улангом на оз. Убса. Дальнейший маршрут проходил мимо оз. Хяргас-Нур к городу Ховд (Кобдо). Только через два месяца путешествия уже после возвращения в Улангом Г. Н. Потанин и его спутники встретились с группой топографов, которые, как оказалось, более месяца следовали по Монголии *“по следам г-на Потанина”*.

Наступала осень. Видневшиеся на севере вершины хребта Танну-Ола, который участникам экспедиции предстояло перевалить, были покрыты снегом, да и в Улангоме снег перемежался с дождем. Природа как бы предупреждала путешественников о предстоящих испытаниях в стране урянхов (как раньше называли тувинцев), куда они направлялись.

Долиной р. Торгалык путешественники вышли к Улуг-Хему (такое название носит Верхний Енисей в пределах Тувы) недалеко от подножья горы Хайыракан, священной горы необычной расцветки: белеющей днем и розовеющей на заре и закате. Два года спустя Александру Васильевичу вновь довелось побывать в этих местах и записать сложившуюся к тому времени в местной среде легенду об экспедиции Г. Н. Потанина. В ней повествовалось о том, как *“вдруг от дюрбютов приехало много русских нойонов и прочих людей с 70 верблюдами вьючными; много было во вьюках всякого добра, материй, серебра и прочих драгоценностей. Самый большой нойон был высокий старик, у которого борода спускалась до самой земли (здесь подразумевается топограф г. Орлов, пожилой человек с большой бородой, но обыкновенной). Пройдут годы, - размышляет А. В. Адрианов, - и легенда сформируется; она украсит русских путешественников такими подробностями, что будущий исследователь, записывая эту интересную легенду, не отыщет скоро к ней ключа и не уразумет её смысла”* (22).

От горы Хайыракан участники экспедиции направились долиной Улуг-Хема вверх по его течению до расположенной на его левом берегу заимки минусинского купца Веселкова недалеко от места впадения в Улуг-Хем р. Элегест. От-

туда Александр совершил самостоятельную поездку вверх по Элегесту для осмотра выходов каменного угля. Здесь же он собрал коллекцию окаменелостей - отпечатков растений. Во время всего путешествия он вёл подробное описание встречающихся горных пород, брал образцы для анализа. Особое внимание Александр уделял описанию полезных ископаемых и прежде всего месторождений каменного угля. Успеху в этом начинании способствовала его солидная естественнонаучная подготовка в Петербургском университете. Его специальный интерес к окаменелостям сохранился, надо полагать, со студенческих времён, когда он занимался сбором трилобитов.

От устья р. Элегест путешественники шли долиной Улуг-Хема (тувинское название - "Великая река") до заимки минусинского скототорговца и купца Г. П. Сафьянова, которая находилась километрах в семи-восьми ниже места слияния рек Бий-Хема (Большая река) и Каа-Хема (Малая река). В наши дни на набережной столицы Тувы города Кызыла близ места слияния "двух Енисеев" Бий-Хема и Каа-Хема возвышается обелиск. На постаменте скульптурное изображение земного шара, устремленный в небо шпиль и надпись на трех языках (тувинском, русском, английском) - "Центр Азии". Принято считать, что здесь находится географический центр Азии, точка, одинаково удалённая от мировых океанов.

Во время пребывания на заимке Г. П. Сафьянова Александр обратился с просьбой к управляющему Шишмарёву записывать народные песни, сказки, легенды. С этой целью он составил для Шишмарёва специальную программу сбора материалов, которые он в дальнейшем передал Г. Н. Потанину для публикации в этнографическом выпуске "Очерков Северо-Западной Монголии". В этом же выпуске были опубликованы алтайские сказки, записанные Адриановым во время его следующего путешествия, состоявшегося в 1881 г. Не обошлось без курьёзов. Так, одна из сказок записана была только до половины, так как подравшиеся в юрте муж и жена помешали её дослушать. 30 сентября путешественники продолжили маршрут, следуя вначале долиной р. Каа-Хем, затем подошли к оз. Тере-Холь и оттуда направились к дархатскому куреню.

Положение участников экспедиции ухудшалось с каждым днём. Продовольствие истощилось за время пути. Вместо сухарей и муки пришлось использовать в пищу корни растений, которые тувинцы употребляли вместо хлеба. За российское серебро местное население баранов не продавало, а плиточного чая для "бартерной сделки" уже не оставалось. На подъёмах и спусках ноги верблюдов скользили, животные падали под откос и катились по нему, пока не упирались в какое-либо препятствие. В одну из морозных ночей два верблюда замерзли. Неко-

торые животные ослабели до такой степени, что были брошены в пути, а остальные, по свидетельству топографа П. Д. Орлова, "едва волочили ноги, так что мы большую часть пути совершили пешком, впрочем оно было и кстату; холод, достигавший до 20°, и при этом ветры не давали долго засиживаться в седле" (23). У людей лица были обморожены. Александр простудился, у него началась ангина. На одной из дневных остановок достали байковое одеяло и он завернулся в него, как в плед. Палатки у участников экспедиции не было, приходилось спать на снегу около большого костра. Суп замерзал в ложке, пока её подносили ко рту. Наконец, путники подошли к оз. Косогол. Из казачьего поселка они ехали в санях. В Иркутск путешественники прибыли уже в декабре, там они остались зимовать, планируя на следующий год продолжить экспедицию.

В середине марта 1880 г. в здании, где жил Адрианов на квартире редактора газеты "Сибирь" А. П. Нестерова и помещалась типография газеты, произошел пожар, во время которого, как сообщал Г. Н. Потанин в письме к Н. М. Ядринцеву, "у Адрианова всё сгорело дотла, кроме надетого на нём белья и панталон; сгорели его дневники монгольские, геологические и орнитологические заметки, описание встреченных нами в Монголии чудских могил и каменных баб с рисунками и промерами" (24).

В Иркутске Александр Васильевич встретился со своей будущей женой Анной Ефимовной Калмыковой (в девичестве Игнатовой), уроженкой Ярославля, приехавшей в Сибирь со своей старшей сестрой после разрыва с первым мужем, поручиком В. И. Калмыковым.

Согласно первоначальному плану экспедиционных работ предполагалось в 1879 г. обследовать Киргиз-Норскую котловину и урянхайскую землю в верховьях Енисея. Затем планировалось, перезимовав в Иркутске, в 1880 г. углубиться в Монголию на два года, пройти по долине р. Селенги, пересечь хребет Хангай и Южный Алтай и достигнуть верховьев Едзин-Гола. Однако планы полностью реализовать не удалось в связи с осложнениями отношений России с Китаем. Весной 1880 г., когда экспедиция была готова выступить в Монголию, неожиданно от консула из Урги (современный Улан-Батор) было получено предписание перевести зимовавший в дархатской земле скот, который составлял собственность экспедиции, ближе к государственной границе. Потанин съездил в Монголию и продал скот. Экспедиционные работы решено было свернуть. Г. Н. Потанин вынужден был отказать Адрианову в содержании. Он вернулся в Петербург и приступил к работе над описанием второго путешествия по Монголии.

В 1880 г. Русское географическое общество присудило Адрианову серебряную медаль за участие в экспедиции Г. Н. Потанина и коллек-

цию фотоснимков. Эти фотографии экспонировались в 1881 г. в помещении РГО в Петербурге. По свидетельству Н. М. Ядринцева, они дают представление "о типе и расе" монгольских племён. Г. Н. Потанин сообщал, что *"типы вышли хорошо. Я сам слышал похвалы академика Шренка и профессора Влад. Ковалевского"*, а также, что коллекцию фотографий покупают заграничные общества антропологии (25). В 1884 г. альбом фотографий, снятых Адриановым во время этого путешествия, был вручен Русским географическим обществом французскому принцу Бонапарту в качестве ответного дара. Принц же преподнёс Обществу фотографии индусов, североамериканских индейцев и индонезийцев.

Осенью 1880 г. Адрианов из Иркутска отправился в Томск, имея задание Г. Н. Потанина договориться с единомышленниками относительно издания там газеты.

Дело в том, что к этому времени в Иркутске с изданием рупора областников газеты "Сибирь" были большие осложнения. На её редакцию оказывала всё усиливающееся давление администрация генерал-губернатора Восточной Сибири. В этих условиях было решено перевести издание газеты "Сибирь" в Томск. Не надеясь на то, что в Томске удастся найти бумагу для первых выпусков, Адрианов захватил с собой из Иркутска несколько кип газетной бумаги. По приезду его в Томск выяснилось, что там почва для издания газеты подготовлена, группа местных интеллигентов уже начала действовать в этом направлении. Успеху предприятия способствовало сочувственное отношение к идее создания местной газеты губернатора В. И. Мерцалова. Вскоре по приезду А. В. Адрианова разрешение на издание было получено, так что вопрос о переводе "Сибири" в Томск был снят с повестки дня.

Еще в Петербурге на "журфиксах" у Ядринцева Адрианов много слышал от лидеров областнического движения о значении местной печати. Сибирская литература и пресса, согласно концепции Г. Н. Потанина, должны быть в первую очередь обращены к *"местному обществу"*, поднимать *"местные вопросы"*. О направляющей роли Г. Н. Потанина в организации периодической печати в Сибири Адрианов писал впоследствии, что он *"в создании её в Сибири, в самом зарождении её, в направлении её, сыграл важнейшую роль, большую, чем кто-либо из её деятелей, не своим личным в ней участием, а организацией её, намечением и подбором сил, указанием вопросов и тем для разработки материалов, нужных для этого направления, в котором следовало вести разработку, - словом, это был и руководитель, и вдохновитель выступающих деятелей печати"* (26).

Ученик и последователь Потанина, Адрианов на протяжении своей жизни занимался организацией издательского газетного дела. Это был прежде всего рупор сибирского областниче-

ства "Сибирская газета" в Томске, "Байкал" и "Восточное обозрение" в Иркутске, "Минусинский край" в Минусинске и, наконец, томская газета "Сибирская жизнь". В специальной работе "Периодическая печать в Сибири", опубликованной отдельной книжкой в 1919 г., А. В. Адрианов чётко определил свое отношение к местной прессе: *"Может быть, не нужно напоминать, - писал он, - об исключительно огромном значении печати вообще, а периодической в особенности, как важнейшего фактора прогресса в жизни всех стран и народов. Являясь выражением общественного мнения и одним из самых могучих орудий политической и всякой иной борьбы, возбуждая мысль, облегчая взаимные сношения, она представляет такую великую силу, с которой должны считаться и сообразоваться правительства, бессильные управлять страной без поддержки печати. Являясь зеркалом своей страны, печать поэтому является и мерилом её умственного роста. Находившаяся в течение почти трёх столетий на положении страны глубокой тьмы и невежества, лишённой просвещения, страны бесправия и произвола, служившей лишь приёмником для человеческих отбросов своей метрополии, лишь объектом её экономической эксплуатации, Сибирь, лишённая до самого недавнего времени собственной интеллигенции, в течение почти трёх столетий не имела и собственной периодической печати, не имела этого могучего орудия умственного развития и прогресса"* (27).

Кроме иркутской газеты "Сибирь", областники издавали с марта 1881 г. в Томске "Сибирскую газету", а с апреля 1882 г. еженедельное "Восточное обозрение" в Петербурге, впоследствии переведённое в Иркутск. В отношении третьей газеты областников - "Восточного Обозрения" Н. М. Ядринцев писал: *"Открывая газету, я мечтал соединить все литературные силы Сибири, привлечь наши таланты... Оммулевский нищенствует, Адрианов нищенствует, как и Наумов... Но умирают литераторы, а потребность литературы не умирает, она увеличивается"* (28). Все газеты областнического направления: "Сибирь", "Сибирская газета" и "Восточное обозрение" - были тесно связаны между собой. Их объединял такой выдающийся деятель сибирского областничества как Н. М. Ядринцев, руководили газетами по преимуществу сибиряки - его единомышленники.

"Сибирская газета" издавалась в Томске с 1881 г. до середины 1888 г. Адрианов сотрудничал в ней со дня основания. Издателем "Сибирской газеты" был с 1 марта 1881 г. по 9 октября 1883 г. П. И. Макушин; с 9 октября 1883 г. по январь 1888 г. А. В. Адрианов; с января по 10 апреля 1888 г. опять П. И. Макушин; с 10 апреля по 26 июля 1888 г. П. Толкачёв. А. В. Адрианов был также редактором "Сибирской газеты" с 11 марта 1884 г. по май 1887 г. И, разумеется,

он был постоянным автором. В начале А. В. Адрианов исполнял обязанности заведующего отделом корреспонденций, сибирским отделом, кроме того он был секретарём и занимался корректурой. Ему было разрешено пользоваться комнатой при редакции.

По призванию, как я это себе представляю, Адрианов был путешественником, учёным и литератором, здесь я имею в виду жанр очерка. "Чёрная" работа в газете, такая, как заведование типографией, ведение рассылки газеты, проверка корректуры, ответы на письма корреспондентов, была тяжелой и изнурительной, а Александр Васильевич всей душой стремился к исследовательской деятельности, для которой оставалось мало времени и приходилось заниматься урывками. Работая в "Сибирской газете", он постоянно сетовал на эту сторону своей жизни друзьям и прежде всего Н. М. Мартьянову. *"Беда моя - охота к научному труду страстная, а жизнь отбирает всё время и силы на другие занятия, не имеющие ничего общего с наукой в тесном смысле"* (29). *"Давит-давит меня газетная работа и я только-только успеваю с ней справиться... Чем больше накапливается газетных работ, тем сильнее хотелось бы заняться чем-либо более самостоятельным, пополнить мой скудный запас знаний. Не знаю, выпадет ли когда на мою долю это счастливое время. Людей у нас нет, не с кем делить этот египетский труд, выжимающий все соки и почти не пополняющий истраченного. Жаль."* (30).

Второе путешествие к центру Азии А. В. Адрианов совершил через год после первого уже самостоятельно (31). Изучение Сибири, коренных народностей, её населявших, их прошлого, уходящего в глубину веков, и современного бесправного положения входило в программу областников. Лидеры областнического движения своим личным примером воодушевляли Александра на такую деятельность.

Осенью 1880 г. в Томск, где поселился А. В. Адрианов с женой, ненадолго заехал Н. М. Ядринцев, побывавший до этого на Алтае с целью знакомства с положением местного коренного населения - инородцев. Он был оживлён и с увлечением рассказывал Александру о своих впечатлениях, демонстрировал экспедиционные материалы. Это свидание для них стало последним, в дальнейшем была только оживлённая переписка, оборвавшаяся с преждевременной смертью Ядринцева. В Томске Николай Михайлович выступил с публичным докладом, в котором знакомил общественность с результатами обследования. *"Приезд Ядринцева, его рассказы восторженные об Алтае, - признавался Адрианов, - до такой степени взбудоражили меня, что я готов, хоть с котомкой за плечами, удрать в горы и шляться в них"*. По складу характера Адрианов, как теперь принято говорить, был человек экспедиционный. Страсть к

научному поиску, к путешествиям в неизведанные края, "романтика дальних странствий", говоря языком современности, были в высшей степени свойственны его натуре. *"Как лето настаёт, так и тянет"*, - признавался он. Разумеется, был и более веский стимул к путешествию - изучение Сибири и сопредельных территорий. *"Понемножку познаю свою родимую Сибирь и всё большим желанием сгораю узнать её лично в собственных поездках"*.

Научное обоснование необходимости путешествия, задачи стоящие перед исследователем Сибири сформулированы А. В. Адриановым в предисловии к отчёту о поездке. *"Древнейший азиатский континент, - писал он, - представляет такой глубокий по обилию и разнообразию материала интерес для его изучения, какого не представляет, может быть, никакая другая часть света. Уже не говоря о разнообразии материала по всем отраслям естествознания, о разнообразии климата, характера местностей и различия физических условий, здесь, в этой колыбели человеческого рода, в этой стране древнейших монархий и великого передвижения народов сосредоточен громадный материал о народах, стёртых историей с лица земли и оставивших память о себе в виде многочисленных могильных памятников, надписей и изваяний; здесь, несомненно, есть громадный материал, оставленный первобытным человеком, употреблявшим последовательно орудия из кремня и кости, меди и бронзы и, наконец, железа. Но едва ли не более благодарный и интересный материал представляют народности и наречия, существующие и теперь, у которых уцелела древнейшая низкая первобытная культура, народы, не вышедшие до сих пор из полудикого состояния и сохранившие обычаи и преданья глубокой старины"* (32). Адрианов обращает внимание на то, что до последнего времени изучение Сибири велось поверхностно и не целенаправленно. *"...Систематического же изучения никогда не производилось. Потому-то до сих пор мы не имеем верной и подробной карты Сибири, в особенности восточной её половины, потому-то мы почти совершенно незнакомы ни с русской частью населения Сибири, ни с инородческой, незнакомы с физическими условиями отдельных районов и т.п. А между тем знакомство с такой обширнейшей страной необходимо как с частью своего государства, не говоря уже о высоком научном интересе, какой представляет Сибирь для изучения. Азиатская половина России состоит из двух почти равных элементов: русского крестьянства и инородцев"* (33). *"Вследствие вымирания инородцев в одних местах и обрусения их в других, они находятся в периоде ломки их вековых устоев: религиозные воззрения их уже не представляют первоначальной цельности, от них остались обломки, теперь непонятные*

даже для самих шаманистов, и связь между ними отыскать чрезвычайно трудно, если не совсем невозможно; их внешний быт изменился столько же... Здесь всё исчезает, даже самый язык, который мало-помалу портится словами других наречий и языков и постепенно забывается. Таким образом, указывая на необходимость и глубокий интерес исследования вообще Сибири предпочтительно пред Средней Азией, я решил посвятить свои труды и знания на это изучение" (34).

В 1881 г. А. В. Адрианов обратился к Русскому географическому обществу с предложением совершить на средства Общества поездку в бассейн р. Томи и исследовать её верхнее течение до Кузнецка, а также проехать по её большим притокам Мрассу и Кондоме, по Терсям и Тайдону, а затем по Томи на лодке спуститься до Томска. Географическое общество приняло это предложение, однако было высказано пожелание изменить маршрут и расширить район, подлежащий исследованию. Минусинский купец Г. П. Сафьянов, имевший фактории в Туве, предложил взять на себя расходы, необходимые для разъездов экспедиции "за Саянами" и возвращения в Минусинск. Таким образом маршрут должен был охватывать и Туву. Средства, выделенные Географическим обществом на поездку, были крайне ограничены - 600 рублей, редакция "Сибирской газеты" предоставила 100 рублей.

Из Томска А. В. Адрианов выехал 27 мая 1881 г., оставив дома жену и полторамесячную дочь. Направляясь в Кузнецк, он посетил месторождения каменного угля в Ново-Богатской копи и д. Афонинной. В Кузнецке Адрианов вынужден был задержаться, чтобы сделать заказы на экипировку в дальний путь. Это время он использовал для поездки в Тогул, где, как ему было известно, местные жители находили кости ископаемых животных. Ему удалось собрать на низких берегах реки коллекцию костей, принадлежащих по крайней мере трём видам ископаемых: быку, оленю и мамонту, помимо собственных сборов, он получил образцы и от местных жителей. Интересны замечания Адрианова в отношении находок кремней, о которых он слышал от крестьян: "Так как в окрестностях д. Мартыновой нет твёрдых пород и терраса, на которой расположена деревня, есть образование речное, то необходимо прийти к заключению, что присутствие камней в почве случайное и объясняется местопребыванием здесь доисторического человека, употреблявшего камни как орудия" (35).

Из Кузнецка А. В. Адрианов выехал 11 июня. Правым берегом р. Кондомы он направился вверх по её течению до улуса Куздеевского, где окончательно снарядился в путь. Здесь он нанял переводчика Николая Шаханова, шорца, который "превосходно знал не только Кондомскую тайгу, но и всех обитателей, забившихся по

укромным местам", а также двух рабочих, любителей таёжной жизни. Весь экспедиционный багаж, состоявший из палатки, инструментов, запаса продуктов и пр., был погружён на трёх вьючных лошадей. После долгих сборов караван, наконец, 20 июня тронулся в путь вверх по р. Кондоме. Экипировка для дальнего и трудного пути оставляла желать лучшего. Адрианов сетовал, что приборов для различных наблюдений, которые он планировал вести во время путешествия, было явно недостаточно. Его особенно удручало то обстоятельство, что не было фотоаппарата. Однако недостаток оборудования компенсировался огромным желанием выполнить возложенные на него поручения.

Долинами р. Кондомы, Лебеди и Бии Адрианов достиг Телецкого озера, по которому проплыл на лодке. В устье Чулышмана он рассчитался со своими спутниками, оставшись на берегу Телецкого озера вдвоём с переводчиком. Адрианова поразила красота девственной природы Алтая. Он тонко чувствует и образно передает её воздействие на состояние души. С годами он становится сдержаннее, и романтически приподнятые строки всё реже выходят из-под его пера. Но в его научных трудах, написанных в молодые годы, наряду с сухими отчётными данными то и дело прорываются вдохновенные трепетные слова восхищения перед одухотворённой и полной тайн природой Алтая. Особенно его впечатляла изменчивая и своевольная водная стихия. Впечатление, которое произвело на него взбунтовавшееся Телецкое озеро, ещё недавно тихое, спокойное, Адрианов передает так: "Утром, выйдя из палатки, я увидел грандиозное величественное зрелище! Никогда я не видал ничего подобного, никогда не испытывал таких ощущений, как в это утро... Грозные волны со страшным ревом и всплеском сшибались или одна другую поглощали, вырастая в огромный вал, господствовавший над всеми другими, который с яростью налетал на берег, далеко на него забегая. Страшный рёв, шум, всплески, свист и вид этой необъятной взволнованной поверхности, по которой ходили взад и вперёд миллионы великанов-валов, производили на душу неизъяснимое впечатление; дух креп и выросал и требовал деятельности при виде этой расхолодившейся стихии; в душе кипела необыкновенная жажда борьбы, смелость и отвага росли..." (36).

От миссионерского стана на Чулышмане близ места впадения в него р. Башкаус путешественники следовали до впадения в Башкаус р. Ян-Улаган, где Адрианов нанял трёх рабочих с семью лошадьми. Дорога шла в гору, вечером температура в верховьях Башкауса опускалась до 2°, хотя был конец июля. Ночью выпал иней. Перевал Улелю-арт, на который поднялись путники, служил водоразделом между р. Караоюком и Джитыдеем. Здесь проходила

государственная граница между русскими и китайскими владениями. Внизу расстилалась степь. Так завершился первый этап экспедиции.

Спустившись с гор, Адрианов направился берегом р. Шуй в долину р. Барлык, правого притока р. Хемчик. *“Хорошо и верно служивший мне толмач, грамотный и скромный инородец Николай Шаганов, пока я путешествовал по Кондоме и Лебеди, - писал Адрианов, - дальше перестал понимать чуждые ему наречья теленгытов и сойотов. Я не имел средств нанять другого толмача, почему в предлагаемом отчёте нет сведений о инородцах, начиная с Телецкого озера. К сойотам (тувинцам - М. Д.) же я попал, - писал он, - не только без толмача, но даже без вожака и прошел по интереснейшей из всего путешествия местности как человек, лишённый способностей: речи, зрения и слуха”* (37).

Взаимопонимания с тувинским населением Адрианов не достиг. На него смотрели недоброжелательно, поскольку он выдавал себя за купца, хотя и сам хорошо сознавал, что в это вряд ли кто может поверить. *“Дело в том, что моё инкогнито было быстро разоблачено, сойоты по множеству мелочей увидели, что я не торговец, за которого себя выдавал; у меня не было товара, русские приказчики и купцы относились ко мне с очевидным почтением и не как к равному, наконец, у меня были инструменты метеорологические, был гербарий, сушившийся в досках; эти доски с кипой бумаг, напоминающая монгольские или тибетские книги, приводили этих простых и невежественных людей в неописанное изумление, они ни за что не хотели верить, что я собираю и сушу растения и думали, что всё это были письма”* (38).

В пограничных районах лихие разбойники-конокрады постоянно держали путешественников в напряжении, особенно в ночное время. Это обстоятельство не могло способствовать взаиморасположению, хотя налёты грабителей удалось отбить. *“Утром к нашему стану набралось множество сойотов, беседовавших с нами как ни в чём не бывало и выражавших крайнее удивление тому, что рассказали рабочие; в числе этих удивлённых были, несомненно, и нападавшие на нас ночью. К сожалению, как я ни закидывал вопросы о реках, хребтах, дороге, шаманстве, управлении их князем, но на всё получал нахальное “бильбес” (“не знаю” - М. Д.). Потеряв терпение с этими “бильбесами”, я приказал вьючить лошадей”* (39). Путешественники шли степью, раскинувшейся по правому берегу Хемчика, пока не достигли ручья Коп-Кежиг, откуда направились к заимке Г. П. Сафьянова недалеко от берега Хемчика в местности Джир-Джарык.

Сафьянов в это время был в отлучке, и Адрианову пришлось задержаться на заимке на 11 дней. Он использовал время, пока на заимке поджидал Сафьянова, для экскурсий по окрест-

ностям. Адрианов описал и срисовал петроглифы и надписи на скалах Бижиктиг-Хая и каменное изваяние, известное в то время, как и в наши дни, под названием “Чингисхан”. Эта каменная статуя до сих пор стоит в степи близ горы Бижиктиг-Хая недалеко от современного пос. Кызыл-Мажалык. Для тувинцев древние изваяния, по свидетельству А. В. Адрианова, представляют святыню и предмет поклонения. *“Не все изваяния, - писал он, удостаиваются такого обожания, не перед всеми приносятся жертвы, но все одухотворяются в глазах язычника, который твёрдо верует в их силу и уверяет, что они могут принести ему пользу или вред”* (40).

Во времена А. В. Адрианова это каменное изваяние было “обнесено со всех сторон балаганом из хвороста сажень в 8 в окружности, высоким и просторным настолько, что внутри можно стоять и ходить; для того чтоб ветер не снёс эту постройку, она охвачена вокруг волосным хорошим арканом в два ряда. Перед балаганом, или, как называют сойоты, обо, на восточной стороне, на трёх перекрещивающихся посередине кольшиках, изображающих треножник, положена плита, вся промазанная, с остатками углей, - видно, что тут приносятся жертвы и сжигаются. К югу, северу и западу от обо идут ряды плиток, также положенных на три кольшика, только всё меньшей величины, чем восточный. Внутри обо перед самым кожо-таш развешены ленточки, по земле валяются обломки складных столов, ящичков, чашек. При самом входе, не доходя аршина три до статуи, водружена в землю вертикальная палка около сажени высотой, на верхнем конце которой укреплена палочка, так что всё это вместе имеет вид буквы Т. На палочке выдолблено 13 деревянных шпилей и на каждом из них насажены деревянные изображения верблюда, козла, быка, лошади, барана и др. попарно, то есть самца и самки; всё окрашено в красную краску. Около самого кожо-таш постарались едва ли не более, чем около обо. Вся статуя была выбелена, усы, эспаньолка, брови и глаза вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом; на груди разрисованы красной краской соски и самые груди, и выемка на горле. На голову надета шапочка, сшитая из миткаля, а на туловище рубаха из того же материала; на шапке сделаны кружки и мазки красной краской, а на рубахе выведены рёбра” (41).

Я впервые осматривала это изваяние в 1977 г., тогда на нем ещё можно было заметить слаборазличимые следы красной краски. Любопытно, что в 1988 г., когда я с сотрудниками Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции вновь хотела осмотреть изваяние и в ближайшем посёлке, носящем название Бижиктиг-Хая, справилась, как найти дорогу к нему, местные жители согласились со-

общить, только после того, как убедились, что у нас нет намерений выкопать и вывезти памятник, как это не раз случалось в практике археологов в Туве. А. В. Адрианов обратил внимание, что многие тувинцы считают Чингисхана чуть ли не богом и поклоняются ему, особенно почитают это изваяние.

Адрианов впервые описал и даже попытался срисовать от руки петроглифы на скалах Бижиктиг-Хая. В дальнейшем их неоднократно осматривали участники разных археологических экспедиций и, не находя всех описанных Адриановым наскальных изображений, приходили к выводу, что часть их утрачена. Мне довелось побывать в этих местах несколько раз, и в первые два посещения мне и моим спутникам, как мы ни старались, не удавалось обнаружить все упомянутые Адриановым изображения. Мы нашли их только на третий раз, в 1987 г. Этот факт свидетельствует о том, насколько зорким было профессиональное зрение Адрианова. В 1988 г. одному из участников наших работ на самом видном месте посчастливилось рассмотреть новые, неизвестные прежде, рисунки, которые до этого никто, даже Адрианов, различить не смог.

Здесь, на скалах Бижиктиг-Хая А. В. Адрианов осмотрел и описал буддийскую нишу с надписями на нескольких языках и нарисованными краской изображениями. *“На высоте нескольких сажен от земли в горе образовалась естественным путем ниша сажени в две с лишком в длину, аршина три вышиною и до полутора аршин в глубину. Задняя и левая боковая стенки ниши, а также потолок совершенно гладки и как будто чем вытерты и вылощены, по крайней мере блестящие, точно полированные поверхности и скользкие, если провести пальцами, указывают на это. Задняя и левая стены и потолок ниши исписаны черною краской, но настолько неясно, что с трудом разбирались кое-где отдельные чёрточки и буквы. Долго я бился над тем, чтоб перенести на бумагу хоть что-нибудь из этих может быть очень любопытных надписей; палящие лучи солнца, стоявшего как раз напротив ниши, отражались от блестящей поверхности её задней стенки и ещё более затрудняли работу. Я потерял уже надежду добиться чего-нибудь от этой полунемой скалы и с отёкшими руками и онемевшим затылком от запрокинутой назад головы в досаде убрал карандаш и записную книжку, как мне пришла в голову мысль вымыть стенки и вообще смочить исписанные места, чтобы буквы выступили ярче. Но на беду кругом расстилалась пустынная, безводная, голая степь, на которой достать воды невозможно. Недолго раздумывая, я плюнул на стенку, покрытую надписями, и смазал слюну пальцами, - оригинальный способ оживления старых картин и надписей увенчался успехом; к великой радости, я увидел, что несколько букв на смоченном месте выступили*

отчётливо, точно живые, точно их только что написали... Левая стенка ниши была исписана несколькими вертикальными строчками, но разобрать их мне не удалось, - знаки сильно стёрлись. На потолке ниши не видно было никаких следов письма, но я попытался намостить на пол несколько плит и обломков камней и, взобравшись на них, прибежал к испытанному уже способу оживления надписей; оказалось, что весь потолок был исписан какими-то толстыми буквами, расположенными в 5 или 6 строк, если не ошибаюсь, горизонтального письма...” (42). Адрианов не смог скопировать надписи полностью, но *“утешал себя тем, что работал не совсем напрасно, что будущий путешественник, наперед зная место и условия работы, не откажется посвятить один или два дня разбору этих надписей. А они интересны уже потому, что написаны на четырёх языках”* (43). Срисовав некоторые петроглифы на скалах Бижиктиг-Хая, А. В. Адрианов привел следующее описание техники их исполнения: *“О манере рисования этих картин на скалах следует вообще заметить, что одни фигуры людей и животных изображены только вдавленными линиями, представляющими самое простое, грубое очертание форм, другие фигуры представляют сдoblенную всю поверхность, заключённую между линиями очертания наружной формы, или сдoblенными только некоторые части этой поверхности (на рисунках они представлены затушёванными) и, наконец, на третьих художники старались изобразить расположение внутренних органов и частей скелета. Чаще всего встречается первый способ рисования и очень редко третий... Прежде всего бросается в глаза изображение быка с широко раскинутыми рогами и отвислым подгрудником; внутри изображены рёбра, кружки с точками, соответствующие некоторым органам, например, сердцу и проч. Кроме быка, нарисовано несколько козлов, лошадей, но уже не так тщательно и не с такой ясной передачей типических особенностей животных”* (44). Во время своих первых путешествий А. В. Адрианов ещё не был знаком с “механическим” способом копирования петроглифов путем изготовления эстампажей, которым он пользовался в дальнейшем, поэтому он срисовывал наскальные изображения от руки. Видимо, у него не было художественных способностей: эти рисунки довольно примитивны и имеют существенные расхождения с оригиналами.

18 августа вместе с Г. П. Сафьяновым Адрианов тронулся в путь к р. Джиргак, где находилась заимка купца Бякова. *“Пользуясь любезностью г. Сафьянова, на лошадях которого я ехал, я не мог требовать нужных мне останков, так как у него были свои торговые дела, свои расчёты, отправка скота как раз в*

это самое время и переправа его через бурный Кемчик вплавь” (45). На следующий день Сафьянов уехал к устью р. Алаш, куда через Хемчик переправляли скот, а Адрианов долиной Шемису отправился осматривать каменное изваяние. “Судя по ленточкам, повешенным вокруг шеи, по наложенным на земле камням, обломкам дерева, конским волосам и по следам масла на камнях и самом изваянии, - писал он, - этот кожо-таш тоже служит предметом почитания местных жителей” (46).

С заимки Бякова выехали поздно вечером и заночевали на берегу протоки Хемчика на опушке тополиной рощи. Ночью путники видели огоньки в тувинских юртах и слышали мощные звуки шаманского бубна. “Г. П. Сафьянов с заимки Бякова взял нарочно для меня, - писал Адрианов, - “сведущего” сойота, чтобы дорогой расспрашивать его о географии проходимой местности. К удивлению, он прикинулся дураковатым и на все вопросы давал один ответ: “мен бильбес”, когда я, раздосадованный, спросил, как его зовут, он улыбнулся и сказал “бильбес”. Не было сомнения, что весть о моем путешествии разнеслась и начальство приняло все меры, чтобы никто ничего не показывал, не рассказывал” (47). Пройдя версты полторы, путники пересекли залив Хемчика и подошли к утесу Хая-Бажи, нависшему над рекой, сложенному из пластов темно-серого глинистого сланца. “Тропинка шла по карнизу утеса, в это время не затопленному водой. На этом именно утесе я и нашел рунические письмена” (48), - писал А. В. Адрианов. Поблизости от рунических древнетюркских надписей он осмотрел, зарисовал и описал петроглифы. Он упоминает композицию, состоящую из трёх фигур оленей, в действительности, кроме них, на плоскости изображен ещё лось. “Ветвистые рога, большие уши и короткий хвост ясно указывают типические черты животного, все три оленя изображены бегущими в одну сторону, а на одном из них, нижнем, изображен и человек, который им и управляет. Стало быть, народ, оставивший нам на память эти рисунки, пользовался в ту пору оленем для верховой езды, и это немудрено, потому что здесь, и особенно вверх по Улукему, олени водятся, и охота за ними составляет и по настоящее время у некоторых сойотов главнейший промысел. Олени нарисованы на отвесной скале, на высоте около трех сажен от земли и доступ к ним едва возможен” (49). В данном случае А. В. Адрианов ошибся. Здесь изображен не всадник верхом на олене, а стрела, впившаяся в туловище животного.

На берегу р. Чаа-Холь Адрианов посетил буддийскую нишу и описал её. “В отвесной скале, сложенной из сланцев, на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1, 5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина. В глубине этой ниши на зад-

ней её стенке рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространённое изображение Шигемуни (Шакьямуни - М. Д.), а два боковых в стоячем положении. Снаружи перед входом в нишу по сторонам её поставлены две статуэтки около аршина высотой, весьма хорошо и отчётливо отделанные; статуи парные, изображают воинов, у которых один сжатый кулак поднят кверху, а другой подперт в бок, так что они напоминают несколько английских боксёров, изображаемых на картинках. Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа, внимание которых проявилось между прочим и в том, что на стенках ниши были расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч.; а на дне ниши валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д. На земле перед скалой протянуты на кольях бечёвки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на бечёвки и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест” (50).

На правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге А. В. Адрианов отметил на утёсе около ручья Биделик изображения животных и какие-то загадочные знаки. Это было первое сообщение о петроглифах в районе, где впоследствии в широких масштабах проводила работы Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

На правом берегу Улуг-Хема возвышается гора Бура, с которой связано предание о всемирном потопе, которое и мне, спустя более ста лет после описываемого путешествия, доводилось слышать. Адрианов рассказывал, что тувинцы, с которыми он беседовал, уверяли, что сами видели остатки плота, что “на Буре во время потопа остановился железный сал (плот), который и теперь стоит на вершине горы, прикованный. Про этот сал здесь решительно каждый знает, но на расспросы о нем отвечает “бильбес”, по обыкновению. Так, на остановке нашей близ Кайракана (Хайыракана - М. Д.), в нашу палатку набралось много сойотов и между ними один старик, маленький чиновник. Когда я предложил ему вопрос о железном сале на Буре, он громко сказал “бильбес”, но в то же время толкнул тихонько Сафьянова, бывшего моим толмачем. Скоро он вызвал Сафьянова из палатки, отвёл его в сторону и шепотом рассказал ему, что о плоте знает и указал, где находится; при этом он пояснил, что при людях говорить о подобных предметах нельзя - убьют, и что

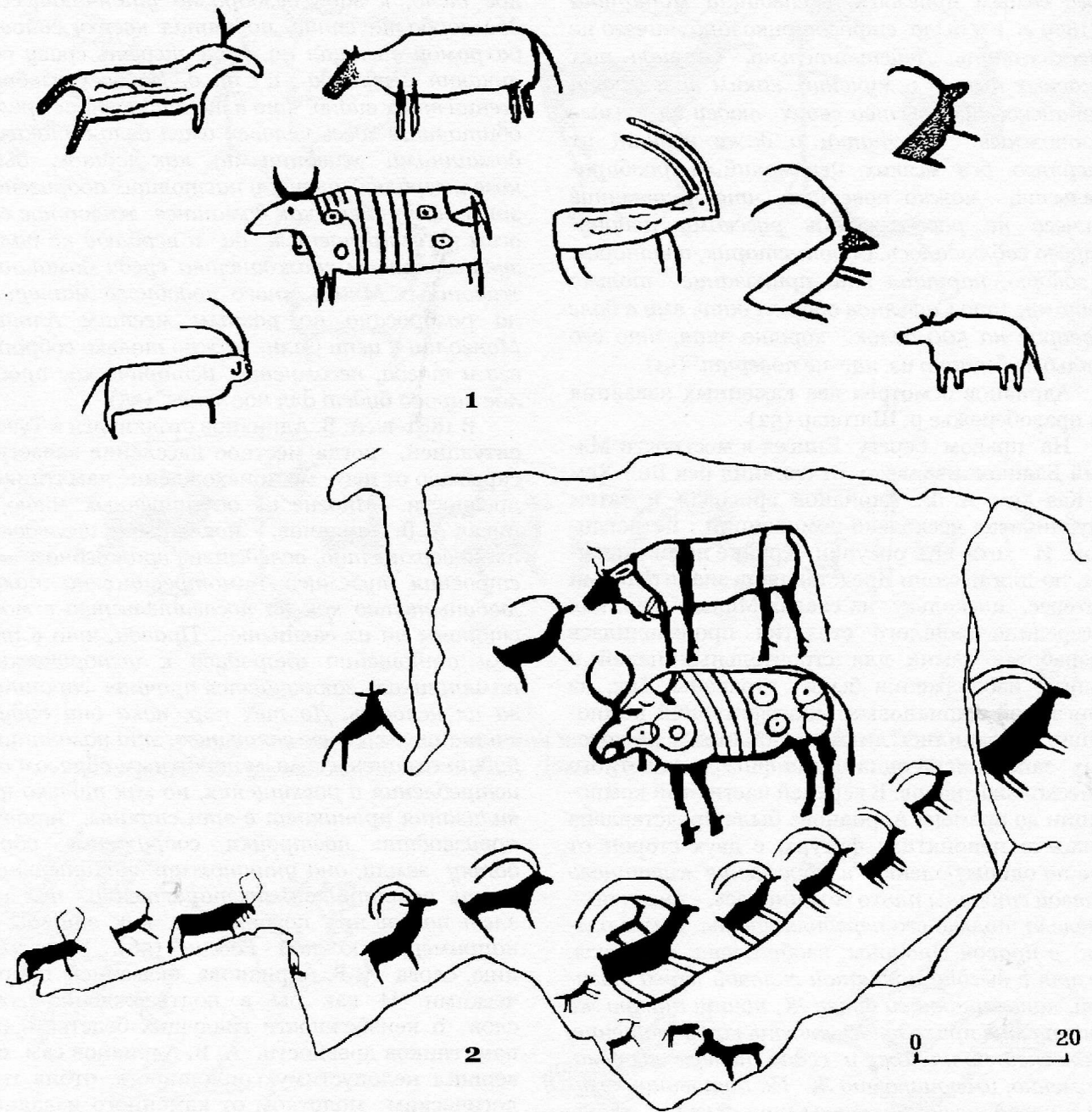

Рис. 1. Наскальные изображения памятника Бижиктиг-Хая в Туве:
1) рисунок А. В. Адрианова; 2) копия М. А. Дэвлет.

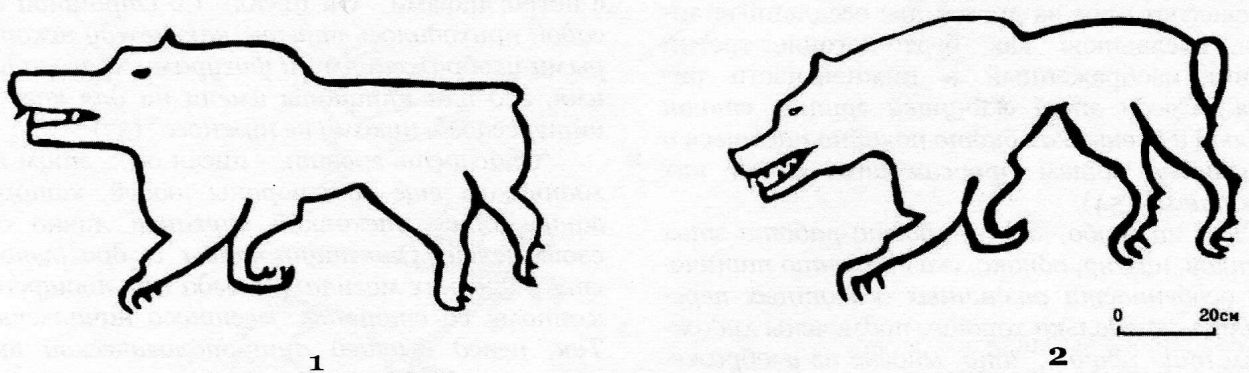

Рис. 2. Наскальные изображения памятника Малый Баянкол в Туве:
1) рисунок А. В. Адрианова; 2) копия М. А. Дэвлет.

пред самым приездом экспедиции Потанина в 1879 г. им было строго приказано ничего не рассказывать. Действительно, в виду тех ужасных пыток и мучений, каким подвергает китайское начальство своих людей за самые ничтожные проступки и даже казнят их смертью без всяких церемоний и разбирательств, можно поверить, что приказание "ничего не рассказывать русскому нойону" строго соблюдалось. Сойот-старик, о котором я говорю, нарушил это приказание только потому, что Сафьянов обещал дать ему в долг товаров на 500 белок, хорошо зная, что его "бильбесу" никто из нас не поверит" (51).

Адрианов осмотрел два каменных изваяния на правом берегу р. Шагонар (52).

На правом берегу Енисея в местности Малый Баянкол недалеко от слияния рек Бий-Хем и Каа-Хем А. В. Адрианов срисовал и затем опубликовал несколько композиций петроглифов. И хотя его рисунки крайне несовершенны, но для нас они представляют значительный интерес, поскольку на скалах Малый Баянкол в середине прошлого столетия производилась разработка камня для строительных целей и многие изображения были утрачены. Так, из описанной Адриановым многофигурной композиции сохранились лишь два обломка, на которых запечатлена одна целая фигура животного и несколько знаков. В верхней части этой композиции во времена Адрианова была представлена какая-то непонятная фигура, с двух сторон от неё по одному оленю; "изображение животного с левой стороны плохо сохранилось, - писал он, - уцелела только его передняя часть. Ниже олень, с правой стороны, изображена, кажется, козуля с высоко поднятой головой перед фигурой, напоминающей букву Ж; почти такую же фигуру мне приходилось видеть как украшение, вытесненное на коже у седла поверх кычима, а именно, имеющую вид Ж. По туловищу козули и перед шеей начерчены три фигуры, тождественные с буквой Н. Описанные изображения составляют как бы одну группу" (53). Ниже расположена другая группа. В верхней её части изображена скачущая лошадь, за которой следуют одна за другой две оседланные лошади, последнюю как будто догоняет третий всадник, изображенный в нижней части рисунка. "Среди этой скачущей группы стоят верблюд и олень, как будто покойно пасишься и напуганные затем происшедшим около них движением" (54).

"Как ни груба, как ни проста работа этих рисунков, нужно, однако, сказать, что типические особенности различных животных передавались настолько хорошо, подмечены художником так удачно, что многие из изображений распознаются легко. Так, например, поднятый вверх хвостик, борода клином и вверх идущие рога дугой сразу выделяют домашнего козла из ряда всех других животных; длин-

ное тело, к заду безобразно утончающееся, два горба на спине, поднятая кверху голова, бахромой висящая на горле шерсть сразу обличают верблюда и т. д. Из всех изображений этих видно, что в то отдаленное время обитавший здесь человек имел дело с такими домашними животными, как лошадь, бык, козел, верблюд, олень; у настоящих аборигенов этих мест олень как домашнее животное совсем не встречается, да и верблюд не пользуется правом гражданства среди домашних животных. Много, много подобного материала разбросано по разным местам Алтая, Монголии и цепи Саян, нужно только собрать его и тогда, несомненно, историческое прошлое народа будет для нас яснее" (55).

В 1881 г. А. В. Адрианов столкнулся в Туве с ситуацией, когда местное население зачастую скрывало от него местонахождение памятников древности. "Многие из осмотренных мною, - писал А. В. Адрианов, - могли быть исследованы поверхностно, вследствие враждебного настроения туземцев, смотревших на такое любопытство как на посягательство с моей стороны на их святыню... Правда, что в таком отношении инородцев к историческим памятникам заключается прочная гарантия за их целостность. До тех пор, пока они будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надёжным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнёт производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников, постарается из них извлечь пользу при постройках, как это было, например, в южной России" (56). К сожалению, слова А. В. Адрианова оказались пророческими. И как бы в подтверждение своих слов о неизбежности грядущих бедствий для памятников древности, А. В. Адрианов сам совершил недопустимую оплошность, отбив геологическим молотком от каменного изваяния образец породы.

Более ста лет назад А. В. Адрианов, путешествуя по Туве, уже замечал результаты невежественных действий человека в отношении скал с петроглифами. Он писал: "Со страшной досадой приходилось видеть, как между некоторыми изображениями и фигурами красовалось имя, год или инициалы имени ни для кого не интересного, никому не нужного" (57).

"Опасность грозит, - писал он, - этим памятникам ещё со стороны людей, которые занимаются раскопкой курганов лично для своих целей. Они ищут клады и драгоценности в древних могилах, иногда при поощрении к этому со стороны местного начальства. Так, перед бывшей антропологической выставкой в Москве начальство некоторых местностей вызвало всех желающих заняться раскопкой могил на их счёт, чтоб доставить на выставку коллекции. Такое рвение, мне ка-

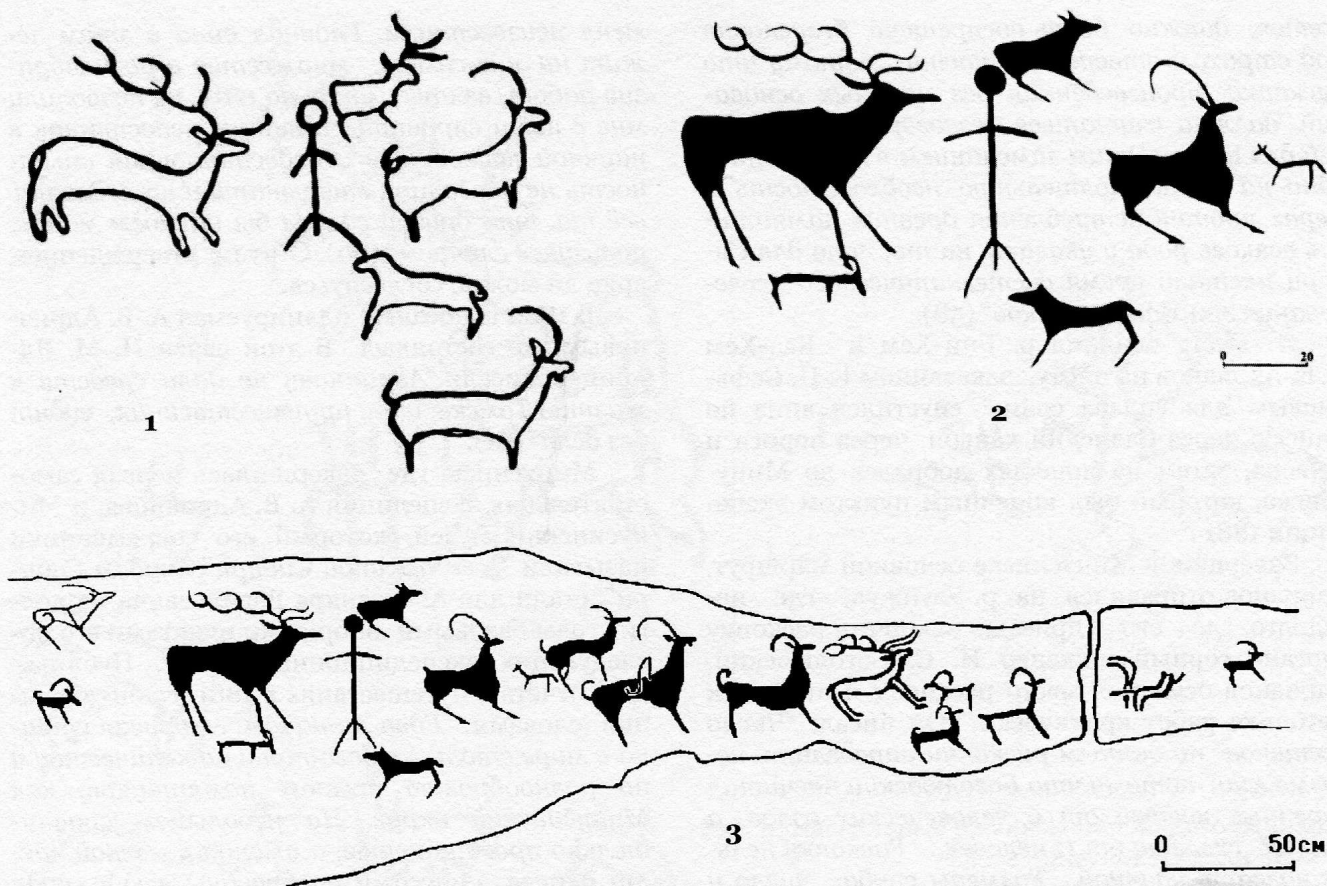

Рис. 3. Наскальные изображения памятника Малый Баянкол в Туве:
 1) рисунок А. В. Адрианова; 2) копия М. А. Дэвлет; 3) вся композиция, копия М. А. Дэвлет.

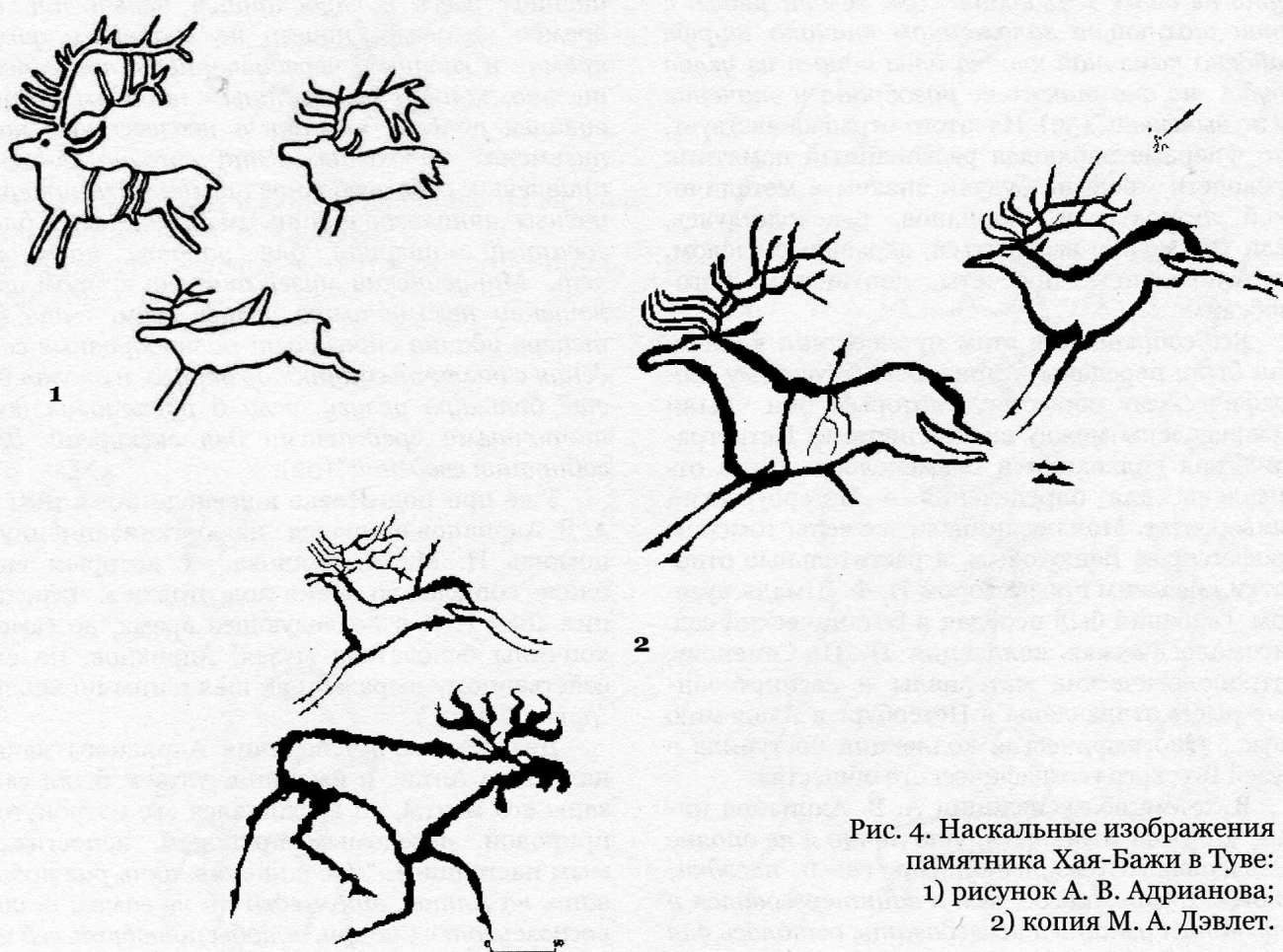

Рис. 4. Наскальные изображения памятника Хая-Бажи в Туве:
 1) рисунок А. В. Адрианова;
 2) копия М. А. Дэвлет.

жется, должно быть воспрещено безусловно под страхом ответственности, потому что раскопка, произведённая без научных оснований, должна считаться безвозвратной потерей для науки. Этим замечанием я хочу поставить на вид настоятельную необходимость в мерах против истребления древних памятников всякого рода и указать на то, что для Сибири настало время систематического исследования этих памятников” (58).

От места слияния р. Бий-Хем и Каа-Хем А. В. Адрианов на плоту, заказанном Г. П. Сафьяновым для сплава соли, спустился вниз по Енисею через Саянский каньон, через пороги и шивера, затем на лошадях добрался до Минусинска, который был конечным пунктом экспедиции 1881 г.

Завершив в Минусинске основной маршрут, Адрианов отправился на р. Узунжол, где незадолго до его приезда закончил раскопку кургана горный инженер И. С. Боголюбский. Адрианов осмотрел место раскопок и отнёсся к методике работ критически. Он писал: “Число костяков по данным раскопки определить невозможно, потому что Боголюбский насчитал черепных костей от 6 человеческих зубов, а костей скелета от 11 человек... Раскопку нельзя назвать удачной. Размеры сруба, число и положение костяков, содержимое сосудов и другие подробности не выяснены. Раскопка даже не коснулась всей могилы - из шахты вынута не более 1 1/2 кубич. саж. земли; рядом с этой шахтой, в заложенном сначала шурфе найдена каменная кладка близ одного из углов сруба, но она также не разобрана и значение её не выяснено” (59). Из этого отрывка явствует, что, впервые наблюдая раскопанный памятник древности, ещё не будучи знаком с методической литературой, Адрианов, руководствуясь, если так можно выразиться, здравым смыслом, отчетливо увидел просчёты, допущенные Боголюбским.

Все собранные в этом путешествии коллекции были переданы Адриановым Русскому географическому обществу, которым они были распределены между специалистами. Петрографическая коллекция и окаменелости были отправлены для определения в Петербургский университет. Моллюски были изучены томским профессором Венюковым, а растительные отпечатки киевским профессором И. Ф. Шмальгаузенном. Гербарий был передан в Ботанический сад, энтомологическая коллекция П. П. Семенову, антропологические материалы и заспиртованные рыбы отправлены в Петербург в Академию наук; этнографическая коллекция поступила в музей Русского географического общества.

В отчёте об экспедиции А. В. Адрианов писал: “Должен сознаться, что лично я не вполне удовлетворён результатами своей поездки; многое, очень многое, чем я заинтересовался и что хотел узнать и исследовать, осталось для

меня неизвестным. Главная вина в этом лежит на мне самом; множество и разнообразие работ, взятых мною на себя, не позволили мне с ними справиться, также недостаток в научной подготовке и недостаточная опытность не позволили мне узнать и исследовать всё то, что другой сделал бы на моем месте, пользуясь случаем” (60). С этим утверждением вряд ли можно согласиться.

В 1882 г. поездка, планируемая А. В. Адриановым, не состоялась. В этой связи Н. М. Ядринцев писал: “Адрианову не дали средств к жизни в Томске, и он, путешественник, сидит без дела” (61).

Минусинск, где завершилась первая самостоятельная экспедиция А. В. Адрианова, и Минусинский музей, который его современники называли “жемчужиной Сибири”, “чудом Сибири”, стали для Александра Васильевича на долгие годы базовыми опорными пунктами его последующих экспедиционных работ. Публикацию отчёта о путешествиях в 1881 г. он закончил словами: “Едва ли найдется другая страна в мире столь же богатая и по количеству и по разнообразию древних памятников, как Минусинский округ. На небольшом сравнительно пространстве, а именно в южной части округа, массами разбросаны всюду, куда ни кинешь взор, эти немые памятники, сохраняющие в себе бесценные документы для освещения и разъяснения истории народов, обитавших здесь с глубочайшей древности, со времён человека, ничего не знавшего кроме кремня и кости, и чередовавшихся последовательно, кончая неизвестным народом, оставившим по себе память в неизвестных нам письменах на камнях. Эта страна должна привлечь к себе особенное внимание и интерес учёных этнологов и дать им громадный и благодарный материал для работы на много лет. Минусинский музей окажет в этом отношении незаменимую услугу тем, что он теперь удачно стягивает разнообразные сведения с различных пунктов округа, и оказал бы ещё большую услугу, если бы располагал достаточными средствами для экскурсий, для собирания сведений” (62).

Уже при подготовке к экспедиции в 1881 г. А. В. Адрианов опирался на организационную помощь Н. М. Мартыанова, с которым ещё ближе сошёлся во время подготовки к экспедиции 1883 г. И в последующее время, до самой кончины основателя музея, Адрианов, по его собственному выражению, шёл с ним по жизни “рука об руку”.

Два первых путешествия Адрианова начались на Алтае, и именно с Алтаем были связаны его мечты, он восхищался его нетронутой природой, неведомым прошлым, непостижимым настоящим. “Достаточно хоть раз побывать на Алтае, этом едва ли не самом интересном уголке Сибири, чтобы полюбить его на

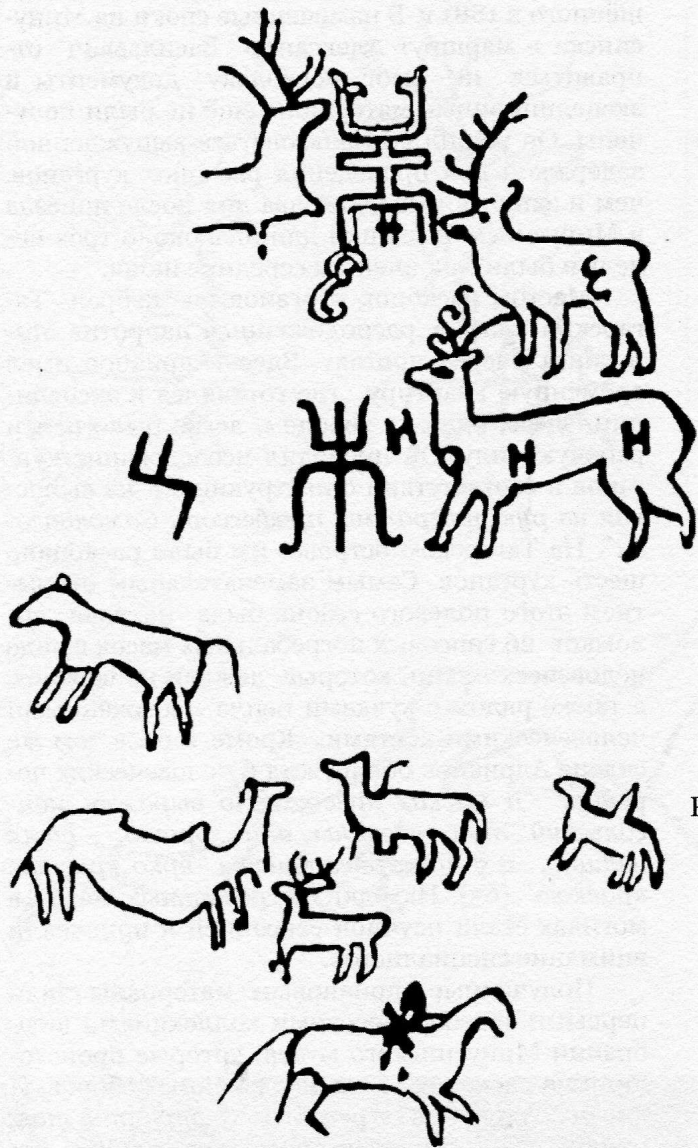

Рис. 6. Наскальные изображения Малого Баянкола: справа - рисунок А. В. Адрианова; слева - сохранившаяся часть той же композиции, копия М. А. Дэвлет.

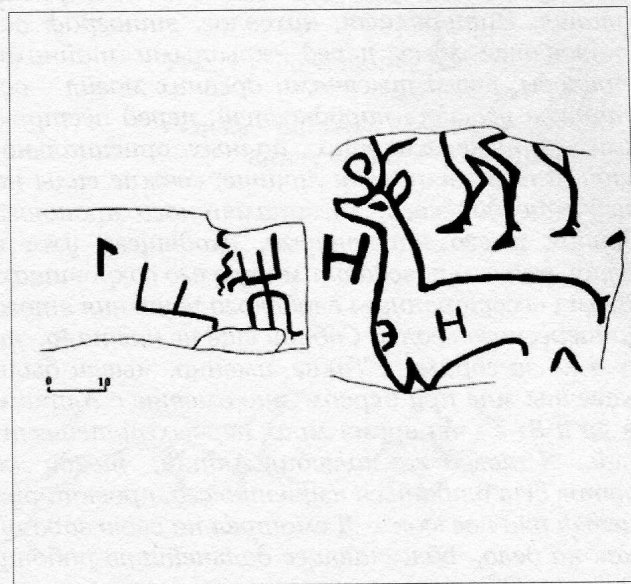
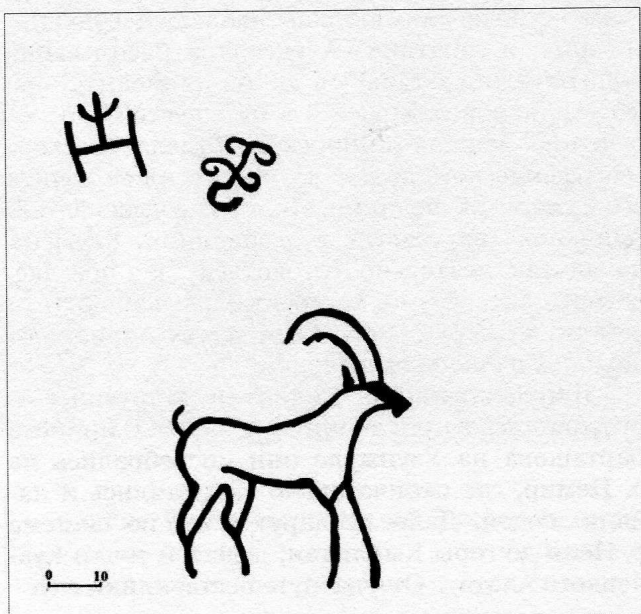

Рис. 5. Наскальные изображения Малого Баянкола: слева - рисунок А. В. Адрианова; справа - сохранившаяся часть той же композиции, копия М. А. Дэвлет.

всю жизнь, связать его с лучшими своими воспоминаниями - столько в нём пищи для ума и сердца!" - писал он. "Для самого глубокого, пытливого ума учёного Алтай представляет неисчерпаемый источник по любой отрасли знания. Натуралист, археолог, этнограф останутся здесь перед скрытыми тайнами природы, перед тысячами древних могил - остатков угасших народностей, перед пёстрой смесью ныне живущих, полных оригинальностью, и посвятят свои лучшие, свежие силы на изучение далёкого, незапамятного прошлого Алтая и его настоящего, уходящего уже в глубь веков, и поведают миру о его сокровищах. Время всестороннего глубокого изучения этого интересного уголка Сибири ещё не настало, но оно не за горами... Такие, именно, мысли были навеяны мне при первом знакомстве с Алтаем в 79 и 81 г., во время моих первых путешествий. Я тогда же полюбил Алтай, тогда же готов был отдаться изучению его, проектируя целый ряд поездок... Я смотрел на свою задачу, как на дело, облегчающее дальнейшую работу учёных. Обстоятельства сложились так, что мне пришлось отдать свои силы и время на другое дело, посвящая Алтаю лишь немногие часы досуга, что, к сожалению, делает невозможным такое изучение этого уголка Сибири, о каком я раньше думал. Но чарующие прелести Алтая всё манят к себе и часто являются, как сладкий фантом, унося мои мысли от повседневной работы туда, в глубь Алтая, на лоно девственной природы, на лоно своеобразной жизни инородца, незнакомой и непонятной остальному миру. И я рад был, я пользовался всяким случаем побывать на Алтае" (63).

В 1883 г. Адрианов начинает хлопотать о получении средств на экспедицию. Свою программу он изложил в письме в Распорядительный комитет Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Это письмо было рассмотрено на заседании комитета 15 января. В протоколе заседания мы читаем: "Должено письмо из Томска члена-сотрудника А. В. Адрианова, который сообщает о своем намерении совершить научную экскурсию в малоизвестные юго-восточные части Алтая. В круг исследований войдёт определение истоков р. Томи, высочайшей снежной горы в Кузнецком округе - Мустага, также водораздела Абакана и Мрассу, с целью решения вопроса, не обитал ли тут первобытный человек; собрание этнографического материала, сказок, легенд, сведений о шаманстве; раскопка могил; фотографические снимки типов и видов. Определено: ввиду известного уже научного достоинства трудов г. Адрианова как путешественника оказать ему денежное содействие до 500 рублей" (64).

Экспедиция 1883 г. служила, по словам Адрианова, продолжением путешествия, совер-

шённого в 1881 г. В намеченные сроки из Минусинска в маршрут Александр Васильевич отправиться не смог, поскольку документы и экспедиционные материалы ещё не были получены. Он решил воспользоваться вынужденной задержкой для проведения раскопок курганов, чем и занялся уже через два дня после приезда в Минусинск. Раскопки длились около трёх недель и были закончены к середине июня.

Местом раскопок курганов он избрал Тагарский остров, расположенный напротив Минусинска через протоку. Здесь Адрианов имел временную квартиру, где готовился к экспедиции, здесь, рядом с городом, легко было найти рабочую силу. Он проводил исследование курганов в соответствии с инструкцией, "не выпускаемая из рук программы профессора Самоковцова". На Тагарском острове им было раскопано шесть курганов. Самым замечательным открытием этого полевого сезона была находка обломков 26 гипсовых погребальных масок в виде человеческих лиц, которые лежали на черепках, а также рядом с кучками пепла - сожженными человеческими костями. Кроме того, в том же склепе Адрианов обнаружил 6 человеческих черепов. "В масках превосходно выражен монгольский тип, сделаны они хорошо, даже изящно, и с лица раскрашены ярко красною краскою" (65). Находки погребальных масок в могилах стали научной сенсацией и привлекли внимание специалистов.

Полученные Адриановым материалы стали первыми археологическими коллекциями в собрании Минусинского музея, которые происходили из раскопок, а не из случайных сборов. И впредь Адрианов стремился "устроить так, чтобы всё добытое из раскопок целиком поступило в Минусинский музей". Однако осуществить это намерение ему не удалось, в дальнейшем он вынужден был сдавать материалы в Археологическую комиссию, так как она финансировала его полевые исследования.

За раскопками А. В. Адрианова на Тагарском острове внимательно наблюдал будущий товарищ и соратник Александра Васильевича политический ссыльный Д. А. Клеменц. Зная, что Адрианов собирается в путешествие по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, он просил включить его в состав экспедиции. Получив согласие А. В. Адрианова на участие в экспедиции, Клеменц начал так деятельно готовиться к поездке, изучать литературу на разных языках об этом районе, что стал, по свидетельству Адрианова, "головой и душой экспедиции".

Путешественники покинули Минусинск и отправились в путь долиной Абакана. С прииска Барташова на Узунжуле они перебрались на р. Немир, где окончательно снарядились и наняли людей. Далее маршрут лежал по системе р. Нени до горы Кырлыган, высшей точки Кузнецкого Алатау. Оттуда путешественники спус-

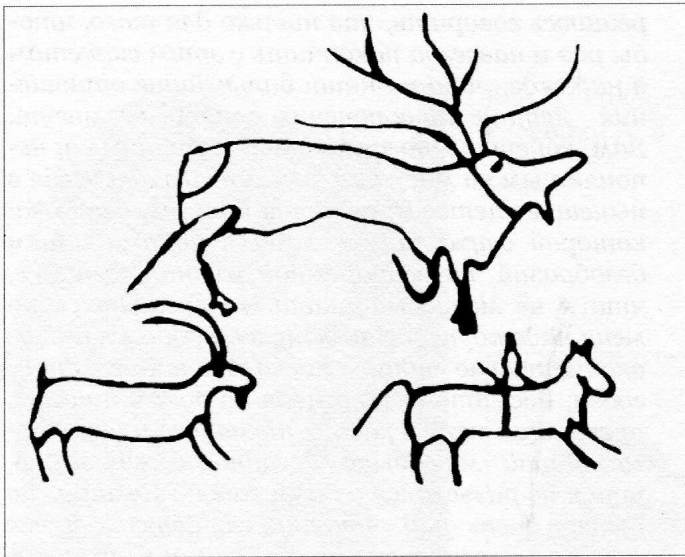

Рис. 7. Наскальные изображения
Малого Баянкола.
слева - рисунок А. В. Адрианова;
внизу - копия М. А. Дэвлет.

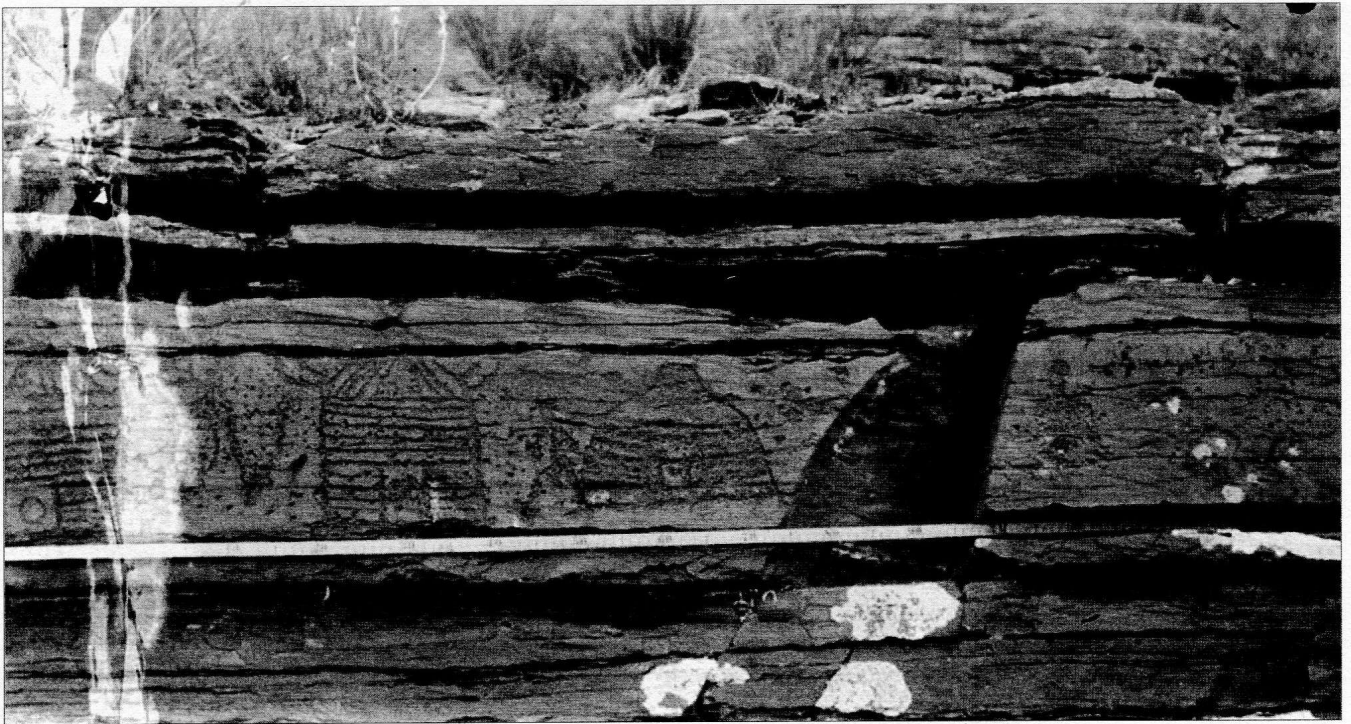
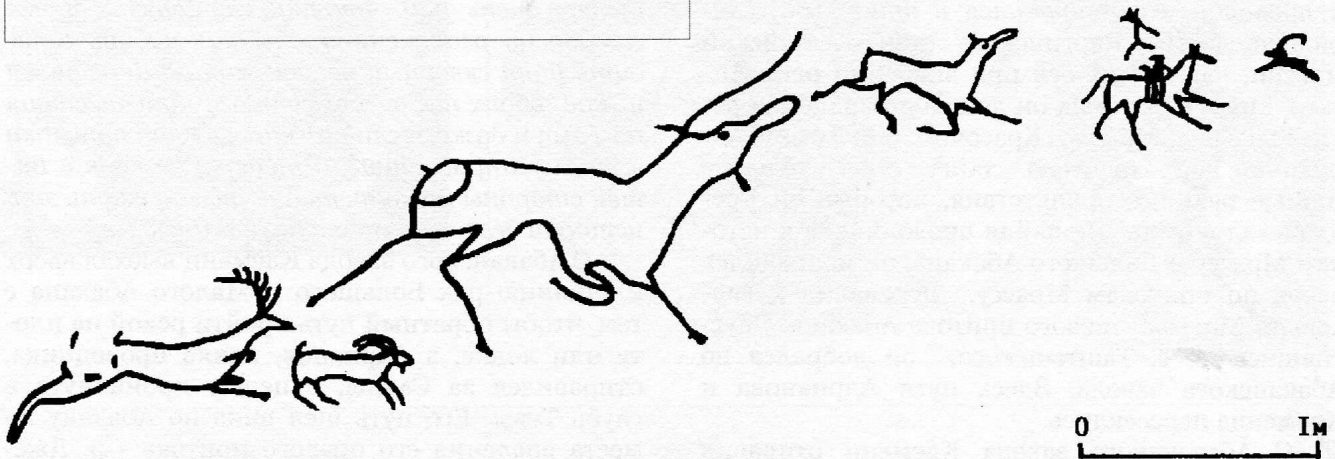

Рис. 8. Фрагмент Малой Боярской писаницы, Хакасия. Фотография А. В. Адрианова.
Фотоархив ИИМК РАН.

тились прямо к истокам р. Томи и следовали её долиной вплоть до впадения в нее слева р. Балыксы.

На устье Балыксы экспедиция разделилась: Адрианов направился на Мрассу, а Клеменц на Абакан. *“Хотя этот шаг - разделение экспедиции надвое - был весьма рискованным, - писал впоследствии Адрианов, - в том отношении, что мы располагали ничтожными средствами, самым ограниченным числом людей и лошадей, и тем не менее Д. А. Клеменц решился пожертвовать всеми элементарными удобствами путешествия по совершенно безлюдной местности, лишь бы обогатить наши знания о крае новыми сведениями. Взяв необходимое количество припасов и денег, он с одной вьючной и проводником отправился в путь”* (66). Адрианов достиг Каргинского стана Алтайской миссии, находившегося при впадении реки Анзас в Мрассу. Отсюда он дошел до впадения реки Кыйзас в Мрассу. Красочно описывает Адрианов непроходимую тайгу, стремительные горные реки, те препятствия, которые он преодолевал в пути. Не найдя проводников к истокам Мрассу и Большого Абакана, он направился вверх по притокам Мрассу, перевалил к верховьям Матыра - левого притока Абакана. Спустившись до с. Таштыпского, он добрался до Абаканского завода. Здесь пути Адрианова и Клеменца пересеклись.

С Абаканского завода Клеменц отправил Мартьянову письмо. *“Пользуюсь случаем, - писал он, - сообщить Вам сведения о ходе своих занятий и о дальнейших планах. Александр Васильевич нашел более удобным дать мне отдельное поручение, рассчитывая, что с задачами экспедиции он справится один, а времени возможно и удобно для продолжения работ немного”* (67). Здесь чувствуются отголоски того конфликта, который имел место, когда путешественники были в верховьях р. Томи и когда произошло разделение экспедиции на две группы, направившиеся разными маршрутами. Ни Адрианов, ни Клеменц никогда впоследствии не напоминали об этом конфликте, до конца жизни их связывала тесная дружба. А между тем разлад между ними всё-таки был, хотя в написанных много лет спустя некрологе и воспоминаниях о Клеменце Адрианов мотивировал разделение экспедиции на две группы, как сказали бы теперь, “производственной необходимостью”, соображениями охвата исследованиями как можно большей территории. Так оно и получилось в результате: разделение пошло на пользу делу, но причины его всё же кроются в конфликте личного порядка. Об этом можно судить на основании письма Клеменца, адресованного А. В. Адрианову (к сожалению, без даты), в котором мы читаем: *“Если наши отношения за нынешнее лето сложились так неудачно, то виноваты в этом мы оба. Мне по многим причинам тяжело вспоминать об этом, и если я*

решаюсь говорить, то только для того, чтобы раз и навсегда покончить с этим сюжетом в надежде, что на наши дальнейшие отношения летние приключения влиять не могут. Вам, конечно, многое казалось странным и непонятным во мне, да я и сам не узнавал себя в нынешнее лето. Проклятая болезнь, остатки которой служили мне живым напоминанием безобразий послетюремной жизни, сознание, что я не могу выполнить возлагавшихся на меня надежд, новость дела, в котором я не мог окончательно судить, насколько я к нему пригоден, - всё это вязало меня по рукам и ногам, превращая меня в какого-то вялого и неумелого. Порой мне было досадно на себя за то, что я не разъехался с Вами еще на Немуре, но теперь очень рад, что так случилось... Я был сам очень озабочен, чтобы как-нибудь сгладить тот скверный осадок, который остался у нас обоих после совместного путешествия по Томи и даже, если помните, делал попытки в этом направлении, а теперь, не видя с Вашей стороны препятствий, думаю сдать эти истории безвозвратно в архив” (68).

С Абаканского завода Клеменц выехал вверх к слиянию рек Большого и Малого Абакана с тем, чтобы обратный путь пройти рекой на плоту или лодке, а Адрианов, наняв проводника, отправился за Саяны, с целью проникнуть в глубь Тувы. Его путь шёл вниз по Абакану до места впадения его правого притока - р. Джебаш, затем долиной этой реки. Достигнув Саян и перевалив через хребет, Адрианов спустился по одному из притоков р. Кантегир. От пограничного знака он пересек Кара-Хольскую котловину и перевалил в верхнюю систему р. Оны. Адрианов стремился попасть на оз. Сут-Холь, но добраться туда ему не удалось. От оз. Борокуль он смог сделать переход до верхнего течения р. Тыйлансу. К этому времени продовольственные припасы кончились, к тому же тувинцы-проводники ночью его обокрали. Выменяв топор на баранью ногу, чтобы не голодать в пути, Адрианов вернулся из-за Саян на р. Абакан и далее направился в Минусинск.

Во время этой поездки он отмечал местонахождения писаниц, каменных изваяний, описал и схематически зарисовал отдельные изображения на курганных плитах. Он никогда не упускал возможности получить опросные данные. Ещё в 1881 г. Н. М. Мартьянов сообщил ему сведения о местонахождении изображений по р. Арбаты. В д. Арбаты, бывшем казачьем форпосте, А. В. Адрианов, расспросив казаков, узнал о нескольких им известных писаницах, а именно: в 7 верстах от д. Арбаты; в 12 верстах от д. Арбаты по р. Джебашу; в 75 верстах от д. Арбаты по р. Уртенъ - Джебашу. Кроме того от местных жителей он получил сведения о писаницах в других местах: около улуса Сагаякова на Абакане, на Уйбате в 10 верстах от Мохова улуса, у улуса Картиных, на курганных плитах у

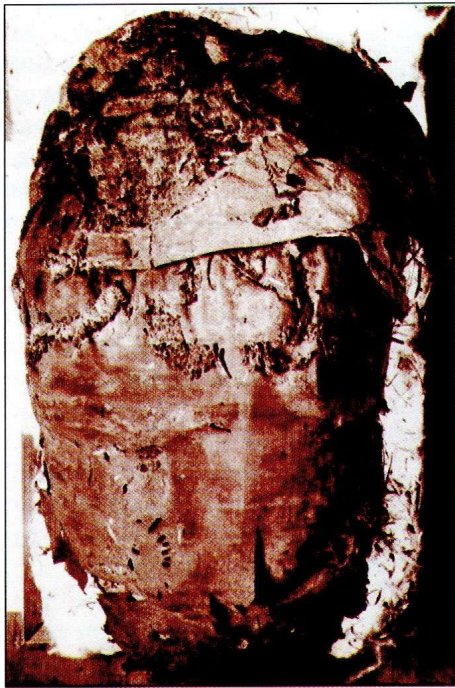

Рис. 9. Голова куклы из Оглахтинского могильника. Раскопки А. В. Адрианова. Фотоархив ИИМК РАН.

Рис. 10. Таштыкские погребальные маски. Раскопки А. В. Адрианова. Фотоархив ИИМК РАН.

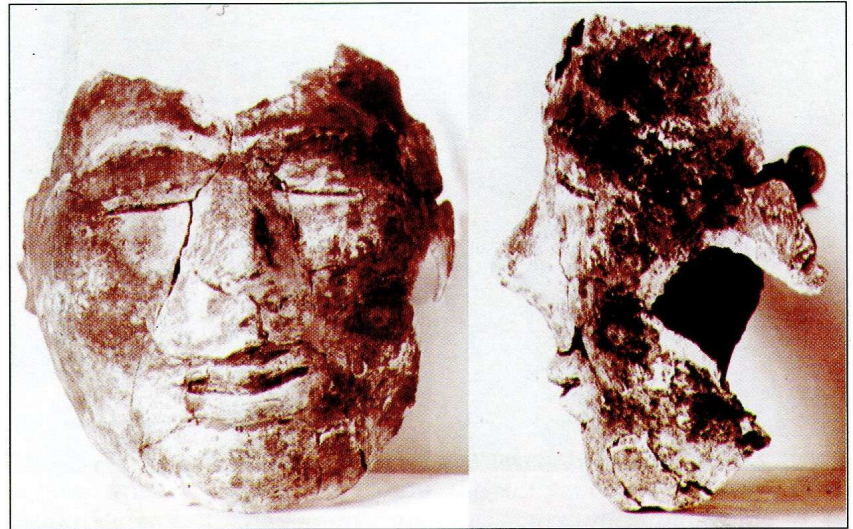

Рис. 11. Фотографии мумии из Оглахтинского могильника. Раскопки А. В. Адрианова. Фотоархив ИИМК РАН.

Рис. 12. Рисунок на одной из плит Ташебинского чаа-таса в Хакасии. Копия А. В. Адрианова, выполненная типографской краской на миткале. Рукописный архив ИИМК РАН. Фотография Е. А. Миклашевич

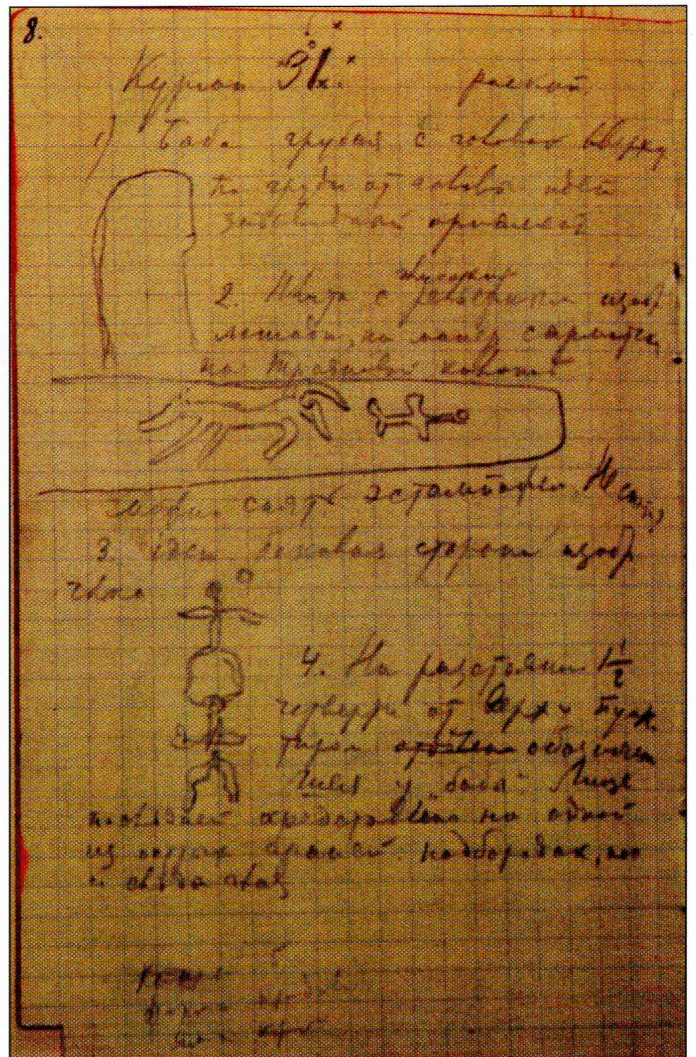
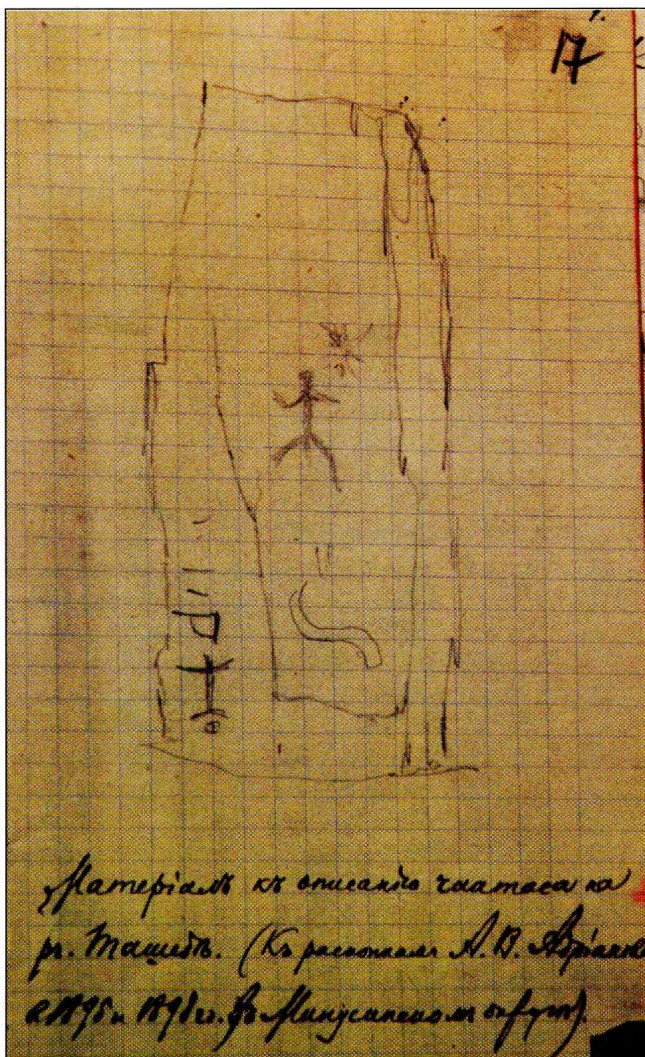

Рис. 13. Странички из полевого дневника А. В. Адрианова с зарисовками плит Ташебинского чаа-таса. Рукописный архив ИИМК РАН.

Ужура, выше д. Новосёловой у д. Улазы и на правом берегу Енисея ниже д. Анаш.

Из перечисленных местонахождений скальных изображений А. В. Адрианову в 1883 г. удалось осмотреть и срисовать только одну писаницу в 7 верстах от д. Арбаты. “Скала, по которой разбросаны письмена, - писал он, - имеет 3 1/2 аршина в высоту и около 20-ти в длину; порода (сланец) сильно растрескалась и вываливается кусками, вследствие чего малопомалу стираются и начертания... На всём указанном пространстве разбросаны какие-то знаки, крайне неправильно, беспорядочно сделанные алой и тёмно-фиолетовой краской, очевидно, древней; но тут же встречаются начертания, писанные ярко-красною, грубою краской, такой теперь расписывают шаманские бубны. Я, впрочем, слышал от инородцев, что эти писаницы из года в год подновляются ими” (69). Не удивительно, что в то время изображения, которые ныне трактуются как личности окуневского типа, А. В. Адрианов принял за письмена, настолько они схематичны и орнаментальны.

На страницах роскошного столичного издания “Живописная Россия” (70), в который по рекомендации Потанина Адрианов получил предложение написать статью, он в идиллических красках характеризовал жизнь коренного населения, пока его не коснулась цивилизация. Но наступили новые времена, и Адрианов обличал хищническое отношение русской администрации, золотопромышленников и крестьян-переселенцев — “пауков”, как он их называл, к беззащитному местному коренному населению — инородцам, которое не адаптировалось к новым условиям и этим пользовались “пауки”. “К бумагам, присылаемым в тайгу, инородец относится с тем же страхом и, получая их, бережно заворачивает в бересту, перевязывает лыком и кладёт куда-нибудь на сохранение. Так они и лежат десятки лет нечитанные, так они целыми связками и передаются от одного выборного к другому... Золотопромышленник, забравшийся в самую глушь тайги, считает себя полным и единственным хозяином здесь. Он вносит с собой в инородческую среду страшную деморализацию: он вносит пьянство, разврат, воровство и буйство... Кроме общеизвестных способов упрочения здесь этих пауков, с большим успехом практикуется церквостроительство под видом просвещённого содействия великому делу распространения религии в среде язычников. Ничего, что построенная пауком церковь пуста и заколочена, ничего, что изредка полуграмотный родственник паука в качестве дьячка читает в пустом храме стихири, — пожертвование зачтено в великую заслугу, а пребывание жертводателя в данном месте признается благодетельным. При таком порядке вещей невозможно рассчитывать на доброе, дружественное и сочувственное к нам от-

ношение инородцев. В самом деле, какое чувство может внушить инородцу пьяный, невежественный дьячок, который, заслышав звуки бубна, врывается в юрту с грубой бранью, вырывает священный в глазах инородца инструмент из рук шамана и растаптывает его ногами? Таким путём невозможно внушить инородцу расположения к великой и просветительной христианской религии. Как будет относиться дикарь к русскому человеку, который пришёл и срубил жертвенную берёзу, увешанную ленточками и перьями и пережившую несколько поколений, плативших ей свою дань? Куда ему деваться от русского человека, который случайно завернув к нему в юрту и, заметив там приготовленную жертву, пинком ноги откидывает жертвенный сосуд и с грубой бранью и издевательством выливает содержимое на пол?” (71).

Красочно и увлекательно описывает Адрианов, как алтайские сказители исполняют героические сказания о богатырях и героях. “Один из сказочников, молодой парень, сбегал в свою юрту и принес гомз, двуструнный музыкальный инструмент... Сказочник испробовал свой голос и снова начал строить свой инструмент. Говор, шум, продолжавшиеся в одном углу юрты, начали стихать мало по малу. Настроил инструмент кобзарь, выкурил трубку, откашлялся и начал сказку, которую придумал рассказать... Начинает светать; зарёй осветило небо на горизонте, проглянувши в перелеске; уже свежее утро заглянуло в открытую дверь юрты. Наконец... последний звук быстро оборвавшейся сказки... Приключения богатырей кончились смертью большинства их, и только главный герой да несколько его родных и друзей уцелели, состарившись в своем мыканье за тысячью небес или в подземном царстве. Утомлённые слушатели, с напряжённым вниманием следившие за богатырями и переживавшие те же кризисы отчаяния, надежды и страха, вздохнули свободно, точно от кошмара очнувшись с окончанием сказки. Одни поплелись по своим юртам, другие остались тут же” (72).

Отчёт Адрианова о поездке в 1883 г. был опубликован в Записках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. В отношении публикации отчета Адрианов вёл переписку с хранителем музея и библиотеки Западно-Сибирского отдела М. А. Шестаковым. Адрианов сообщал, что отчет “ведётся в форме дневника, в который войдут этнографические сведения о шаманстве и проч. не сгруппированными, а по месту их наблюдения. Сказки и легенды я вводить не буду, также и метеорологические наблюдения, чтоб не увеличивать объем отчёта. Для Географического же Общества я предлагаю дать монографии по шаманству, этнографии и т.п., опустив всю географическую часть путешествия во избежание

повторений” (73). В начале 1888 г. Адрианов общал Потанину, что печатание отчёта уже закончено, *“но это только географическая часть пути, дневник, и, надо заметить, довольно бес-содержательный. Этнографическую часть я передал в Географическое общество, а археологическую — в Московское археологическое... Этнографическая часть далеко не готова у меня и, пожалуй, провалится за пропастью работы, которую я себе создал по Комитету. К печати готовы только сказки”* (74).

Представляя на суд читателей свой экспедиционный отчет, Адрианов обращался с просьбой о снисходительном отношении к этой публикации. Он писал: *“С одной стороны, существовало неудержимое стремление на Алтай, заставлявшее в иные минуты забывать всё на свете, а с другой - серьёзное, тяжёлое дело издания и редактирования газеты, требовавшее сосредоточения и напряжения всех сил, не позволяло заняться Алтаем и надлежащим образом подготовиться к путешествию”* (75). Тем не менее, результаты путешествия А. В. Адрианова были высоко оценены научной общественностью, и он был награждён малой золотой медалью Русского географического общества.

Годы работы в “Сибирской газете” были для Адрианова бурными и насыщенными. Вокруг “Сибирской газеты” объединились, в ней сотрудничали как представители местной сибирской интеллигенции, так и политически активные. Велась постоянная борьба за областническую ориентацию издания. Летом 1882 г. Н. М. Ядринцев писал: *“В “Сибирской газете” раскол, там нет солидной редакции, один Адрианов составляет выдающуюся личность. В руках Макушина газета будет посредственностью”* (76). Другой деятель областнического движения Вс. М. Крутовский в статье “Периодическая печать в Томске” рассказывал, что *“Сибирская газета” сразу завоевала себе симпатии интеллигентной Сибири. Этому немало способствовали полные иронии фельетоны Ф. В. Волховского и удачно руководимый А. В. Адриановым отдел корреспонденций, имевший в 80-ые годы несравненно более важное значение”* (77). (Статья Крутовского была опубликована в 1912 г.).

Для редактора и коллектива сотрудников “Сибирской газеты” работа в ней считалась выполнением гражданского долга, а не источником заработка, материального вознаграждения сотрудники не получали. Только с середины 1880-х гг. редакция стала платить наиболее нуждающимся. Поэтому каждый подрабатывал на жизнь, как мог. Адрианов также вынужден был искать заработок, хотя ему, как наиболее загруженному газетной работой, всё же платили 25 рублей в месяц. Так, в 1882 г. он служил помощником члена частной оценочной комиссии района Томска, именуемого “Болотом”, и в этом качестве опустился на самое дно томской жизни, то есть познакомился с самой её изнанкой, с яз-

вами томского общества. Его душа была открыта человеческому страданию, он сочувствовал страждущим, соболезновал беззащитным. Негодование и возмущение кипели в его душе, и он не стеснялся давать выход своим эмоциям: *“Тут представлялось такое зрелище, созерцать которое не было никаких сил. Стыд и злоба на тех, которые равнодушно допускают подобное существование людей, обрекающее их чуть ли не на явную смерть, душили меня... Жутко тогда делалось, глядя на них, слезы выступали, и я не раз готов был разрыдаться”* (78). С годами Адрианов стал суровее, но это свойство души воспринимать чужое страдание как своё он сохранил до конца жизни. И всё же не ненависть к виновникам человеческих трагедий была для него движущей силой, а любовь к ближнему, к своему городу, к родной Сибири. Его признание: *“Я просто человек, всецело преданный своей родине, которую изучать и служить ей по мере собственных сил составляет цель и содержание моей жизни”* (79), - не было просто красивой фразой.

“Сибирская газета” постоянно подвергалась преследованиям за обличительное направление, которого она неуклонно придерживалась. И газета, и сам Адрианов привлекались к суду по обвинению в клевете, в оскорблении городских властей. Дважды газета приостанавливалась. Однажды к суду был привлечен цензор за то, что недостаточно бдительно осуществлял контроль за содержанием публикаций. Газета на своих страницах отстаивала право на обличительное направление: *“По нашему убеждению, Сибирь переживает такой период, когда подобное направление необходимо и неизбежно. Оно способствует предотвращению многих зол и бед для беззащитного обывателя захолустных уголков, оно даёт возможность срывать маску с тех лиц и деятелей, которые ради успеха их волчьей деятельности, сплошь и рядом напяливают на себя овечьи шкуры, которые ради более успешной деморализации молодого общества драпируются в плащи “цивилизаторов”, “носителей культуры”... Обличение даёт хоть какое-нибудь удовлетворение на каждом шагу возмущенному несправедливостью и произволом нравственному чувству и, по нашему крайнему разумению, способствует формировке общественного мнения”* (80). И в “Сибирской газете”, и в “Восточном обозрении” процессы в суде против А. В. Адрианова подробно освещались и истцы высмеивались. Подобные публикации появлялись и в других газетах. Так, в 1887 г. в газете “Екатеринбургская неделя” сообщалось, что 4 августа в Томском губернском суде рассматривались четыре уголовных дела по жалобам разных лиц на редактора “Сибирской газеты” А. В. Адрианова.

В “Сибирской газете” Адрианов писал о своих поездках на Алтай, по Кузнецкому округу

и Урянхайскому краю, помещал статьи, касающиеся местных вопросов: о переселенцах, о крестьянских хозяйствах, о политической и уголовной ссылке, о культурной жизни Томска, о Минусинском музее и многом другом.

В 1881 г. основатель Исторического музея и Московского археологического общества граф А. С. Уваров обратился к А. В. Адрианову с просьбой доставить ему для музея фотоснимки археологических памятников: каменных баб, древних надписей и наскальных изображений - всего того, что Адрианов фотографировал во время экспедиции 1879 г., руководимой Г. Н. Потаниным. Одновременно А. С. Уваров просил Адрианова сообщить ему о возможности приобретения коллекции каменных или древних металлических орудий для собрания Исторического музея в Москве. Об этом Адрианов извещал читателей в заметке "Письмо в редакцию "Сибирской газеты". Он писал, что нельзя оставить без внимания желание Уварова представить сибирские коллекции в Историческом музее, учитывая их научное значение. И в то же время много ценных предметов, найденных крестьянами при пахоте и земляных работах, а также золотопромышленниками на приисках, попадают к любителям древностей и украшают их кабинеты. Далее Адрианов обращается к читателям газеты: "Сознавая всю важность и значение этих находок для науки вообще, и в частности для отечественной истории, необходимо сделать их известными науке, необходимо извлечь их из частных любительских кабинетов и сделать общеизвестными, общедоступными. Поэтому я предложил бы со своей стороны любителям старины и собирателям древностей посылать свои коллекции в Московский Исторический музей с тем, чтобы там сделать с них рисунки, описание, отметки о их местонахождении и т.д. Продажа коллекций неудобна в том отношении, что она может лишит и университет сибирский, и будущие сибирские музеи весьма драгоценных памятников, дорожить которыми сибиряку есть полное основание предпочтительно перед другими; из коллекции можно допустить только продажу дубликатов, т.е. таких предметов, которые имеются в нескольких совершенно тождественных экземплярах" (81).

В конце 1883 г. Адрианов принял решение заняться составлением археологической карты Сибири. С этой целью он намеревался опубликовать и разослать программу сбора сведений, о чем и извещал Н. М. Мартынова: "Я вообще хочу сделать попытку собрать предварительные сведения о курганографии Сибири, классифицировать их (курганы - М. Д.), если можно, нанести на карту и издать описание. Это будет хорошим пособием, чтобы ориентироваться при работах по этому предмету, которые желательно бы вести систематически" (82). "В одном из номеров газеты я напечатаю

приглашение доставлять мне материал о курганах и программу; последнюю я напечатаю вместе с письмом, отдельно до 1000 отписок, с тем чтобы разослать разным лицам - священникам, писарям и т.д. Так как я не знаю и не имею даже сведений о всех пунктах в Сибири, где есть писарь или поп, то на весь Минусинский округ пошлю Вам целую кипу программ - не возьмёте ли их раздать и разослать, вероятно, исправник не откажется Вам в этом помочь" (83).

Обращение ко всем любителям старины и изучения края, о котором сообщал А. В. Адрианов Мартынову, было опубликовано в "Сибирской газете" и, помимо того, отдельной брошюрой под названием "Курганография Сибири" (84). В этом обращении Адрианов писал, что Азиатский материк с незапамятных времен был местом обитания различных народов, о чём свидетельствуют многочисленные археологические памятники. "Обширная и в высшей степени поучительная для нас история древнего человечества, которому Азия служила колыбелью, составляет до настоящего времени закрытую книгу, из которой прочитано лишь несколько строк, не связанных между собою; между тем целые листы этой книги вырваны и уничтожены бесследно; они вырываются и уничтожаются без всякого сожаления современным практическим человеком, они стираются от времени и исчезают". Адрианов перечисляет различные факторы, пагубно влияющие на сохранность памятников. Среди них, выражаясь современным языком, имеются и природные, и антропогенные. Природные: размывание берегов реками, атмосферные осадки, резкие смены температуры, ветра. В число антропогенных факторов входит размещение современных поселков на местах древних поселений, наиболее удобных для жизни. Приток переселенцев приводит к тому, что "правый берег Енисея в Минусинском округе, отличающийся плодородием земли и обильный курганами некогда, скоро совсем потеряет не только листы интересной книги, но и целые главы. Крестьяне распахивают курганы, уничтожают, выбрасывают всё им не нужное, утилизируя металлические находки, плиты с надписями и рисунками и проч. Немало есть просто хищников, разрывающих курган с корыстной целью добычи воображаемых ценностей, которых в действительности сибирские курганы не содержат. Немало есть и любителей, которые раскапывают курганы с якобы научной целью, но не будучи подготовлены к этой работе, они, не подозревая того сами, ведут дело хищников, бесцеремонно уничтожая драгоценный материал по истории древнего человека... Долг нашего времени, - продолжает Адрианов, - заняться тщательным исследованием курганного периода в Сибири и по массе уцелевшего материала вос-

становить историю древнего народа, сделать её доступной каждому человеку. Но Сибирь не привлекает пока ещё на свои сокровища учёных, которым та же область знания даёт обильную жатву в России. Нет большой беды, если эти исследования замедлятся на несколько лет, важно только оградить драгоценные остатки от разрушения и расхищения, что может и даже обязана принять на себя местная администрация...

Со своей стороны я поставил себе задачей усиленное ознакомление с сибирской курганографией, как путём раскопок, так и путём собирания расспросных сведений, которые особенно важны для того, чтобы объять сразу, в целом, весь относящийся материал к местонахождению и количеству курганов. На основании этих сведений я предполагаю составить курганографическую карту Сибири, на которую будут налагаться места нахождения курганов, их расположение и, по возможности, количество. Труд этот, признаюсь, не по силам одному человеку, он требует участия множества людей, рассеянных во всех концах и захолустьях Сибири... Я бы желал собрать новый материал путем добровольного труда каждого желающего помочь мне и тем проверить и пополнить то, что собрано по настоянию администрации. Я обращаюсь с почтенной просьбой оказать мне помощь, во первых, к отделам Географического общества, затем к сельским священникам, достаточно известным своей любознательностью и располагающим досугом, к заседателям, волостным и сельским писарям, знающим вдоль и поперек свои участки, наконец к сотрудникам "Сибирской газеты" и всем другим любителям старины и изучения родного края. По мере издания Географического общества, причём будет поименовано, что и кем доставлялось и каждый получит по отписку этой работы. Только дружескими усилиями многих работников может быть выполнен этот труд".

Далее А. В. Адрианов изложил в последовательности вопросы, на которые следовало ответить, придерживаясь программы, разработанной проф. Д. Я. Самоквасовым. Среди них сведения о местоположении курганов, их количестве в могильнике, взаимоположении, форме, составе насыпи, размере, местном названии, наличии или отсутствии каменных изваяний.

В течение 1884 и 1885 гг. Адрианов разослал несколько тысяч экземпляров брошюры "Курганография Сибири" в различные районы Сибири, предварительно через Статистический комитет раздобыв адреса священников и волостных писарей. Однако его попытки таким образом собрать материал для археологической карты не увенчались успехом, о чем он информировал П. С. Уварову: "...Почти совсем не получил ответов. Теперь остаётся один путь - личных розысков и опросов" (85).

Помимо "Сибирской газеты", Адрианов состоял постоянным автором газеты "Сибирь" и "Восточного обозрения". Как отмечалось в опубликованном в 1888 г. первом выпуске "Критико-биографического словаря русских писателей и ученых", где его биографические данные были предоставлены Н. М. Ядринцевым, "Адрианов принадлежит к числу наиболее видных представителей современной сибирской журналистики" (86).

В отношении к идейным противникам А. В. Адрианов был непримирим и, я бы сказала, даже агрессивен. Это хорошо видно в случае с И. П. Кузнецовым-Красноярским, в общем-то случае малозначащем, но весьма показательном, когда Адрианов обрушился на страницах "Сибирской газеты" на влиятельного золотопромышленника за методический несостоятельный раскопки. Кузнецов-Красноярский не только оборонялся, но и шёл в наступление. В 1895 г. он опубликовал рецензию на отчёт Адрианова о путешествии 1883 г. (87). В ней мы читаем: "Такие "отчёты" двигают географическую науку не вперёд, а скорее назад". "Всего было пройдено 2. Адриановым с 30 июня по 3 сентября не более 850 вёрст; самые большие переходы делались по 30 вёрст в день, но многие были по 15, по 10 и даже по 5 вёрст; кроме того были нередкие дневки. Чем была вызвана такая медлительность в движении - неизвестно". (Когда сталкиваешься с оценкой результатов экспедиции по количеству пройденных километров, невольно вспоминаются слова А. С. Пушкина: "На вес кумир ты ценишь Бельведерский"). "Заканчивая свою предварительную заметку о "предварительном отчёте" 2. Адрианова, - писал И. П. Кузнецов-Красноярский, - не вправе ли мы, на основании вышеизложенного, задать вопрос: какой смысл имеют шатания по тайге, стоящие во всяком случае денег учёным обществам, шатания, результаты которых в научном отношении ничтожны, а главное не заслуживают доверия собранные данные".

Полемика на страницах "Сибирской газеты" продолжалась: "Теперь, к сожалению, печать становится ареной для сведения личных счётов, - писал Адрианов, - приправленных крепкими словечками. Теперь каждый недоучка лезет в печать для изложения того сумбура, какой варится у него в голове, каждый авантюрист не стесняется пользоваться печатью для выражения пьяных мыслей вслух - хуже того, каждый проворовавшийся герой, сошедший со скамьи подсудимых считает долгом задрапироваться в тогу просветителя и руководителя общественного мнения" (88).

При первом знакомстве с перепалкой на страницах "Сибирской газеты" у меня сложилось впечатление, что началом столкновения Адрианова и Кузнецова-Красноярского были резкие выпады Александра Васильевича в свя-

зи с методически несостоятельными раскопками золотопромышленника. Мне представлялось, что причина разыгравшегося конфликта кроется именно в этом инциденте. Теперь, когда я познакомилась со многими другими документами, стало ясно, что первое суждение было обманчиво, основано на поверхностных, внешних проявлениях тех глубинных социальных процессов, которые протекали в недрах томского общества и выливались в подобные взрывные конфликты. В действительности же за спиной И. П. Кузнецова-Красноярского стояли определённые силы - противники сибирских областников, которым удалось добиться в конце концов запрещения издания "Сибирской газеты", силы, которые, в противовес ей стали издавать свой орган, газету "Сибирский вестник", образно названную областником Вс. М. Крутовским "первой сибирской рептилией". Выход в свет "Сибирского вестника" навлек на голову Адрианова гнев его старшего друга Н. М. Ядринцева.

За годы жизни в Томске А. В. Адрианов вёл раскопки древнего могильника на окраине города, написал справочную книгу "Г. Томск в прошлом и настоящем", занимался организацией лекций, выставок. Популяризация этнографических знаний в среде томской общности имеет более чем вековую традицию, причём несомненные достижения во многом были связаны с именем Адрианова. После проведения в Москве в 1867 г. Всероссийской этнографической выставки и в 1879 г. Антропологической выставки, где наряду с собственно антропологическими материалами были выставлены и этнографические, экспозиционная активность из центра России переместилась на места. Первая в Сибири этнографическая выставка состоялась в Томске весной 1887 г. по инициативе известного просветителя П. И. Макушина и проводилась в пользу Общества попечения о начальном образовании. В "Сибирской газете" было помещено уведомление о предстоящей выставке и жители города стали приносить в оргкомитет предметы для экспонирования. В зале Томской городской думы была выставлена войлочная переносная юрта, обставленная предметами труда и быта, среди которых посетителю разрешалось посидеть и отдохнуть. На выставке были представлены подлинные экспонаты, характеризующие занятия и промыслы различных народностей, их верования, праздничный быт. Экспонировались вырезанные из дерева манекены, облачённые в национальные одежды. Среди них тунгус с натянутым луком и другими охотничьими принадлежностями и гиляки в мужском и женском костюмах из рыбьей кожи, отделанных птичьим пухом. Демонстрировалось полное облачение шамана. Привлекался и иллюстративный материал: фотографии представителей коренных народностей и картины местных художников. В залах членами выставочного комитета А. В. Адриановым, Д. А. Клеменцом и С. К. Кузнецовым

давались пояснения. Был издан указатель к выставке. Газета "Восточное обозрение", рассказывая о выставке, сообщала: "Г. Адрианов выставил в двух витринах результаты своих раскопок в Минусинском округе. Вещей немного, но не одному археологу интересно было бы взглянуть на выставленные там погребальные маски. Ценность и поучительность коллекции увеличивается тем, что это не сбор случайно найденных вещей, а результаты систематических раскопок. Противоположная стена занята инородческим отделом. Здесь присланные из Минусинского музея фотографии качинцев и сойот и неблестящая с виду, но очень ценная коллекция инородческих идолов и принадлежностей шаманства — г. Адрианова. Сколько нам известно, подобная коллекция в первый раз является перед публикой... Целый ряд фотографий шаманских бубнов дополняет подлинные принадлежности шаманского культа... Публика рассматривает за столиком альбом видов Алтая и Северо-Западной Монголии г. Адрианова" (89). Выставка способствовала накоплению музейных предметов и сопровождалась оживлёнными откликами в печати, причём высказывалось пожелание, чтобы она стала ежегодной. В одной из статей говорилось: "В заключение можем только рекомендовать устройство подобных выставок и в других городах, — этим способом, доступным всякому, распространяются и приобретаются знания и расширяется кругозор человека" (90).

В период жизни в Томске, когда Адрианов вынужден был лето проводить в городе, он часто совершал экскурсии по окрестностям и собирал различные коллекции, в частности окаменелости. "Растительных отпечатков на Томи у перевоза я набрал около 200 штук, — писал он Г. Н. Потанину, — и послал их Иностранцеву (А. А. Иностранцев — один из создателей геологической школы в России — М. Д.). Осень помешала хорошенько этим заняться, так что пришлось даже глыбы песчаника возить домой и здесь добывать отпечатки" (91).

На окраине Томска на берегу Томи в овраге и обрыве в 1887 г. Адрианов обнаружил остатки человеческих скелетов, шлифованный каменный топор, бронзовые изделия, черепки и целые сосуды. Он пришел к выводу, что на этом месте находится древний могильник. На южном краю мыса он заложил раскоп, разбив его на квадраты со сторонами по 1 сажени, всего за два года работ — 1887 и 1889 гг., им была вскрыта площадь в 98 квадратов. В результате раскопок были получены чрезвычайно интересные и яркие материалы (92).

В 1887 г. Адрианов был избран членом Московского археологического общества.

В мае 1887 г. "вступил в управление Высочайше вверенной ему губернией" новый томский губернатор А. И. Лакс, человек либерально настроенный и неподкупный, а уже на сле-

дующий день он издал указ о назначении Адрианова на должность чиновника особых поручений Томского общего губернского управления и секретаря губернского статистического комитета (93). В 1860-х гг. Лакс жил в Тобольске и был другом губернатора, хорошо знавшего семью Адриановых и теперь рекомендовавшего ему Александра Васильевича. *“Назначение было тем более удивительно, — писала газета “Восточное Обозрение”, что г. Адрианова причисляли к партии “непримиримых”, обвиняли в сепаратизме и разных других измах и уговаривали Лакса не принимать такого человека на службу”* (94). Вторым шагом Лакса была поездка с Адриановым на ревизию по губернии, которая *“наперекор всяким обычаям и традициям”* прошла *“в усиленном труде, без обедов с шампанским в городах, без встреч и проводов”* в самой деловой атмосфере. Работа под началом просвещённого губернатора, каковым являлся А. И. Лакс, стала для Адрианова временем замыслов, наивысшего взлёта служебной карьеры и надежды на свершение задуманных начинаний. Он планировал сделать достоянием гласности деятельность местной администрации, провести экспедиционное обследование губернии и многое другое. *“Кроме того, — писал он Потанину, — я затеял собирать сведения об инородцах Томской губ. и составление этнографической карты; тут я встретился с циркуляром Министерства внутренних дел, требующем для подобных исследований каждый раз особого разрешения министра; послал выработанные программы и жду теперь ответа. Материал для карты, однако, получил уже из Кузнецкого и Мариинского округов и к маю соберётся весь”* (95).

В конце 1887 и летом 1888 гг. Адрианов совершает поездки в Нарымский край на р. Васюган, *“в местность почти неизведанную, к осякам”*. Первая поездка Адрианова на север в Нарымский край на реки Васюган и Кеть состоялась в конце ноября — декабре 1887 г. Летом путь с Чулыма на Кеть был бы невозможен, на 150 вёрст здесь не было никакого населения. Затянувшаяся осень и распутица, прервавшие сообщение с Нарымом, задержали получение оттуда необходимых сведений. Только в конце ноября Адрианов вместе с архиереем направились, не сменяя лошадей, шагом по замерзшим болотам в село Максимкин Яр на Кети. Поездка длилась три недели. В течение первой он работал на Кети особенно продуктивно, поскольку не должен был согласовывать свои действия со спутником и свободно планировал время. Далее при передвижениях из Нарыма в Тымск, а затем на Васюган, он был связан с архиереем, так что смог там поработать урывками, когда к тому представлялась возможность. Характерно его замечание: *“На Васюгане я добыл одного шаманствующего старика на струнном (пять струн) инструменте, называемом томар, а*

русскими — домра. Это — длинная треугольная совершенно глухая коробка с оригинальным приспособлением для натягивания струн. Но вот с архиереями такая беда ездить — я не мог ни описать, ни посмотреть инструмента, — торопились куда-то ехать” (96). Адрианов собрал материал для решения вопроса о выделении Нарымского края в особый административный округ, произвёл подворную перепись четырех волостей, населённых самоедами (селькупам), подсчитал количество умерших в каждой семье детей, произвёл антропологические измерения при помощи инструментов, руководствуясь инструкцией. Он собрал сведения об образе жизни и экономическом положении селькупов, подвел итоги их осеннего промысла, произвёл ревизию магазинов, в которых хранились хлебные запасы. Адрианов измерил и описал различные типы жилищ, их внутреннюю обстановку, записал по-русски одну сказку и по-самодийски с переводом одну былинку (“старинку”), составил словарь из 300 самодийских слов. Он собрал также сведения о тунгусах (эвенках), живущих в пределах Томской губернии. Ему удалось составить интересную этнографическую коллекцию селькупских предметов: три ловушки на зверя, лук, “дорожку” на щук, орнаментированную посуду из бересты, коренник — плетёную корзину из черемуховых стружек и так называемую теплую траву, а также гребень для её расчесывания.

По возвращении из поездки Адрианов писал Потанину: *“Край меня очень заинтересовал и я рвусь туда. Если мне удастся отстоять перед начальством необходимость исследований в крае, то первые три лета я ассигную на эту работу...”* (97). Адрианов обращался с просьбой к Потанину: *“Если что-нибудь найдёте, Григорий Николаевич, недосказанным, напишите, пожалуйста. И вообще я попрошу ещё Вас поруководить мною в моих этнографических работах, у меня, как Вы знаете, нет надлежащей подготовки по этой части, — сообщите список таких сочинений по этнографии, которые бы дали мне, так сказать, общее образование в этой области”* (98).

Для работы среди коренного населения в 1888 г. Адрианов получил от Г. Н. Потанина опросные листы. Ещё в предыдущую поездку Адрианов записал по программе, составленной Потаниным, названия растений и животных. Золотопромышленник и меценат И. М. Сибиряков в ответ на просьбу Адрианова выделил ему 500 рублей для покупки фотоаппарата и фотоматериалов для экспедиции. Географическое общество ассигновало 100 рублей для покупки инструментов для предстоящей поездки. Внезапная смерть губернатора Лакса, по словам Адрианова, перевернула всё вверх дном. Впоследствии подтвердились самые мрачные прогнозы, а пока что дела по организации экспедиции шли своим чередом и поездка на север в

Нарымский край состоялась. Адрианов планировал в мае с первым пароходом выехать на Васюган, а затем пройти по Тыму и Оби между селом Тымском и устьем Чулыма. Поездка длилась полтора месяца, причём Адрианову в это время пришлось отвлекаться и на посторонние дела. *“Беда в том, — писал он, — что в Комитете (Губернский статистический комитет — М. Д.) такой работе не сочувствуют и, когда я был на Васюгане, мне прислали с нарочным дело для производства следствия об оскорблении Нарымского заседателя одним ссыльным. В полтора месяца тут немного сделаешь — с новым народом, языком, незнакомыми условиями”* (99). За время поездки Адрианов произвел поголовную перепись остяцкого населения (манси) — 632 человека. Он пришёл к выводу о вымирании коренного населения и сделал попытку вскрыть корни этого явления. *“Много я видел инородцев, — сообщал он Потанину, — видел во всякой обстановке, но той ужасающей нищеты, той безответственности и отупения, той легкости, с какою их можно обирать, я не видал нигде и не представлял её возможной в такой мере. Зверь, наша собака, куда лучше самоеда живет, рабочему скоту дают отдых, кормят, а здесь люди прямо погибают и ни единого звука жалобы, ропота!!...”* (100).

Впечатлениями о поездках Адрианов делился на страницах газеты “Русские ведомости”. Нарымский край - царство леса и воды, где экологическое равновесие так хрупко и непостоянно, природа столь легко ранима и столь велика зависимость человека от неё. *“При обширности края, — писал Адрианов, — при удаленности и отрезанности его от своего центра, о нарымских инородцах можно что-нибудь узнать не иначе, как предприняв специальное исследование. Томский исправник, в округе которого находится Нарымский край, полагает, что инородцев здесь тысяч пятнадцать; но эта цифра не совсем отвечает действительности, и на основании своих наблюдений в течение прошлой зимы и нынешнего лета, я могу сказать, что инородцев здесь не более 3, 5 много 4 тысяч, из которых на долю остяков приходится 632 человека (остяцкое население всё переписано мною поголовно). По спискам населённых мест Томской губернии, составленным на основании сведений 1859 г., остяков числилось 1090 человек, а самоедов 6521 человек. Значит, в 30 лет инородческое население Нарымского края убыло наполовину... Вымирание происходит довольно быстро на глазах самих инородцев, которые указывают на целые селения, исчезнувшие на их памяти, на убыль народа, совершающуюся из года в год”* (101).

Рассказывая об экономическом положении местного населения Адрианов отмечает, что *“эксплуатация слабого сильным доведена здесь до невероятных размеров... Отдельные районы обитания инородцев находятся в цепких руках*

немногих хищников, которые живут здесь постоянно или наезжают в известное время года. Хищники происходят из казаков-вахтёров, крестьян, мещан и духовного сословия и в самом недавнем прошлом не имели ничего кроме цепких лап, кроме волчьего аппетита. Инородцы говорят: “Мы помним, как “он” пришёл сюда пешком (на лыжах), в одной худенькой шубёнке, а теперь... гляди-ко”. Теперь они все “купцы”, имеющие дома и капиталы” (102). Особенно интересные сведения Адрианов сообщает о духовной жизни коренного населения: верованиях, обрядах, устном народном творчестве. *“Несмотря на близкое соседство русских, несмотря на то, что все инородцы, без исключения, приняли христианство около полтора-два года тому назад и с того времени среди них живёт духовенство, при церквях, специально для них выстроенных, все инородцы, за очень редким исключением, придерживаются своей старинной веры. Каждое утро и вечер инородец молится перед образами, шепча губами одни и те же слова: “Слава Тебе, Господи”, “Слава Тебе, Господи”, ставит свечи, посещает церкви. С другой стороны он верит в своих прежних богов, делает идолов и умилостивляет их жертвами”* (103).

С Васюгана Адрианов привёз этнографическую коллекцию, которую позднее сдал в Минусинский музей, и фотоматериалы. К столетию поездки в Нарымский край интереснейшая подборка фотографий, снятых Адриановым на севере и хранящихся в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге, была опубликована на страницах журнала “Родина” (104). Представление о предметах культа и быта можно получить по фотоснимкам Адрианова, открывшим “забытый край” широкой публике. В. А. Никитин пишет, что Адрианов был выдающимся фотографом. *“Мастер рассматривал свои снимки как инструмент для изучения народностей и уделял большое внимание быту, промыслам, религиозным обрядам. Ни до, ни после фотографам не удавалось в таком объёме и многообразии представить жизнь обитателей этих мест... Адрианов остро чувствовал свет, фактуру, точно передавал настроение, умел замечать мимолетные ситуации”* (105). Полную серию нарымских фотографий Адрианов отправил Д. Н. Анучину для Московского университета, 91 негатив — Географическому обществу.

Вернувшись из поездки, Адрианов сразу же ощутил на себе последствия смены начальника губернии. На место А. И. Лакса был назначен А. П. Булюбаш, с которым у Адрианова как публициста были давние счёты. Ещё за пять лет до этих событий Адрианов писал фамилию будущего губернатора не с прописной, а со строчной буквы, слово “булюбашество” в его статьях в “Сибирской газете” было синонимом таких понятий как шантаж и тайные доносы. Намечен-

ные Адриановым планы рушились. *“Если мне не удастся удержаться в Комитете, — писал он, — что весьма вероятно, то с исследованием остяков придется распрощаться, а жаль, очень жаль — предстоящим летом намечена поездка на Тым и Обь, а если бы успел, то на Парабель и Чаю”* (106). *“С остяцким языком я начал знакомиться, и, если б провёл лето среди них, был бы в состоянии записать на этом языке весь их богатырский эпос”* (107).

Ещё в 1887 г. А. В. Адрианов обратился к Г. Н. Потанину с просьбой помочь в получении должности начальника Усинского пограничного поста: *“Газета дышит на ладан и существует едва ли не последний год... Наиболее подходящим я считаю исследование Соютоии”* (108). Но это его намерение не осуществилось.

В 1889 г. по требованию нового томского губернатора Адрианов был вынужден подать в отставку с занимаемых в Губернском управлении должностей. Булюбаш мотивировал его отставку участием в *“Сибирской газете”*, направление которой было признано правительством вредным, а также тем, что он водил знакомства с политссыльными. Ему инкриминировалось также отсутствие положенного чиновнику парадного мундира и то, что он не посещал церковь по царским дням. За Адриановым был установлен негласный надзор полиции и все двери в Томске оказались закрытыми перед ним (109).

Попытки устроиться на службу были безуспешны, куда бы он ни обращался, отовсюду шли отказы. Наконец, надежда мелькнула, Адрианову было обещано место в Управлении акцизными сборами Восточной Сибири. Когда же в Иркутске появилась вакансия, то на обещанную должность был принят другой претендент, поскольку Булюбаш дал в высшей степени неблагоприятный отзыв о политической благонадёжности Адрианова. Тем не менее, управляющий Канивальский подтвердил принципиальное согласие о приёме на службу, хотя сроки обозначены не были.

Г. Н. Потанин со своей стороны пытался помочь своему младшему другу. Он предложил Адрианову поездку в Бурятию, почти одновременно такое же предложение он сделал Д. А. Клеменцу и В. А. Ошуркову, но в 1889 г. эта экспедиция не состоялась. *“Вы советуете мне, — писал Адрианов Потанину, — принять экспедицию к бурятам? Самое предложение для меня до такой степени лестно, что я с радостью взялся бы за изучение бурят, но в моем положении есть неодолимые к этому преграды. Первое, на какие средства доехать до Иркутска, а второе — чем будет существовать семья в течение лета?... Как бы я ни хотел воспользоваться предложением, мне нет физической для этого возможности — ведь пять ртов, беспомощных, я должен накормить, вот моя беда. Не знаю, право, как тут быть...”* (110). На руках Адрианова была большая семья, и хотя сам

он предпочёл бы экспедиционную работу всякой другой, чувство ответственности за близких отрезвляло его в мечтах о дальних странствиях. *“Мы живем теперь кое-как, — писал он, — в летней мансарде, на выезде из города, и наша квартира имеет вид как будто мы в дороге собрались или с пожара убежали”* (111).

После того как Адрианов остался без средств к существованию, общие знакомые в Петербурге рассказали сибирскому золотопромышленнику И. М. Сибирякову о его бедственном положении и тот сам предложил Адрианову деньги в долг. И. М. Сибиряков был известным меценатом, именно к нему прежде обращался Адрианов с ходатайством о пожертвовании средств на строительство специального здания для Минусинского музея, и Сибиряков сделал главный вклад; закладка музея состоялась в мае 1887 г. Поездку в Якутию на средства Сибирякова предложил Адрианову Г. Н. Потанин.

Известно, что экспедиция в Якутию, принятая на средства И. М. Сибирякова в 1894-96 гг., так называемая Сибиряковская экспедиция, была крупнейшим научным предприятием, в ней, помимо местных чиновников и представителей духовенства, принимали участие политссыльные, более 10 человек. Главным её организатором был Д. А. Клеменц. В свете новых документов замысел и первые попытки организации экспедиции следует относить к концу 1889 г. и связывать с именем А. В. Адрианова (112). Переговоры о поездке Адрианов вел лично с И. М. Сибиряковым и о их ходе сообщил Потанину в письме от 19 ноября 1889 г. Он писал: *“Иннокентий Михайлович сказал мне, что на экспедицию дает мне от 4 до 5 тысяч рублей, и не вменяет в обязанность собрать в течение года требуемый материал. Вообще же он отказался от всяких соображений о том, куда ехать именно, что исследовать кроме экономического быта и т.д. Из его слов я убедился, что он о крае не имеет никакого представления; так, он полагал, что якутов тысяч 5 и был очень удивлен, когда я сказал ему, что их считают до 220000 человек да тунгусов более 10000. Теперь если прибавить к этому площадь, ими занимаемую, то выйдет нечто такое, в чем разобраться действительно трудно. В конце концов он стал сомневаться, будет ли польза от экспедиции, которая захватит лишь небольшую часть народности, а не всю её. Я успокоил его тем, что помимо личных наблюдений надо постараться воспользоваться наблюдениями политических ссыльных, живущих в крае, а также разных местных старожил — любителей собирать и записывать разные сведения; и уверил его, что посылка какого угодно, только добросовестного, человека даст для науки ценный вклад. Теперь всё дело за справками: в какой именно район или районы ехать, с какого времени, каким путём, как организовать передвижение*

экспедиции и обеспечить её продовольствием, когда и в каких пунктах бывают ярмарки, нужен ли переводчик, какие пути летом и зимою, когда и где нет сообщений, откуда начать исследования и как передвигаться в зависимости от времени года, то есть от годности путей сообщения и от того, когда народ не живёт на месте, а разбегается. Иннокентий Михайлович просил меня написать ему, по собранию сведений, и представить смету расходов” (113). Далее Адрианов перечисляет должностных лиц, к которым необходимо обратиться за справочным материалом. Он сообщает, что профессор Томского университета ботаник С. И. Коржинский изъявляет желание поехать с ним, “справедливо говоря, что успех и удовольствие работы зависят много от товарища. Разумеется я рад и самой работе и такому товарищу, но есть и для С. И. и для меня препятствия” (114). Одно из препятствий — это то, что семья Адрианова не могла двинуться из Томска, так как томский губернатор Булюбаш не выдавал его жене документа на жительство, а вышестоящие инстанции на запросы не отвечали. Другое препятствие заключалось в материальной необеспеченности семьи. “Теперь у меня уже 5 человек детей (9.XI родилась дочь), — писал Адрианов, — и на мне лежит нравственная обязанность не только позаботиться и о близком их будущем; что если, например, я умру? Ведь это самые жалкие нищие останутся, не только без образования, но и без куска хлеба, беспомощные. Я же до сих пор не только не отложил ничего на чёрный день, а живу в долг, в счёт будущих благ. Вот почему я решил твёрдо держаться за обещанное место помощника акцизного надзирателя, как дающее достаточное обеспечение... Поездку к якутам принимаю с большим удовольствием и ставлю её в зависимость только от ответа Канивальского — согласится он сохранить мою кандидатуру на обещанной должности или нет по возвращении из экспедиции; об этом пишу ему с этою же почтой и может быть не лишне будет, если Вы повидаетесь с ним и переговорите” (115).

Ответом на письмо Адрианова управляющему, в котором он уведомлял Канивальского о предстоящем путешествии в Якутию, была телеграмма о его назначении в с. Новосёлово. Из Томска он писал Потанину: “У меня немало скопилось различных коллекций этнографических, антропологических и археологических. Если я уеду отсюда, мне надо их сохранить; таскать же за собой дорого да и пожалуй небезопасно для их целостности. Лежат они у меня потому, что надо было описать и затем уже отправить... Всего больше меня смущают три громадских вещи — 2 тунгузских лодки и остяцкая юрта...” (116).

В начале 1890 г. Адрианов с семьёй переезжает в с. Новосёлово, затем в Минусинск. В Ми-

нусинский музей он передаёт привезённые с собой коллекции. Так началась его почти 23-летняя служба в Управлении акцизными сборами Восточной, а затем Западной Сибири.

В археологической литературе при упоминании имени Адрианова стало традиционным добавлять слова “акцизный чиновник”. Думаю, что служба по акцизной части далеко не самое существенное, что определяет его деятельность. Сам же Адрианов смотрел на неё, как на неизбежное зло: “По существу, это нечто совершенно мне чуждое, ни мало мне не интересное” (117). Показательно, что, характеризуя одного из своих начальников как типичного представителя акцизного ведомства, он едко замечает: “Это чиновник до мозга костей, совершенно неинтеллектуальный человек, — собственно, его даже нельзя назвать человеком, а вернее назвать чиновником, особой разновидностью *Ното sapiens*” (118). Однако и в службе по акцизному ведомству Адрианов находил положительные стороны. Это возможностью разъездов и совмещения поездок по служебным делам с полевыми изысканиями, наличие свободного времени, а также материальное обеспечение жены и детей (дети Александра Васильевича - Мария, Александр, Нина, Григорий, Любовь, Вера, Надежда).

После перевода Адрианова в начале 1891 г. в Минусинск и утверждения в должности надзирателя акцизных сборов жизнь большой семьи стабилизировалась, наладился быт. Жена Александра Васильевича руководила хозяйством - развела домашнюю птицу, скот, лошадей. Во дворе дома устроила цветник. Об этом Александр Васильевич рассказывает в письме Г. Н. Потанину, датированном 30 октября 1894 г. (119). “Материально обеспечен в достаточной степени, хотя, по-прежнему, кроме долгов ничего не имею; излишние траты и роскошь позволяю себе только в выписке книг, инструментов и в обучении детей. Детей шесть, ожидаю седьмого. Две дочери учатся в гимназии - в первом и четвёртом классах; отдельно у учительницы они обучаются французскому и немецкому языкам, обе обучаются пению, а старшая кроме того и музыке (рояль); каждая из них получает по детскому журналу. Очень бы хотел обучать их рисованию, но в Минусинске этого нельзя. Сын (Александр - М. Д.) учится в Красноярске во втором классе гимназии. Думаю и его учить рисованию и музыке, но в этот год нечем будет платить. Крестник Ваш Гриша с осени начал учиться и теперь уже читает и пишет. Дети все здоровы; меньшая летом перенесла дизентерию - эту язву Минусинска. Хотел бы всё отдать на возможно лучшее воспитание и образование детей”...

Между прочим, среди учителей, занимавшихся с детьми Адрианова, были и политссыльные, отбывавшие срок в Минусинске. Старшей

дочери Марии преподавал Ф. Я. Кон, а старшего сына Александра, когда тот готовился к экзаменам в Томскую классическую гимназию, обучал Г. М. Кржижановский. Сохранились воспоминания Адрианова-младшего о том, как в отрочестве он играл в шахматы в доме Г. М. Кржижановского с В. И. Лениным, когда тот в период Шушенской ссылки приезжал в Минусинск. Впечатляет, с каким внутренним достоинством и без малейшего намека на пиетет в отношении личности вождя мирового пролетариата описывает Александр Александрович этот случай. И это в то время, когда зачастую было достаточно «вспомнить», что ты когда-то видел вождя хотя бы издали, чтобы безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. Хотя, как известно, случалось и обратное...

После жизни в Томске с её напряженным ритмом Минусинск показался Адрианову застойной лужей, в которой для интеллектуального общения нет места. *«Единственный интеллигентный человек Мартьянов, - писал он, - но и тот специализировался на коллектировании и систематизации музейного материала до того, что ничем больше не занимается и почти ни о чём другом не говорит; я поэтому сижу дома и тягочуся бывать где-либо, так как такая побывка, помимо Мартьянова, сопровождается неизбежным винтом... Теперь я занят двумя работами одновременно - приведением в порядок материала моих раскопок (я раскопал 45 курганов) и составлением отчёта о них, и приведением в порядок моей переписки с Н. М. Ядринцевым, которой хочу предпослать небольшой очерк из моих с ним сношений... Мысль издания обширного каталога музея, в котором для каждого отдела будет особый том, принадлежит мне, я же нашёл средства для этого издания, один том которого, сельскохозяйственный отдел, в прошлом году вышел из печати. Этнографический отдел я оставил за собой, а для остальных отделов подождем охотников... Изредка пишу в «Восточное обозрение», но с Отделом у меня как-то не завязываются отношения».* Помимо служебных обязанностей в акцизном управлении Адрианов состоял членом комитета Минусинского музея, председателем Переселенческого комитета и председателем Общества попечения о начальном образовании. Он принимал участие в переписи населения Империи в 1897 г., за что был награжден памятной медалью.

В 1892 г. А. В. Адрианов вместе с Н. М. Мартьяновым совершили целый ряд экскурсий и доставили в музей окаменелости, отпечатки растений, образцы горных пород из северо-восточной части Минусинского округа, а также из района Кузнецкого Алатау. Кроме того были открыты три неизвестных ранее местонахождения девонской фауны и собраны данные для решения вопроса о древности кристаллических сланцев в восточной части округа и времени вы-

хода некоторых траппов в системе р. Камышты. Александр Васильевич собирал микологическую коллекцию, гербарий. Между прочим, одно редкое растение, как я вычитала в трудах Санкт-Петербургского ботанического сада, получило название в честь А. В. Адрианова. В это время он уже второй год собирал материалы для большого очерка по геологии Енисейской губернии, который был опубликован в Иркутске в 1894 г. в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (120). В 1894 г. Адрианов вместе с Н. М. Мартьяновым обследовал на левом берегу Енисея крайний восточный пункт выхода угленосных Изыхских песчаников.

Для Минусинского музея Адрианов делал много фотоснимков. Г. Н. Потанину он сообщил: *«Не оставляю я занятий и фотографией, в которой совершенствуюсь и накапливаю материал; ныне я затратил на материал и пополнение 300 руб., между прочим выписал моментальный аппарат для съёмки сцен и специально инородцев, которые не соглашались сниматься обыкновенным путём»* (121). В 1896 г. ему пришлось делать фотоснимки для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, к участию в которой музей получил приглашение. Александр Васильевич снимал для выставки такие новые для него объекты, как местные породы рогатого скота, лошадей, овец, в связи с чем пришлось в течение двух месяцев ездить по округу. Для музея он фотографировал прежде всего те предметы, которые были получены им в результате раскопок, и которые, согласно существовавшим правилам, он должен был затем отправить финансирующим эти работы учреждениям.

«Свою почти двадцатитрёхлетнюю акцизную службу в Сибири, - вспоминал он много лет спустя, - мне пришлось провести в таких местах, которые изобиловали памятниками доисторической древности. Обилие и разнообразие памятников, которые к тому же демонстрировал Минусинский музей в виде случайных находок, невольно привлекало к себе внимание и возбуждало интерес к изучению быта, обычаев, верований, антропологического типа древнейшего населения края, ничего по себе не оставившего, кроме этих памятников. И я отдавал свои досуги этому изучению, отказываясь от отпусков и употребляя летние месяцы на раскопку курганов или собирание материала при служебных разъездах. Была и другая причина, побуждавшая заняться таким изучением, - расхищение и уничтожение памятников вследствие наплыва населения из Европейской России. Я не задавался никакими широкими планами, поставив себе одну задачу - добросовестно собирать материал для тех, хорошо вооруженных знаниями археологов, которые используют этот материал» (122).

Свою задачу Адрианов видел в том, *“чтобы приносить посильный труд на умножение научно-го материала”*.

Уже в 1890 г. в с. Новосёловом Адрианов раскопал небольшой курган и в дальнейшем в период жизни в Минусинске вёл исследования погребальных памятников в разных пунктах Могильной, как её в те времена называли, степи, где им было вскрыто около полутораста курганов. Его раскопки погребальных сооружений на Среднем Енисее создали прочную базу для дальнейших исследований. Адрианов производил инструментальную съёмку планов могильников, чертил схематически планы курганов. В дневниках отмечал положение скелетов и отдельных костей, проводил наблюдения за деталями конструкций погребальных сооружений, к примеру, он фиксировал способ соединения брёвен в венцах срубов и др. Его полевые отчеты были унифицированы. Слабой стороной его работ было то, что он производил раскопки курганов наиболее дешёвым способом, а именно “колодцем”. Коллекции его хорошо документированы. Он нашивал находки на планшеты и фотографировал с отметками о месте раскопок, номере кургана и каждой вещи, соответственно порядковому номеру в полевом дневнике. На планшете указывались также автор раскопок и год.

Много сделал Адрианов в отношении охраны памятников древности. Вот текст одного из сообщений в Археологическую комиссию: *“Вообще я наблюдал по всему округу самое бесцеремонное обращение с курганами и обделанными камнями и плитами; то заседатель копается в курганах его участка ради праздного любопытства, то крестьяне разрушают эти курганы с целью добычи плит и камней для строительных надобностей, то, наконец, они расхищают самые курганы с целью добычи их всех вещей для продажи. Огромный Ташебинский джа-тас, переполненный всякого рода плитами, и теперь расхищается инородцами, и особенно писарем Абаканской инородной управы Мальцевым, на кладку фундаментов под постройки. Сообщая об этом, надеюсь, что Комиссия найдет необходимым принять зависящие от неё меры для охраны памятников древности”* (123).

Адрианов производил раскопки на средства Археологической комиссии, поэтому в Минусинске из погребального инвентаря оставались только сосуды из его раскопок и черепа, которые насчитывались в количестве около 500. Ими заинтересовались антропологи. Сначала их обрабатывал известный юрист-криминалист С. Я. Фойницкий, затем сотрудник музея К. И. Городченко прошел стажировку в Московском университете под руководством Д. Н. Анучина. Он занялся описанием краниологического материала из раскопок А. В. Адрианова, хранящегося в Минусинском музее. В предисловии “От Комитета Минусинского музея” к работе К. И. Горо-

щенко говорилось: *“Благодаря любезности старого и постоянного сотрудника Минусинского музея А. В. Адрианова, Комитет музея располагает в настоящее время статьёй последнего, составляющей обобщение и выводы из его долголетних раскопок курганов Минусинского округа. Так как материалы этих раскопок заключают весьма ценные сведения по доисторической антропологии края и служат серьёзным коррективом для выводов о черепах музейной коллекции, Комитет музея нашел возможным выпустить обобщающую статью г. Адрианова и, как сырой материал, выборки из дневника раскопок особым выпуском под заглавием: “Погребальная обстановка минусинских курганов по раскопкам”* (124). В ноябре 1902 г. он писал Н. М. Мартъянову: *“Могу сказать, что это очень большой труд, большая статья с приложением напечатанного дневника раскопок в Минусинском уезде, представляет целую монографию и я сейчас уже могу это сказать, очень интересную”* (125). В связи с переводами Адрианова по службе, длительным пребыванием в больнице, решением включить в издание новые материалы из раскопок в Оглахах, начатая работа по публикации рукописи приостановилась. Этот труд Адрианова так и не вышел из печати при жизни автора, возможно, что и не был завершён. Со смертью Н. М. Мартъянова, последовавшей в 1904 г., издательская деятельность музея замерла. Какова судьба обобщающей статьи Адрианова, мне не известно. Приложение к этой статье под названием “Выборки из дневников курганных раскопок” вышло в свет двадцать лет спустя (126).

В 1924 г. заведующий отделом археологии Российского исторического музея В. А. Городцов по заданию Главнауки Наркомпроса совершал поездку по сибирским музеям. В Минусинске он получил недавно выпущенную в свет книгу “Выборки из дневников курганных раскопок” и не замедлил прямо на полях посмертного труда А. В. Адрианова выразить свое отношение к прочитанному. Естественно, маститый профессор не мог не знать о трагическом конце Адрианова, и всё же позволил себе иронизировать. Его пометки на полях и титульном листе книги - порождение эпохи красного террора и диктатуры пролетариата, когда в борьбе за выживание делом житейским было высказать свою лояльность в отношении действий властей, даже в завуалированной форме без нажима извне, даже наедине с самим собой в тиши кабинета на полях труда расстрелянного коллеги. Так, на странице 76 книги “Выборки из дневников курганных раскопок” из библиотеки Городцова, ныне хранящейся в библиотеке Института археологии РАН, его рукой написано: *“При самом внимательном чтении дневников Адрианова многое всё же остается неясным и непонятным. Неясно и совершенно непонятно также, для какой цели Адрианов раскапывал*

курганы? Он не вёл никаких научных наблюдений, не делал сопоставлений, не детализировал типов и группировок, не стремился к классификации! По-видимому, Адрианов копал ради приятного провождения времени, вроде покуривания сигары после жирного обеда. ВАГ” (Василий Алексеевич Городцов – М. Д.).

Думаю, что “при самом внимательном чтении” Городцов не мог не заметить в тексте ссылок на то, что с подробностями полевых работ можно ознакомиться в Отчётах Археологической комиссии. Так, на первой же странице книги Адрианова (странице 41 по общей с работой Горощенко пагинации) говорится следующее: *“Интересующихся подробностями отсылаем к отчёту об этих раскопках, напечатанному в “Отчёте Императорской Археологической комиссии за 1894 г.”, СПб., 1896, стр. 104-138; в отчёте даны многочисленные рисунки предметов, найденных в курганах, и планы могил”* (127). Полагаю, что Городцов не мог не отдавать себе отчет в том, что уже само заглавие книги подразумевает, что читатель имеет дело с сокращённым текстом, отрывками из отчётов или, иначе говоря, выборками. Ещё одна пометка Городцова: *“Требуется изучение предметов, добытых раскопками (где они?) и статистическое распределение материала”*. Кому как не Городцову следовало бы знать, что материалы из раскопок Адрианова поступили в Российский Исторический музей, где сам Городцов до этого проработал в отделе археологии свыше двух десятилетий.

Личность Городцова была канонизирована ещё при его жизни. Стоит только взглянуть на фотографию, помещённую в сборнике “Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии” М., 1988, где ещё молодцеватый патриарх стоит в торжественной позе на фоне музейной экспозиции, положив правую руку на витрину, а над его головой начертано – “Зал имени В. А. Городцова”. Примечательно, что в 1938 г. в возрасте 78 лет он вступал в члены Коммунистической партии Советского Союза, а в 1944 г. был награждён орденом Ленина.

Приведу ещё один пример. Комментируя наблюдения Адрианова относительно последовательности возведения погребальных сооружений, Городцов сделал на полях пометку – “Божedomка”, что можно понять как “скудность мысли” или синоним слова “убожество”. Обратимся к описанию Адриановым кургана в группе Абаканская Управа, по поводу которого сделано это саркастическое замечание. *“На этом кургане, – писал Адрианов, – удалось, так сказать, проникнуть в технику сооружения древних усыпальниц. На поверхности земли или в незначительной по глубине выемке обносились плитами, поставленными на ребро, некоторая площадь, отведённая под кладбище. Внутри огороженного таким образом пространства устраивались могилы, расположенные парал-*

лельно, в некотором расстоянии одна от другой; одни могилы выкапывались на известную глубину, другие – устраивались прямо на поверхности отведённой для них площади. Затем, по наступлении известного момента кладбище засыпалось землей в виде холма” (128). Оценить заключение Адрианова так, как это сделал Городцов, можно только по полной неосведомлённости в предмете исследования. Правомерность предложенной Адриановым реконструкции, основанной на полевых наблюдениях, была впоследствии признана авторитетными исследователями. Спустя много лет к подобным выводам пришел на основании материалов собственных раскопок такой признанный мастер археологической реконструкции как М. П. Грязнов.

Я далека от мысли переоценивать методический уровень раскопок Адрианова, в этом отношении он значительно уступал своему современнику Д. А. Клеменцу, фиксировавшему все моменты раскопок на миллиметровой бумаге, но в то же время превосходил многих других. В значительной степени благодаря тому, что Адриановым был накоплен большой хороший документированный фактический материал, ученик Городцова С. В. Киселёв, опираясь на эту базу данных, имел возможность заниматься типологией, группировать материал, классифицировать его, производить сопоставления. Замечу, что в первые годы работы в Сибири, производя массовые раскопки курганов, Киселёв не чертил ни планов, ни даже схем погребальных сооружений.

А. В. Адрианов неоднократно подчеркивал, что работает для будущих исследователей. Им волею судьбы оказался ученик Городцова С. В. Киселёв. Археолог Абаканского музея А. Н. Липский называл ведущих сибиреведов, своих современников, *“генералами от археологии”*. Если принять его терминологию, в таком случае Адрианова, который сам себя называл *“маленьким провинциальным работником”*, можно посчитать солдатом, или *“рядовым от археологии”*. Но кто ответит, для достижения цели чей вклад весомее – генералов или всё же солдат?

Раскопки курганов были прерваны в связи с переводом Адрианова по службе в Иркутск. В Иркутске А. В. Адрианов служил два года с сентября 1899 г. по сентябрь 1901 г. в должности младшего ревизора Управления акцизными сборами. Здесь он сразу же включается в газетную работу в “Восточном обозрении”, где с ноября 1899 г. по февраль 1900 г. вел отделы “Сибирские вести”, “Сибирские очерки” и “Корреспонденции”. Затем он намеревался отправиться в верховья Енисея, на р. Ус, Бий-Хем и Каа-Хем. После поездки в конце зимы с ревизией в Ачинский округ он приехал в Томск, где планировал в больнице в короткие сроки сделать операцию, но ему пришлось задержаться там на полгода.

В этот период в отношениях Александра Васильевича с членами его семьи появилась трещина. В тяжёлый для себя момент он не встретил понимания близких, хотя сам был всецело предан семье. *“Если бы тебе удалось, Анюта, заглянуть в мое сердце, - писал он жене, - ты увидела бы, что оно питается искренней тёплой любовью к каждому из вас в отдельности и ко всем вместе. Ни прежде, ни теперь на дне этого сердца ничего иного не было, кроме любви к Сибири, кроме желания поработать для неё, - но это уже общественная струйка, она семье не помеха”...* (129). В письмах, которые приходили из Иркутска, члены семьи, исходя из материальных соображений, настаивали на переезде в Польшу. Своей старшей дочери Марии он отвечал так: *“По поводу твоего письма, Маша, вот что я скажу. Уехать из Иркутска, от его дороговизны, я не прочь, но из Сибири бежать не могу, особенно в Царство Польское. На свою службу я смотрю как на неизбежное зло, как на необходимость добывать средства для семьи. И я думаю, что Вы сами не пожелаете, чтоб я душу свою принес в жертву Маше. Мне как сибиряку, притом же работавшему постоянно для её умственного и духовного развития, остается, очевидно, продолжать эту работу здесь же...”* (130).

Только в начале сентября 1900 г. Адрианов из Иркутска прибыл в Красноярск, где сел на пароход “Николай”, на котором доехал до Минусинска, откуда отправился на р. Амыл. О своей следующей поездке, состоявшейся в Усинский округ, он писал: *“В феврале и марте 1901 г. я ездил по делам служебным в Усинский округ и частью переваливал нашу государственную границу. В теснине Енисея, где он пробивает Саянскую горную группу, мне указали два места с писаницами на скалах, которые я, как это ни труднодоступно было, посетил, а писаницы, насколько возможно то было, срисовал и описал, они сделаны красною краской на гранитных утесах устьев Кантегира и Сосновки и очень плохо сохранились; изображены на одном животные, на другом какие-то кружки и значки. Рассказывали, что есть писаницы в других местах теснины Енисея, но указать точно не могли. Во всяком случае я убедился, что здесь есть досель неизвестные памятники...”* (131).

В 1901 г. А. В. Адрианов и после перевода в сентябре этого года на службу в Красноярск продолжал активно участвовать в подготовке к изданию газеты “Байкал”, которая переводилась из Троицкосавска в Иркутск. Адрианова захватила идея создания газеты - органа сибирских областников. На этом поприще он проявляет себя как стратег и организатор, как сформировавшийся идеолог областнического движения. Настойчиво будоражит он Г. Н. Потанина, желая нейтрализовать “яд жизни”, отравляющий обременённого проблемами учителя. *“Нас очень ма-*

ло, мы рассеяны и к тому же слабы и бедны - при таких условиях вести газету нельзя” (132). *“Нам надо бы объединиться, собрать в кучку наши разрозненные силы и погасить ту вражду, которая их разделяет”* (133). *“Идея областничества у нас можно сказать растворилась, как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь. Подчас я сам хорошенько не знаю, какому богу молиться и не смею обмолвиться словом, не зная найду ли поддержку, указание, разъяснение. Что же говорить о молодёжи, попавшей в этот водоворот, что сказать о студентах-сибиряках, которые положительно растворились в тех 70-80% студентов, наехавших в наш университет с Кавказа, Малороссии, Волги? Я не буду топтаться на месте, так как моя мысль Вам понятна. По этим соображениям я считаю необходимым превратить “Байкал” целиком в строго выдержанный по направлению орган, чтоб это была твердыня чисто сибирских желаний, стремлений, чтоб на нём воспитывалась наша молодёжь, чтобы в нём находили свою опору колеблющиеся старики”* (134). *“Но Вы, пока ещё “Байкала” нет, на досуге разработайте программу “Байкала” до деталей, подготовьте всё, что нужно для доклада; это - главное, а потом мы подумаем и о средствах для газеты”* (135). Однако попытки выпустить в свет “Байкал” оказались неудачными, и Потанин вынужден был срочно покинуть Иркутск, в частности, по причине личного порядка.

После перевода на акцизную службу в Красноярск в сентябре 1901 г., где ему предстояла “принудительная отсидка” в три года и где он пробыл до конца 1904 г., Адрианов начал сотрудничать, хотя и не так успешно, как он рассчитывал, с Красноярским подотделом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, который был организован в январе 1901 г. Александр Васильевич был избран правителем дел Красноярского подотдела ВСОРГО, а когда в ведение Красноярского подотдела был передан городской музей, он становится консерватором музея.

“В Подотделе у нас до сих пор не было одного заседания, и мы скоро будем изображать “лебедь, щуку и рака”, - писал он Потанину (136). В другом письме мы читаем: *“Комитет подотдела отнимает массу времени и отрывает от работы, которая у меня плохо поддаётся. А работы гибель. После того, как мы с Вами расстались, я, во-первых, выпустил книжку сказок, затем произвёл раскопку курганов, съездил на Ману по поручению Археологической комиссии для изучения писаниц и с сентября засел за письменную работу. За этим всем выпустил в продажу с текстом “Виды по р. Мане”, написал биографию Мартыанова (четвёртую по счету) как ботаника,*

составил отчёт о раскопке курганов и теперь сижу за отчётом о писаницах, который к декабрю окончу и отошлю. На очереди дня целый ряд работ - обработка рукописного материала г. Хеина, совершившего поездку в 1896 г. в системы рек Нижней Тунгуски и Курейки в Туруханском крае; обработка материала по моей же поездке в Усинский край; обработка материала моих раскопок курганов в Минусинском уезде в течение последних лет; составление Очерков Минусинского края для календаря Романова; я уже не говорю о том, что у меня вот уже 15 лет лежит необработанный материал о моих исследованиях в Нарымском крае, у кузнецких и бийских инородцев, и минусинских, материал для биографии Ядринцева и проч., и проч. Меня оторопь берёт, когда я подумаю, как я с этим стану справляться. А ведь без дела никогда не сижу. Несчастье именно в том, что к неоконченным старым делам постоянно прибавляются новые. Вот и теперь в проекте у меня на будущее лето поездка на Ангару - от Иркутска до устья, о чём у меня сейчас идет переписка с Археологической комиссией. Да, кажется, в будущем году предстоит командировка в Россию по делам службы" (137).

В 1902 г. Адрианов занимался подготовкой и организацией экспедиции Ф. Я. Кона в Туву. "Ф. Я. Кон, наверное, уже уехал, - писал он Н. М. Мартьянову. Надеюсь, моё последнее письмо застало его в Минусинске. Получил ли он открытые листы - предписания Усинского пограничного начальника послано на счёт доступа ему к Усинскому архиву. Губернатор своею властью не дал разрешения, поэтому я написал В. Ю. Григорьеву в Петербург обратиться к генерал-губернатору с соответствующей просьбой; думаю, что разрешение удастся получить, хотя может быть и с некоторыми ограничениями. Ф. Я. между прочим прислал телеграмму о высылке "бланок"... Ему нужно заготовить бланки для демографического исследования русского населения Усинского края" (138). Как видим, Ф. Я. Кон в своей книге "Исторический очерк Минусинского музея" с полным основанием мог сказать об Адрианове: "Принимал горячее и деятельное участие во всех предприятиях Музея с 1881 г." (139). Это потом, много лет спустя, уже после расстрела Александра Васильевича, Кон вдруг "вспомнил" в своей книге "За пятьдесят лет", что Адрианов "относился к категории лиц", которые "при помощи своей маскировки собирались использовать ссыльных в своих целях", что он был "хитрый и продувной тип", что "как учёный он был по меньшей мере малозначащий дилетант" (140). Воздержусь от комментариев...

В Красноярске Адрианов опубликовал сборник "Русских сказок и песен в Сибири". Фольклорные произведения Александр Васильевич собирал в Барнаульском, Красноярском, Минусинском и др. уездах.

В записях приняли участие его дочери, Нина и Мария, а также сестры - младшая Евгения Васильевна и, в особенности, Антонина Васильевна, носившая фамилию мужа, ссыльного польского повстанца Жилинского. А. В. Жилинская, проживавшая в сельской местности Курганского уезда, по просьбе брата собирала фольклор в родном селе Белозерском и в его окрестностях. Следующий выпуск Записок Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества "Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний" был издан под редакцией Г. Н. Потанина. В нём среди прочих публиковались материалы, собранные дочерью Александра Васильевича Ниной.

Из публикаций следует отметить "Очерки Минусинского края", которые были напечатаны в "Сибирском торгово-промышленном календаре" на 1904 г. и кроме того, выпущены отдельной книгой. В книге автор касается вопросов древней истории края. Специальные разделы посвящены природе, полезным ископаемым, путям сообщения. Адрианов характеризует русское население края и приводит этнографический очерк коренных жителей, описывает занятия населения, касается вопросов промышленности и торговли. В конце рассказывается о Минусинске, его истории и современном состоянии. Заканчивается очерк описанием музея. "С учреждением музея в крае, - писал он, - появился стойкий фактор в борьбе с косностью и невежеством, окутывающими население" (141).

В 1902 г. исполнилось 25 лет со дня основания Минусинского музея. В организации юбилейных торжеств Адрианов принял активное участие. Он составил и послал минусинскому городскому голове целую программу праздника, который был рассчитан на два дня. Помимо газетных публикаций, к юбилею музея Адриановым было написано несколько вариантов журнальных статей. Однако прошло не так много времени после юбилейных торжеств, и ему пришлось 2 декабря 1904 г. на панихиде по покойному Н. М. Мартьянову, отслуженной в Красноярской Покровской церкви членами Красноярского подотдела Русского Географического общества, произнести прощальную речь и писать некролог.

Поселившись в Красноярске, А. В. Адрианов планировал производить систематические раскопки курганов в окрестностях города. В 1902 г. у с. Частоостровского он раскопал два кургана с коллективными захоронениями и бронзовыми миниатюрными предметами погребального инвентаря. В том же году, также недалеко от Красноярска, он изучал палеонтологические находки, результаты этих работ были опубликованы в статье "Нахождение костей мамонта и других допотопных животных в окрестностях села

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

.. 21 / .. М а я 1902 г.

№ 211

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимнего Дворца.

Открытый листъ.

На 190 второй годъ.

Выданъ этотъ листъ г. Правителю дѣлъ Красноярскаго Подъотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества А. В. А д р и а н о в у.

Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіи 1902 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ въ предѣлахъ Красноярскаго уѣзда, Енисейской губерніи.

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчетъ или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а также, при особой описи всехъ находокъ, наиболее ценные и интересные изъ найденныхъ предметовъ, для представленія ихъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе.

Подписаль:

Председатель Императорской
Археологической Коммиссіи Графъ А. Бобринской.

Скрѣпилъ:

Дѣлопроизводитель

В ъ р н о:

Листъ этотъ действителенъ на одинъ годъ и, по истеченіи надобности, долженъ быть представленъ обратно въ Коммиссію.

Рис. 14. Открытый лист, выданный А. В. Адрианову на 1902 г. Лицевая сторона.
Рукописный архив ИИМК РАН.

Открытый лист этот выданъ на основаніи Высочайшаго Государя Императора повелѣнія, послѣдовавшаго 11 Марта 1889 года:

„Исключительное право производства и разрѣшенія, съ археологической цѣлю, раскопокъ въ Имперіи, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ, и общественныхъ—предоставитъ Императорской Археологической Коммисіи. Въ утврѣденія и лица, предполагающія производить подобныя раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствомъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ Императорскою Археологическою Коммисіею.

Открываемыя при раскопкахъ цѣнные и особливо важныя въ научномъ отношеніи предметы должны быть присыланы въ Императорскую Археологическую Коммисію, для представленія на Высочайшее воззрѣніе“.

Извлеченіе изъ Правила для лицъ, производящихъ съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммисіи раскопки кургановъ и могильниковъ на собственные средства:

Ст. 5. Найденныя при разрѣшенныхъ археологическою Коммисіею раскопкахъ вещи доставляются ей, вмѣстѣ съ журналомъ раскопокъ, не позже конца года, для представленія на Высочайшее воззрѣніе, послѣ чего они передаются, по указанію лица, производившаго раскопку или даващаго на нее средства, въ одинъ изъ правительственныхъ или общественныхъ музеевъ; отдѣльныя предметы изъ доставленныхъ коллекцій, имѣющіе выдающееся научное значеніе, по усмотрѣнію Археологической Коммисіи, могутъ быть выдѣлены для помѣщенія въ Императорскій Эрмитажъ или Императорскій Россійскій Историческій Музей.

Верно: Директоръ-производитель
Императорской Археологической Коммисіи

И. Суевъ

Рис. 15. Обратная сторона Открытого листа.
Рукописный архив ИИМК РАН.

Сухобузимского". Свои пожелания относительно района предстоящих полевых исследований А. В. Адрианов изложил в письме в Археологическую комиссию. Председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский сообщил, что, предоставляя средства на раскопки курганов в районе Красноярска, Комиссия просит обратить внимание *"главным образом на изготовление надёжных рисунков с енисейских "писанцев"*, каковая задача представляется ей весьма важной. Комиссия желала бы, чтобы находящиеся на писаных камнях изображения были не только сфотографированы или ориентированы от руки и тщательно описаны, но даже, по мере возможности, скалькированы" (142).

В ответном письме Адрианов просил более чётко охарактеризовать предварительную программу работ. *"Я вполне разделяю взгляды Комиссии на важность изучения Енисейских писанцев, - писал он, - но ввиду обширности и сложности выполнения этой задачи желал бы получить ряд руководящих по этому поводу советов. Писаницы Енисейской губернии стали интересовать исследователей очень давно. Я бы желал знать, имеет ли в виду Комиссия предпринять более или менее полное исследование всех писанцев - на утёсах, береговых скалах, курганных камнях; высеченных или писанных краскою; состоящих из рун, знаков, изображений животных, изваяний и т.п. Желает ли Комиссия переиздать и то, что уже было опубликовано, только с более подробным описанием, измерением и изготовлением новых рисунков, или только собрать сведения о тех писаницах, которые еще не были издаваемы"* (143).

А. В. Адрианов обратился в Археологическую комиссию с просьбой о присылке возможно более подробной инструкции относительно способа копирования наскальных изображений. Кроме того, он просил снабдить его всеми необходимыми материалами и принадлежностями для их фиксации. В письме за подписью председателя Археологической комиссии А. А. Бобринского сообщалось, что Комиссия поручает А. В. Адрианову изучение и зарисовку тех изображений на скалах и отдельных камнях, которые станут известны ему в районе полевых работ. Исследование наскальных изображений должно главным образом заключаться в точном описании фигур, техники их исполнения и содержать информацию о повреждениях. Копии рекомендовалось снимать на так называемую шведскую бумагу, которая накладывается на смоченную водой поверхность изображения и проколачивается тугою щёткой; просохший эстампаж предлагалось укрепить посредством лака, который наносится на бумагу широкой мягкой кистью (144). Этот "механический" способ копирования, которым в дальнейшем пользовался Адрианов, передавал точные контуры выбитых или вырезанных фигур и даже технику их нанесения на

скальную поверхность, хотя и в зеркальном изображении.

В период жизни в Красноярске широко развернулась деятельность А. В. Адрианова как исследователя петроглифов Енисея. В ранних работах он упоминал или описывал наскальные изображения наряду с прочими древностями. Специально предпринять изучение енисейских писаниц ему довелось лишь в 1902 г., когда за плечами был огромный опыт полевого исследователя.

Первоначально А. В. Адрианов полагал, что в Минусинском уезде местонахождения наскальных изображений в своем большинстве уже известны, открыть новые немногочисленные памятники он считал возможным при условии специального обследования. На Верхнем Енисее, в Туве, по его мнению, осталось ещё много памятников, ускользнувших от внимания финской экспедиции 1888 г. В Красноярском уезде писаницы немногочисленны, среди них Адрианов отметил местонахождения по р. Базаихе и в нескольких местах по р. Мане. Наскальные рисунки нанесены на береговые утёсы красной краской и состоят из фигур животных, свастик и других знаков. *"Если Комиссия желает, чтобы эти писаницы были осмотрены и описаны (сведений о них в печати, сколько мне известно, нет), я готов сделать поездку летом и по Базаихе, и на Ману..."* (145).

В 1902 г. А. В. Адрианов обследовал по р. Мане и Колбе восемь накрашенных охрой писаниц. Наскальные рисунки он скопировал на клетчатой бумаге для более точного воспроизведения фигур и для передачи линейного масштаба. Величина отдельных изображений и взаимное расположение их на таблицах, по свидетельству Адрианова, *"вполне соответствует действительности"* (146). Размер каждой клетки бумаги на первой таблице 2 x 2 см, на остальных двадцати - 1 x 1 см. *"Фотографии сделаны только с двух писаниц, более доступных, - писал Адрианов. - Для этой работы по Мане я был мало подготовлен и плохо снаряжён, у меня не было, например, телеобъектива, совершенно необходимого прибора для копирования красочных писаниц, не было камеры-обскуры, сетки и т.п."* (147). Таблицы с рисунками, а также одна фотография были опубликованы в статье А. В. Адрианова *"Писаницы по реке Мане"*, которая вышла в свет лишь в 1913 г.

В 1902 г. Адрианов публикует *"Наставление к собиранию материалов для археологической карты Енисейской губернии акцизным разъездным надсмотрщиком"*. *"Намерение своё привлечь акцизных чиновников Енисейской губернии для работы по собиранию материала для археологической карты губернии, - писал он в Археологическую комиссию, - я привёл в исполнение, причем встретил со стороны управляющего акцизными сборами К. П. Сосновского*

сочувственное отношение. Кроме циркулярно-го письма к четырём окружным надзирателям, которым управляющий разъясняет значение этой работы, мною написано каждому из них письмо с указанием, как организовать работу применительно к тем особенностям, которыми отличается каждый уезд в археологическом отношении. К работе привлечено 18 надсмотрщиков, для которых я составил и напечатал "Наставления", разослал свою старую брошюру "Курганография Сибири", каждому послал по карте соответствующего уезда губернии и по записной книжке" (148).

С целью сбора сведений для составления археологической карты губернии Адрианов напечатал также типовое послание, рассылаемое по почте. От руки вписывалось обращение к адресату, дата, а также ставилась собственноручная подпись Александра Васильевича. На одном листе бумаги печаталось обращение, а другой, чистый лист, предназначался для ответа. Можно привести в качестве примера обращение к священнику отцу Иоанну, фамилия которого написана неразборчиво. "Ваше Благословение, отец Иоанн! Приступив к составлению археологической карты Енисейской губернии, я не могу исполнить этого с достаточной полнотой без содействия многих именно местных лиц... Рассчитывая на Ваше сочувствие выполнению поставленной задачи, позволю себе обратиться к Вам с покорною просьбою сообщить мне сведения о различных памятниках древности, находящихся в районе Вашей деятельности, а именно о писаницах (то есть рисованных краскою или выбитых фигурах, знаках, письменах, как на утёсах, так и на отдельных стоящих камнях), каменных бабах или изваяниях (то есть обделанных в виде фигуры человека или животного камнях), курганах, гордищах... Собранные Вами сведения прошу сообщить мне по адресу: в Красноярске А. В. Адрианову. Долгом считаю заметить, что при печатании карты и текста к ней я не премину указывать на содействие каждого лица. Июнь 1904 г. Красноярск". На другой стороне листа находится ответ отца Иоанна, датированный 30 июля 1904 г. "Уведомляю Вас, что писаницы имеются по речке Арбату. В данное время они не могут быть вам пригодны, потому что у горы был разложен какой-то огонь. От огня и дыма они попортились" (149).

В архиве А. В. Адрианова, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, имеется картотека "Писаницы Енисейской губернии" (150). Там записаны библиографические и опросные сведения, а также фамилии лиц, которые могли сообщить более подробную информацию о памятниках. Можно привести примеры: "По словам моего корреспондента С. Ст. Григорьева, есть большая писаница в местности "Бояры", в 8 верстах от деревни Копёнской. Григорьев

пишет, что это "богатейшая разнообразием изображений животных, жилищ и проч." писаница. Показать эту писаницу может крестьянин д. Копёнской Ефим Петрович Толстобоков. Об этой же писанице сообщил также Археологической комиссии Георгий Петрович Симонов (кандидат на судебную должность при Красноярском окружном суде), - он говорит, что она находится в 10 верстах от Абаканского перевоза и в 15 верстах от с. Абаканского". Или же: "Мой корреспондент Б. Н. Туров сообщает, что интересные писаницы находятся в вершинах Белого Июса по дороге к Хворостовской заимке, именно в 100 верстах от ст. Соленоозёрной и не доезжая 50 верст до заимки золотопромышленника Хворостова также находится утес, покрытый писаницами".

В 1903 г. в одном из логов горы Оглахты Адрианов произвел раскопки могильника, который содержал сенсационный по уникальности и сохранности материал и получил в научной литературе мировую известность. В могилах были найдены остатки погребённых - частично мумифицированные скелеты и пепел, трепанированные черепа, покрытые масками, кожаные человекоподобные куклы-манекены, а также многое другое. 8 сентября и 31 октября 1903 г. А. В. Адрианов в Красноярском подотделе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества сделал доклад о результатах полевых исследований в Оглахтах. В период служебной командировки в конце 1903 г. в европейскую часть России Адрианов выступил с докладом "О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде" (151). Материалы Оглахтинского могильника были опубликованы в созданном по инициативе Г. Н. Потанина иллюстрированном приложении к газете "Сибирская жизнь", которое выходило в свет с мая 1903 г. до конца 1904 г. (152).

Во время раскопок Оглахтинского могильника в 1903 г. А. В. Адрианова окружал мир петроглифов. Александр Васильевич совершал поездки верхом, на лодке, ряд пеших маршрутов для осмотра наскальных изображений. В Археологическую комиссию он сообщил об огромном объёме работ, в случае если Комиссия сочтёт возможным их финансировать (153). Однако дальнейшие исследования писаниц Енисея Археологическая комиссия не поддержала. Тогда А. В. Адрианов обратился с предложением о проведении работ к Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (154). Комитет принял это предложение, дав согласие на проведение работ по обследованию писаниц в течение нескольких лет, согласно намеченному плану.

С 1904 г. А. В. Адрианов проводил работы по обследованию петроглифов Енисея на средства Русского комитета. Исследованиям Адрианова в 1904 г. предшествовал серьёзный конфликт с акцизным начальством, чинившим ему препятствия в этом деле. Суть этого конфликта Адрианов подробно осветил в письме П. С. Уваровой: *“Зная своего управляющего акцизными сборами за человека мало просвещённого и злого, я просил Русский комитет ходатайствовать непосредственно перед министерством финансов о разрешении мне занятий по исследованию писаниц, что тем более не представляло каких-либо неудобств в служебном отношении, что Минусинский уезд в ревизионном отношении подчинён мне. Министерство дало на это согласие и уведомило управляющего акцизными сборами Сосновского для сведения. Получив эту бумагу, он категорически заявил мне, что до июля я не могу поехать ввиду разных работ по введению с 1 июля монополии, таким образом лучшее время, май и июнь, у меня было отнято. Подготовившись к экскурсии и закончив служебные дела к 1 июля, я получил от Сосновского 26 июня предложение заведовать счетоводным отделением, так как оно хромало, впредь до приискания нового лица на должность главного счетовода. Так как это предложение окончательно делало невозможной мою поездку, к тому же оно шло вразрез с решением Главного управления неоплаченных сборов и моим соглашением с тем же Сосновским, то я решил немедленно поехать и уехал со своими сотрудниками, тем более, что на ревизии в управлении я не был около года и мне необходимо было ознакомиться с тем, как идёт работа по введению монополии”* (155). Итак, Адрианов, нарушив запрет акцизного начальства, приступил к полевым исследованиям.

Ещё весной 1904 г. сыновья А. В. Адрианова Александр и Григорий отправились из Красноярска в Минусинск, проводя попутно опрос населения и осматривая писаницы. Летом А. В. Адрианов обследовал и частично скопировал группу тубинско-енисейских петроглифов, в том числе писаницы Потрошиловскую, Лынищенскую, наскальные изображения на горе Тепсей, а также на горе Суханиха. Кроме того, он упоминает в этом районе писаницы на горе Куня, на р. Биджа, у улуса Красный Яр и Оглахтинские. Затем были обследованы Туранская писаница, Майдашинская, Сыдинская, Боярская, Абаканская. Рукопись отчета А. В. Адрианова о полевых исследованиях 1904 г. “Писаницы Енисейской губернии” объемом более 8 печатных листов хранится ныне в рукописном архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, а другой, первый, вариант - в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (156). Отчёт, хранящийся в ИИМК, представляет собою несколь-

ко отредактированный автором вариант, к тому же в нём произведены некоторые перестановки разделов. В данной работе я цитирую текст отчёта по первому, томскому, варианту.

Рукопись Адрианова представляет ценнейший труд, тем более, что многие памятники, описанные исследователем, не сохранились до наших дней. Автор приводит подробное описание каждого памятника, иногда схему расположения местонахождений, историю исследования. Необходимо отметить, что в литературе вопроса он был прекрасно ориентирован. В тексте встречаются рисунки особенно его заинтересовавших петроглифов, имеются схемы взаиморасположения плоскостей. Он отмечает шифры каждой писаницы и эстампажа. Автор касается вопросов хронологии и предварительной систематизации материала. Адрианов останавливается и на современных подделках, подражающих древним образцам, предостерегая будущих исследователей, которые могут быть введены в заблуждение сходством оригиналов и новоделов. Автор приводит соображения относительно техники копирования.

Собранный материал был распределен А. В. Адриановым на три отдела. В первый были включены писаницы на утёсах, упоминавшиеся последовательно по течению рек. Он исходил при этом из предположения, что речная система имела самостоятельное значение как место обитания того или другого народа в древности. Далее следуют писаницы на отдельно стоящих камнях, включающие две подгруппы - на плитах, стоящих на курганах или могильниках и вне их. В третий отдел были включены изображения на предметах - зеркалах, монетах, медалях, на пряслицах и прочих, не имеющих прямого отношения к наскальному искусству. *“Разбивая материал на такие отделы, - писал А. В. Адрианов, - я полагал, что мотивы изготовления писаниц на утёсах и отдельных памятниках или предметах не могли быть одинаковыми. Писаница на курганном камне имела в виду частный случай: она приурочивалась к тому или к тем умершим, которые погребены в данном кургане. Возникает вопрос лишь об отдельно стоящих камнях вне курганов, относительно которых невозможно определить в иных случаях, было ли погребение у такого отдельного камня или нет. Для меня, впрочем, вне сомнения существование таких камней с писаницами, которые были установлены вне связи их с погребением, но почему они в этом месте поставлены, какой момент определял их постановку, это пока остается открытым вопросом; можно лишь гадать на этот счёт, делать более или менее остроумные догадки, но всё же это только предположения”* (157). Совершенно справедливо мнение Адрианова, что семантическому анализу *“предшествовать должно возможно полное собиране материала, с возможно точным воспроиз-*

ведением фигур и знаков. Накопление материала даст возможность разбить его на группы хронологически различные, даст возможность установить манеру изображения фигур и знаков для данного района и времени, позволит проследить эволюцию самого письма, позволит восстановить утраченные от времени и разрушения фигуры и части изображений для некоторых писаниц, которые почти нигде не сохранились в их первоначальном виде” (158).

А. В. Адрианов сознавал временный характер принятого им деления, он подчёркивал, что дальнейшее накопление материала может дать основания для иной классификации. “Не знаю, кто заинтересуется этой разработкой, - писал он, - но мне за неё, вероятно, не придётся браться. На свою работу я смотрю как на собиране материала возможно тщательнее и подробнее...” (159). Далее А. В. Адрианов останавливается на очередных задачах: 1) выделить изображения всех встречающихся на писаницах животных и составить перечень представителей фауны, несомненно известных древнему жителю; 2) изучить изображения каждого животного на разных писаницах и, по его выражению, “нарисовать полную и типичную фигуру его”; 3) привести все стилистические варианты изображения одного и того же предмета на писаницах и установить случаи их взаимовстречаемости; 4) выявить все знаки, повторяющиеся на разных писаницах, с указанием сколько раз каждый знак встречен; 5) сличить алфавит енисейских рунических надписей на утёсах с встречающимися на отдельно стоящих камнях, а затем с орхонским и другими и выяснить разницу, определить число знаков, манеру их начертания. Далее А. В. Адрианов подчёркивает, что перечисленным не исчерпываются задачи, вытекающие из разработки материалов о писаницах.

Он приводит описание специфики работы с петроглифами и делится опытом в отношении способов их фиксации. Лучшее время года для этих исследований, по его мнению, - май, июнь и июль с длинными днями, жарким солнцем, возможностью нанять помощников. Осень с её короткими днями, влажным воздухом, дождями и ветрами понижает продуктивность работы, вызывает порчу материала, так что после первых чисел августа проводить исследование писаниц не рекомендуется. Копирование наскальных изображений при помощи смоченной водой “пропускной”, что означает, надо полагать, пористой, бумаги и щётки представляет отличный способ во всех отношениях - по простоте работы, быстроте, дешевизне и точности. “Все не лучшие, а хорошие сорта пропускной, шведской бумаги одинаково пригодны, - они воспринимают самые тонкие штрихи рисунка, лишь бы он не был чересчур поверхностным. Мало-мальски толковый, внимательный и усердный работник с первого дня работы может изготавливать вполне хорошие экземпляры. Закры-

вать бумагой сразу большую поверхность, занятую писаницей, и стараться получить на одном куске всю писаницу, спаивая между собой смежные листы бумаги, отнюдь не следует - это всегда тормозит работу, отражается на её качестве; при неровностях поверхности с писаницами выбивка в одном месте сплошь и рядом сопровождается отставанием бумаги в других местах; одновременное высыхание бумаги приводит к тому, что высохший участок при отставании от камня, своею тяжестью заставляет отставать ещё сырой эстампаж, который в таком случае становится менее отчетливым, сглаживается; кроме того, порыв ветра, при малейшем отставании эстампажа где-нибудь на неровности породы, быстро отделяет его весь и сбрасывает, причем теряется много бумаги и весь затраченный на приготовление эстампажа труд. Лучше всего ограничиваться форматом листа бумаги и накладывать их край к краю, делая копировальными карандашами, если только это нужно, на краях соседних листов метки. Сращивать листы бумаги нужно лишь в том случае, если для воспроизведения цельной группы фигур приходится прибавлять к листу какую-либо часть другого и третьего листа. Наслаивать много листов бумаги один на другой вообще не следует - это маскирует переднюю, наружную поверхность эстампажа, которую нередко нужно видеть, чтобы ориентироваться; только при очень глубоко вырезанных фигурах, когда первый лист рвётся в углублениях, приходится наслаивать три и даже четыре листа, но не более. Обыкновенно же достаточно двух слоёв бумаги, а при тонких штрихах писаницы, при нежных рисунках можно ограничиться эстампажем в один слой, в один лист. Покрывание лаком эстампажей я нахожу совершенно лишним; большой расход, большой груз, требующий хорошей упаковки, затрат времени, необходимость полного просушивания эстампажа. Поэтому лаком следует пользоваться в исключительных случаях” (160). “Что делать с эстампажами? Для издания их можно фотографировать, но с изнанки и в таком случае негатив придётся перевернуть; можно и к помощи рисовальщика прибегнуть, а вернее и то, и другое. Вообще это работа очень сложная в техническом отношении и я, при новизне дела и полнейшей своей неопытности, нуждаюсь в компетентном совете” (161).

В 1949 и 1961 гг. К. В. Вяткиной были частично опубликованы материалы из коллекции эстампажей енисейских писаниц, хранящихся в Музее антропологии и этнографии (162). В этих статьях не сообщалось о методах копирования с эстампажей. Просматривая материалы Адрианова, я имела возможность убедиться, что К. В. Вяткина при копировании под эстампаж под-

кладывала лист бумаги, а затем по контуру изображений делала наколы тонкой иглой, которая протыкала насквозь эстампаж и бумагу под ним, после чего на бумаге можно было обводить намеченный абрис карандашом или тушью.

“Много хуже обстоит дело, - писал Адрианов, - с фотографированием писаниц. Здесь ещё нет выработанных приёмов и указаний опыта, тем более, что во время экскурсий приходится только экспонировать и проявлять уже по возвращении в город, и иногда спустя месяцы, когда уже возобновить съёмку, если негатив окажется неудачным, невозможно. К съёмке каждой писаницы, чтобы получить наилучший негатив, необходимо приспособиться, так как в большинстве случаев освещение её не соответствует тому, при котором достигается наилучший результат. В техническом отношении, казалось бы, что может быть проще съёмки участка скалы? А на деле оказывается, что это весьма трудная замысловатая вещь. Всякая писаница расположена не на ровной поверхности утеса, а обыкновенно на многих гранях его, приходящих под различными углами одна к другой, и стало быть, к объективу, причём одна грань слишком выступает вперед, другая слишком выдаётся вглубь, третья приходится в глубокой тени под нависшим камнем. Бывает и так, что благоприятное освещение писаницы имеет место в определённый час дня, которого нет в нашем распоряжении...” (163).

Каждый памятник в порядке их исследования А. В. Адрианов отмечал особым номером римскими цифрами, а каждый отдельный эстампаж, каждый рулон бумаги - порядковым номером арабскими цифрами; на каждом эстампаже таким образом ставился шифр - две цифры - римская и арабская. Затем все копии, снятые с данного памятника, свертывались в трубку и запаковывались таким образом, чтобы сверху находился номер писаницы. Кроме того, на скалах А. В. Адрианов отмечал типографской краской шифр памятника, соответствующие номера эстампажей и дату исследования. *“Эти отметки, - писал он, - особенно полезны при рассеянных на большом пространстве фигурах, а также на курганных камнях в степях, где могильники рассеяны в большом числе. Эти отметки не будут лишними и для будущих исследователей, которые пожелали бы проверить нашу работу и быстро в ней ориентироваться, а также они будут полезны и для воздействия на местных жителей, наглядно указывая им, что тут находится предмет, остановивший на себе внимание учёных людей и, стало быть, требующий такого же внимания и бережного отношения с их стороны”* (164). Мне довелось видеть более чем семь десятилетий спустя шифр около Потрошиловской писаницы, нанесенный А. В. Адриановым чёрной краской в

1904 г. На него моё внимание обратил Н. В. Леонтьев.

В период полевых исследований летом 1904 г. А. В. Адрианов столкнулся с огромным объёмом работ. В письме к председателю Московского археологического общества П. С. Уваровой, проявлявшей постоянный интерес к его работам, Адрианов писал, что намеченный срок обследования писаниц Енисейской губернии в четыре года необходимо удвоить, причём эту работу нужно иначе организовать: наряду с эстампированием, фотографированием и описанием должна идти широко поставленная разведка. *“Дело в том, что археологи, в том числе я, - писал Адрианов, - до настоящего момента жестоко ошибались насчёт качества и особенно количества такого материала как писаницы. Несмотря на всё усердие и любовь к делу главного поставщика писаниц - Титова, в литературу попали лишь писаницы скалы, мимо которых шли проезжие дороги или зимой по Енисею, и притом такие скалы, где на небольшой сравнительно грани утеса сгруппировано несколько фигур. При моих остановках около этих писаниц и осмотре соседних утесов оказалось, что они все исписаны на протяжении нескольких верст, снизу до самого верха; фигуры разбросаны то в одиночку, то по 2 и 3, то целыми группами, в виде сложных сцен; весьма часто писаницы находятся в вершине логов, на местах едва приступных, в глубине гор, где нельзя было жить за отсутствием воды, и несмотря на эти условия, фигурами, тщательно сделанными, покрыты иногда сплошь, площади в несколько квадратных сажений”* (165). *“Мы пробовали откапывать землю у подножия утёсов и находили там писаницы, пробовали отмыывать затянутые илом грани, очищать покрытые лишайником скалы и там находили прекрасно сохранившиеся фигуры. Лазание по утёсам, осмотр гладких граней камня, где бы они ни находились, всегда вознаграждали наш труд”* (166). Адрианов отмечал, что необходимо осматривать все утёсы, каждый скальный карниз, то есть необходимо сплошное обследование. Для выполнения этих задач, по мнению А. В. Адрианова, целесообразно привлекать учащуюся молодежь.

Большое внимание в рукописи *“Писаницы Енисейской губернии”* А. В. Адрианов уделял вопросам охраны памятников. *“Прожив около 10 лет в Минусинском уезде Енисейской губернии и исколесив при служебных поездках территорию этого огромного края, я убедился в таком обилии и разнообразии памятников древности, какого мы не встречаем не только ни в одной другой части Сибири, а, может быть, и нигде в России, нигде во всем мире в настоящий момент, когда памятники этого рода исчезают под напором современной культуры”* (167).

Если многочисленные курганы, несмотря на их массовое разграбление в XVII и XVIII столетиях бугровщиками, сделавшими их предметом своего промысла, могут, по мнению А. В. Адрианова, на долгие годы сохранить ценные материалы и сберечь их для будущих исследователей, то этого нельзя сказать относительно наскальных изображений, обычно расположенных на видных и доступных местах. Для изготовления писаниц их создатели выбирали наиболее плотные и прочные породы, лучшие по качеству и доступности участки скал, которые теперь привлекают к себе внимание местных жителей как хороший строительный материал. В этой связи многие писаницы уже исчезли и навсегда погбли для науки.

“С увеличением населения в виде переселенческого потока, - писал А. В. Адрианов, - начало усиливаться и истребление древних памятников, не имеющих никакого значения в глазах невежественного населения и столь же невежественной администрации, неспособной принять каких-либо действенных мер к их охране. Независимо от этого писаницы, возбуждая любопытство разных невежественных людей, по ассоциации идей вызывают с их стороны подражания, - они начинают тут же выбивать фигуры, вырезают свои фамилии, увековечивать свои посещения соответствующими записями и безвозвратно портят и даже уничтожают писаницы, как это, например, случилось с большой и интересной писаницей близ с. Сисима, где древние фигуры на утёсе служили мишенью для попадания в них камнями крестьянскими ребятишками. Подражания эти иногда бывают настолько искусны, что серьёзно могут ввести в заблуждение и, во всяком случае, требуют немалого труда разобратся с ними, если они не представляют самостоятельной импровизации. Чтобы показать, насколько тщательно изготавливаются современные подражания фигурным писаницам, я увёз кусок одной плиты с выбитыми фигурами с Больших Оглахтов и передал его в Красноярский музей как образец современной фигурной писаницы, которая воспроизведена на прилагаемой фотографии № 1. Эту писаницу выдаёт сразу её сюжет - стол, перед ним стул с человеком над ним стоящим. Там же я видел и другую писаницу на плите; на ней выбит стол с короткими ножками, как это употребляется у минусинских инородцев, сидящих на полу юрты с подогнутыми ногами, а на столе самовар и на нём чайник. Я нашёл и автора этих изображений. Подросток качинец, пастух, чтобы скоротать время, когда ему приходится наблюдать с горы за пасущимся в долине стадом, вооружённый железным клином, усердно импровизировал каждый день на подходящих плитах в том или другом месте района его пастьбы; то он воспроизводил копии с фигур древних писаниц, то импровизиро-

вал, но относился к работе с сосредоточенной серьёзностью. Я остановился на этом с некоторой подробностью с целью предостережения археологов. Я, конечно, отношусь к поступкам этого полудикаря инородца с большей симпатией, чем к поступку ученого Клапрота, в своем патриотическом безумии выбившего саблей древнюю надпись на стене одной Бухтарминской пещеры” (168).

В 1904 г. А. В. Адрианов обратился в Археологическую комиссию с тем, чтобы были приняты меры в отношении охраны памятников древности. Он писал, что во многих местах, где находятся петроглифы, проводится выломка камня для строительных целей, так в Майдашах значительная часть огромнейшей писаницы уничтожена. Уничтожена также почти вся писаница на левом берегу Енисея около устья Коксы. Судя по рассказам стариков-инородцев, она покрывала утёс на протяжении нескольких саженьей. Близ утёса у д. Абакано-Перевозной также производится выломка камня по обе стороны нанесённой чёрной краской надписи, причём крестьяне об этой надписи ничего не знают. Если своевременно не принять меры, памятники будут уничтожены. *“Со своей стороны я написал Абаканскому волостному правлению бумагу, - сообщал Адрианов в письме в Археологическую комиссию, - в которой выяснил значение памятника и просил немедленно распорядиться о запрещении ломать в этом месте камни. Я прошу Комиссию написать енисейскому губернатору (губернатор города Красноярск) предложение принять меры к охране писаниц путем запрещення ломать камень около них, в частности указать на наименованные мною писаницы, губернатора нужно просить разослать приказы по всем волостным правлениям, окружным исправникам и красноярским начальникам, чтобы они озаботились исполнением этого запрета” (169).*

На письмо Археологической комиссии о необходимости охраны наскальных изображений губернатор Енисейской губернии прислал ответ: *“Имею честь уведомить Императорскую Археологическую комиссию, что о воспреещении ломки камня на местах, расположенных близ “камней-писанцев” было предписано минусинскому уездному исправнику и независимо сего ему же было поручено войти в сношение с подлежащими крестьянскими начальниками по вопросу об ограждении этих памятников древности столбами или заборами в целях их охранения. Ныне исправник доложил мне, что по отзыву крестьянских начальников ограждение упомянутых камней на средства или натурою окружающего их местного населения будет обременительною повинностью, могущей вызвать отказ или по меньшей мере нарекания со стороны жителей, на том основании, что сохранение камней-*

писанцев в целости находится в интересах Археологической комиссии, у которой, несомненно, найдутся для сего и средства” (170).

Работы 1904 г. не были осуществлены в полном объёме в связи с продолжающимся конфликтом А. В. Адрианова с акцизным начальством. *“Возвратившись из экскурсии в Минусинск в конце июля, - писал он П. С. Уваровой, - стал телеграмму от моей семьи, извещавшую меня, что Сосновский приказал исключить меня из требовательной ведомости и не выдал жалованья за июль, пришлось доставать денег и немедленно переводить их в Красноярск, чтобы не поставить семью в критическое положение, а затем, так как жалованье не было выдано и за август, пришлось сократить свою экскурсию и вернуться в Красноярск. Но и по возвращении я не получил до сего дня своего жалования (около 500 рублей), так как Сосновский возбудил в Минусинске вопрос о наказании меня невыдачей жалования за время, пока я занимался какими-то посторонними служебными делами... Этими посторонними делами были поручения от трёх учреждений: от Русского комитета - исследования писаниц, от Музея Александра III - собирание этнографических коллекций среди качинских татар и от Вас - собирание материала о каменных бабах...”* (171).

За помощью Адрианов обратился к Д. А. Клеменцу: *“Вчера я послал Вам телеграмму следующего содержания: “Переводят службу Иркутск. Середина учебного года, непомерная дороговизна жизни Иркутска большой семьёй, затруднительный переезд железной дорогой, неисполнение обязательств Вашим поручениям делают перевод незаслуженной карой разорительным материально гнетущим нравственно. Прошу ходатайствовать перед министром отложить перевод”. Такого содержания телеграмма была послана и В. В. Радлову, так как с Вами обоими я был связан поручениями, Вам обоим была известна история, результатом которой явился перевод”* (172).

Адрианов продолжает бороться, он направляет письма в различные инстанции. В конце ноября он пишет Д. А. Клеменцу: *“Теперь возникает вопрос о будущей работе. Лично я страстно желал бы довести её до конца, но как Вам известно, я ныне поплатился переводом в Иркутск именно за поездку в Минусинский уезд по Вашему и Русского Комитета поручениям. Теперь мне труднее будет попадать из Иркутска в Минусинский уезд - поездки будут требовать большего времени, больших расходов и непроводительной траты времени на сборы. Поэтому я прошу Вас употребить всё влияние Ваше, чтобы мне разрешили ныне летом (имеется в виду лето 1905 г. - М. Д.) в течение мая, июня и июля поехать в Минусинский уезд для сбора коллекций”* (173). Но все хлопоты ока-

зались тщетными: *“за излишнюю ревность к науке”* он был переведен в Иркутск.

Перед отъездом он рассылает по музеям собранные коллекции. В описи значатся: посылки в Музей имени императора Александра III и в Академию наук в Петербурге. Четыре ящика он отправил в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, один ящик в Императорскую Археологическую комиссию и два в Императорское археологическое общество.

В Иркутск Адрианов приехал в первой половине февраля 1905 г., оставив семью в Томске, *“приехал как старый знакомый”, “словно вернулся по делам службы”* (174). С первых дней он окунулся в водоворот жизни большого города, да и время было бурное - 1905 год. После событий “кровавого воскресенья” по Сибири прокатилась волна стачек протеста. 12 января 1905 г. в зале Томского железнодорожного собрания Г. Н. Потанин говорил: *“Я предвижу, что мы скоро услышим истинно свободный голос, открыто призывающий нас к великой борьбе за счастье родины”* (175). Общественное оживление коснулось и акцизного ведомства, всколыхнув его затхлую атмосферу. Об акцизном управлении Адрианов писал: *“Глава этого дела прежде всего без головы и поэтому всё акцизное дело идет как-то само, находится постоянно в состоянии полнейшей анархии, беспорядка, неопределённости”* (176). Среди чиновников есть такие, которые *“занимаются грязными делишками, доношением, шпионством и сношениями с жандармами, подстрекательством. Это создает невозможную атмосферу и фальшивое положение...”* (177). В феврале в Иркутске состоялась экономическая забастовка рабочих винного склада. Начальник акцизного ведомства согласился на частичное удовлетворение требований рабочих, после чего 215 рабочих склада не вышли на работу. Адрианов, которому было поручено вести переговоры с бастующими, встал целиком на их сторону и добился полного удовлетворения их требований, после того, как обратился к иркутскому генерал-губернатору и нашёл в нем поддержку. Новый начальник, делая уступки забастовщикам, высказал своим подчиненным сожаление, что *“нельзя воспользоваться урядником, который бы набил им морды - это был бы настоящий ответ на историю”* (178). *“Я задыхаюсь в этой атмосфере, - писал Адрианов Потанину, - и рвусь удрать отсюда, и боюсь, как бы не пришлось это сделать при помощи отставки”* (179).

В Восточно-Сибирском отделе Адрианов был избран председателем земской комиссии. В “Восточном обозрении” взял на себя борьбу с цензурой и вице-губернатором Мишиным, а когда И. И. Попов, редактор этой газеты, ездил в Москву, то он оставался за главного редактора. Адрианов принимал участие в подготовке выборов гласных в I Государственную думу. Активи-

зировалась деятельность областников. 28-29 августа в Томске проходил областнический съезд. Решения съезда послужили политической платформой для "Сибирского областного союза". По поручению Г. Н. Потанина Адрианов в Иркутске напечатал и разослал "Устав областного союза", "Основные положения областного союза" и "Протоколы съезда 28 августа". *"Главная цель областного союза, - писал он Потанину, - недопущение черносотенных элементов в Государственную думу и увеличение её состава сибирскими голосами..."* (180).

Продолжить полевые исследования на Енисее в 1905 г. Адрианов не смог в связи с переводом в Иркутск, хотя средства были выделены Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. На следующий год он предложил Комитету свои услуги, но у того не оказалось средств, что было зафиксировано в протоколе заседания от 22 марта 1906 г.: *"Сообщено содержание письма А. В. Адрианова на имя председателя из г. Томска от 23 февраля с уведомлением о его переводе в Томск и о желании продолжить исследования писаниц Минусинского уезда. Определено: в виду отсутствия денежных средств отложить продолжение работ господина Адрианова до следующего года и просить его воспользоваться его служебной поездкой в Семипалатинскую область, если окажется возможным, для собирания расспросных сведений о местных эпиграфических памятниках"* (181).

Переехав из Иркутска в Томск, А. В. Адрианов поселился в собственном доме на улице Преображенской, где его поджидали родные. В конце улицы Преображенской "в простых деревянных домах, утративших в садах и цветниках жили: под № 21 - этнограф и литератор, постоянный корреспондент Горького В. И. Анучин; под № 22 - В. В. Ревердатто, будущий профессор фито-географии. Дом № 24 занимало большое семейство А. В. Адрианова. В № 25 обитал молодой талантливый географ М. И. Хлебников". Григорий Николаевич Потанин жил во флигеле между домами Ривердатто и Адрианова. *"С легкой руки Григория Николаевича, - писал Д. П. Славнин, - часть Преображенской, где жительствовавали члены зарождавшегося Общества изучения Сибири, скоро стала зваться в своем кругу "Сибирской слободкой". Обитатели "Сибирской слободки" часто собирались друг у друга - нередко у Потанина, но чаще у Адрианова. Постоянными гостями были геолог В. А. Обручев, ботаник П. Н. Крылов, будущие писатели В. Шишков и П. Драверт, стихи которого нравились Григорию Николаевичу. К "сибирскому дедушке" тянулись художники - А. Ф. Мако, Е. Г. Мако-Тюменцева, многим обязанный Потанину Г. И. Гуркин, М. М. Щеглов. Да, собственно, все, заботившиеся о благе Сибири, перебывали тут"* (182).

В Томске Адрианов сотрудничает в газете "Сибирская жизнь", посылает корреспонденции в столичный журнал "Сибирские вопросы". Его избирают секретарём Общества изучения Сибири, гласным Томской городской думы.

Исследования петроглифов Енисея были продолжены только в 1907 г. Из Томска Адрианов выехал 26 июня, а вернулся 11 сентября. Отъезд из Томска был задержан в связи с тем, что деньги и оборудование были получены Адриановым на два месяца позднее намеченного срока. Осуществить исследования в том объёме, какой он предполагал ещё в 1904 г. и изложил в письме к Русскому комитету от 5 декабря 1904 г. и от 23 мая 1906 г., ему не удалось, поскольку не было возможности привлечь сотрудников, на помощь которых он рассчитывал. Адрианов остался только со своим старшим сыном Александром и хакасом Чибижековым. Вследствие малочисленности участники работ не имели возможности разбиваться на группы для разведки и производства работ одновременно в разных местах.

Летом 1907 г. А. В. Адрианов обследовал писаницы Оглахтинскую и Кунинскую, совершил маршруты по речной системе Абакана, фотографируя изображения на курганных плитах. Далее он произвёл обследование писаниц по правому берегу р. Тубы, побывал на местонахождении петроглифов близ с. Кавказского на утёсах вдоль р. Инзы, копировал Шалаболинскую писаницу. *"Особенностью работ нынешнего лета, - писал Адрианов, - была ещё чрезвычайная их трудность: большие писаницы, шифр которых XV-XVII, расположены на высоколежащих, труднодоступных утесах, подползание к которым с грузом за плечами и в руках (вода, щётки, бумага, камера) сопрягалось иногда с невероятным трудом, ранениями и ушибами, рваньём платья и обуви при затрате нескольких часов времени на восхождение и спуск. Мои сотрудники, а с ними и я, возвращаясь в улус или палатку уже ночью по окончании работы, с обессиленными мышцами рук и ног, с ужасом думали о предстоящей на следующее утро прогулке к той же неоконченной писанице и жалели о том, что у писаницы не было местечка, где бы можно было ночевать. Естественно, что при таких условиях работы пришлось отказаться от фотографирования многих писаниц, принятых только на эстампаж, там, где приходилось карабкаться на четвереньках или спускаться друг друга на верёвке и отбивать эстампаж, лежа на животе, боку или при поддержке работающего вилами, нельзя было думать об установке треножника с камерой"* (183).

Через год Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии выделил средства с тем, чтобы в течение 1909 г. А. В. Адрианов обследовал петроглифы в системе Белого и Черно-го Июсов. Адрианов посетил Сулекскую писа-

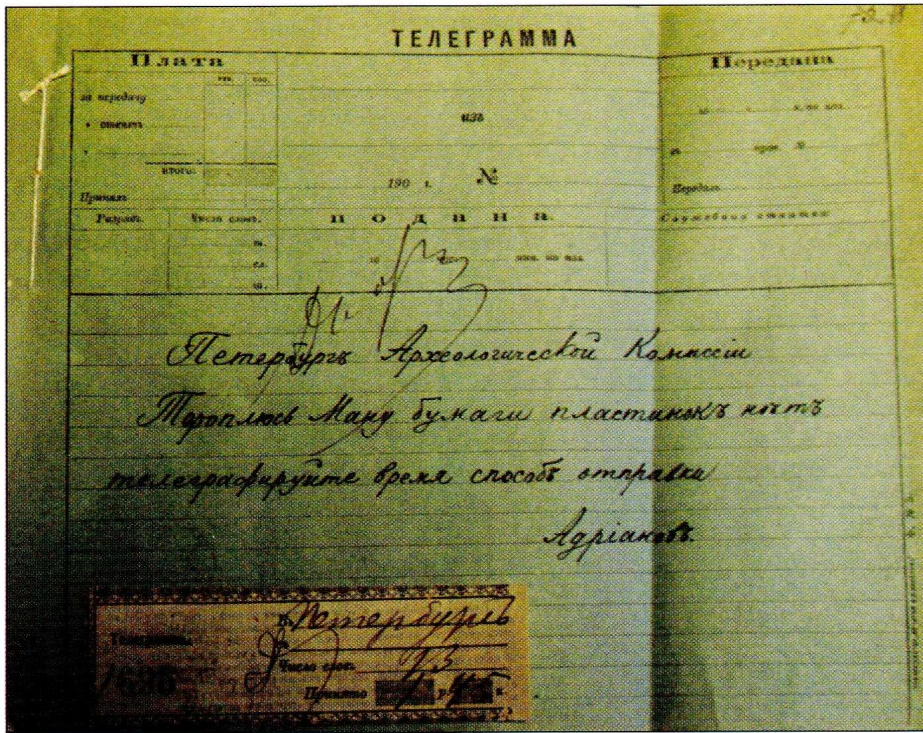

Рис. 16. Телеграмма в Археологическую Комиссию. *Рукописный архив ИИМК РАН.*

Рис. 17. Писаница на р. Печище, недалеко от Сулекской. Эстампаж А. В. Адрианова. Изображение зеркальное. Фонды Отдела археологии МАЭ. Фотография Я. А. Шера.

Рис. 18. Дата, поставленная А. В. Адриановым на Потрошиловской писанице в Красноярском крае. Фотография Е. А. Миклашевич.

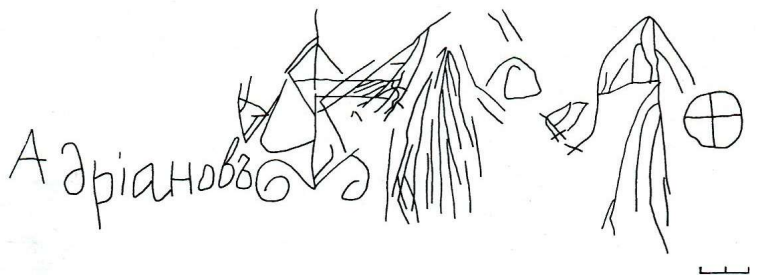
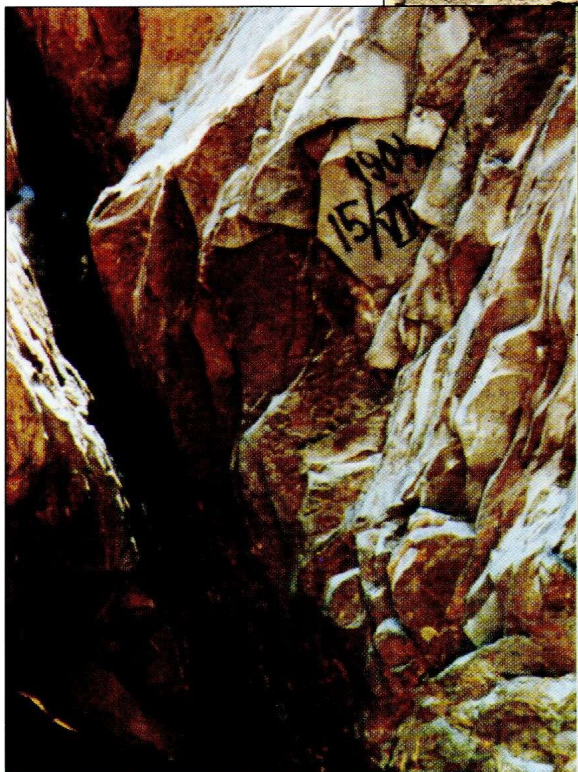

Рис. 19. Подпись Адрианова и рисунки шаманов на скалах горы Оглахты в Хакасии. *Копия Е. А. Миклашевич.*

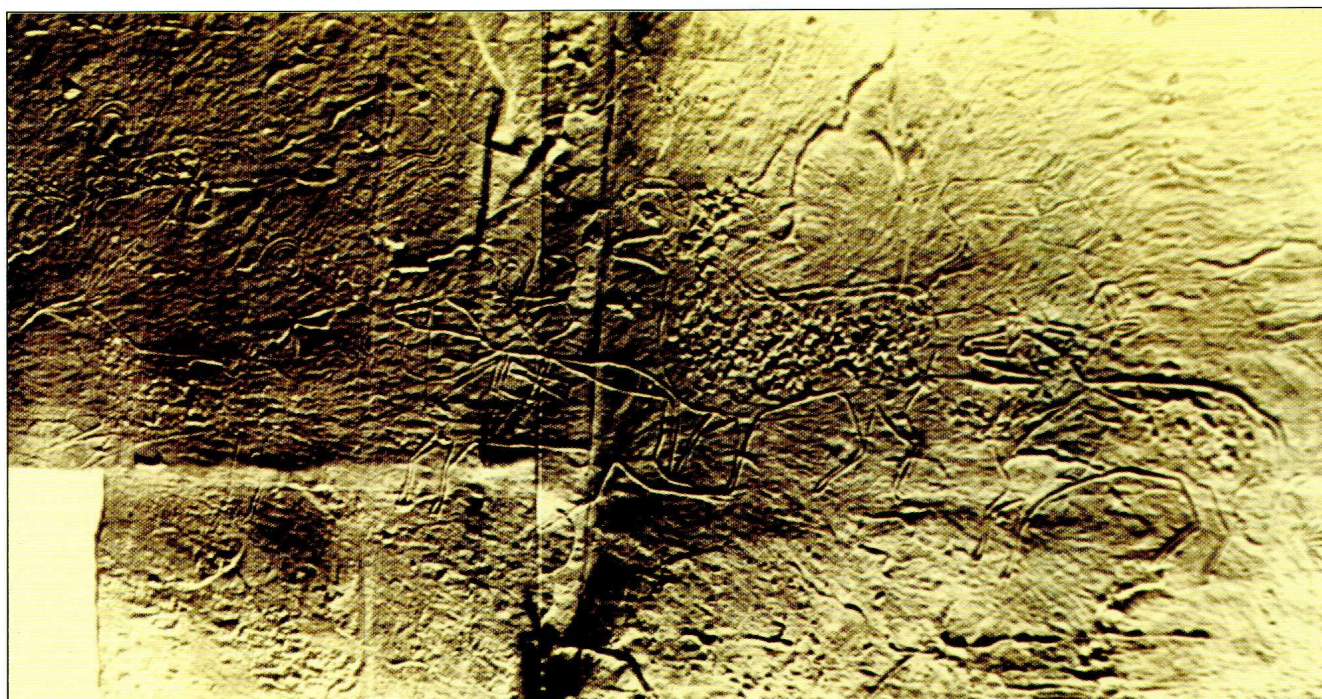

Рис. 20. Сулукская писаница. Фрагмент. Эстампаж А. В. Адрианова. Изображения видны зеркально.
Фонды отдела археологии МАЭ. Фотография Я. А. Шера.

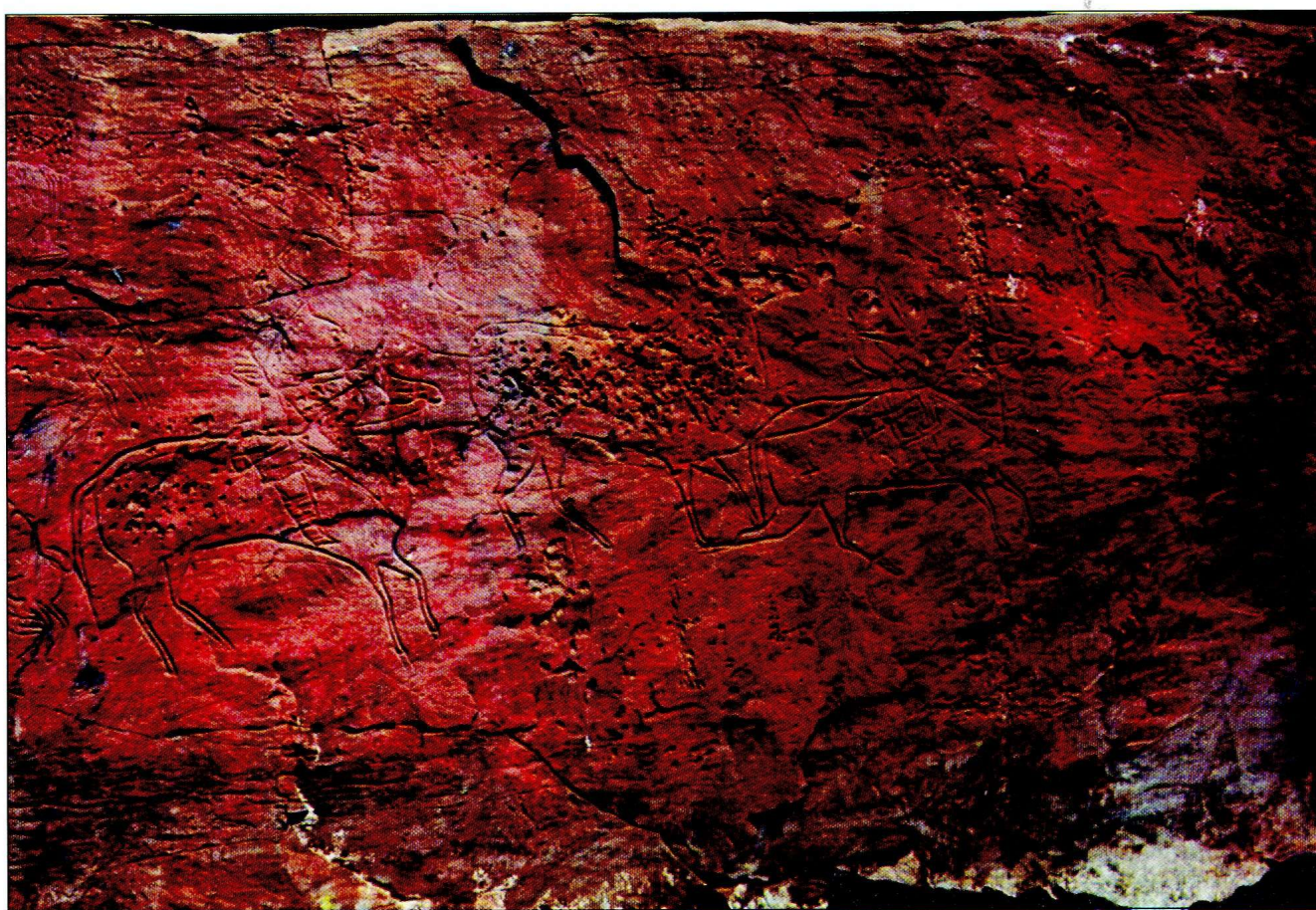

Рис. 21. Сулукская писаница. Тот же фрагмент скалы.
Фотография Е. А. Миклашевич.

ницу, Печищенскую, Ошкольскую недалеко от улуса Большой Ошколь, Уракскую (у улуса Орак). Затем он предпринял поездку верхом до вершины Белого Июса. Около улуса Ефремкина (Тогуз Асс) на правом берегу р. Белый Июс он открыл писаницу, выполненную краской. Другие местонахождения наскальных изображений, нарисованные красной охрой, он обнаружил около улуса Аспат на правом берегу р. Белый Июс и на левом берегу этой реки ниже впадения р. Тихтерек. О петроглифах около станицы Соленоозёрной на берегу Белого Июса А. В. Адрианов получил опросные сведения. Он посетил также небольшую писаницу на р. Черный Июс близ улуса Ключик. Закончив работы в Ачинском уезде, А. В. Адрианов отправился в Минусинск, отсюда на р. Тубу, затем спустился по Тубе на лодке до Енисея, а по нему до с. Абаканского, где были завершены начатые в 1907 г. работы. Он обследовал в этом районе Копёнскую писаницу (Копёнская нижняя), находящуюся на правом берегу Енисея, напротив д. Копёны, и Новую Копёнскую (Копёнская верхняя), состоящую из трёх групп (184). Большая часть енисейских петроглифов, по мнению А. В. Адрианова, была создана предшественниками современного коренного населения - древними хакасами.

Адрианов собирал этнографические коллекции, которые, судя по его записям, были посланы в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в этнографический отдел Русского музея имени императора Александра III, в Отдел этнографии Академии наук в Петербурге, в Императорскую Археологическую комиссию, Императорское Археологическое общество, в Западно-Сибирский отдел РГО в Омске, в Красноярский подотдел ВСОРГО, в ВСОРГО в Иркутске (185).

Самой яркой страницей в истории популяризации этнографических знаний в Томске явился "Сибирский вечер", состоявшийся в феврале 1909 г. Его инициатором был А. В. Адрианов, в организации принял участие Г. Н. Потанин. Это беспрецедентное новаторское начинание имело, помимо просветительных и научных целей, ещё и благотворительные: весь сбор от этого мероприятия шел в пользу сибиряков, обучающихся в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга. В фойе Общественного собрания, где проходил вечер, экспонировались историко-бытовые и природные комплексы. По словам автора газетной статьи, они представляли собой "художественно воссозданный тот или иной уголок Сибири и её быта: остяцкая юрта, полузанесённая снегом, с её инвентарем и рыбными принадлежностями; алтайская юрта с уголком тайги, с следами недавнего камлания — цветные ленты, куски одежды, шкуры животных и т.п., развешанные в дар духам... Направо от сцены на фоне декорации, изображающей полярную ночь, громоздится на глыбах снега и льда тяжёлая фигура белого

медведя" (186). Представители коренных народностей выступали на сцене в соответствующих интерьерах, среди подлинных вещественных материалов. На вечере прозвучала музыка и пение татар, бурят, монголов, киргиз, русских, выступали якутский сказитель, алтайский шаман.

Вечер открылся татарским отделением. Перед публикой — интерьер татарского дома, разделённого на две половины ситцевой занавеской. Женщины украдкой приподымают покрывало и заглядывают на мужскую половину, где на полу сидят за чаем татары. После сцены угощения хозяином гостей и общей беседы следует игра на дудках из камыша, затем сказание о сотворении мира, песнь о любви и песнь матери. Далее хор татарских детей поет песни: тюремную, историческую и нищего мальчика. Следующее отделение хоровое. Ученики музыкальной школы, одетые в костюмы сибирских народностей, исполнили киргизскую мелодию и русскую песню. Хор сменяет группа якутов. Четверо молча полулежат около теплящегося камелька, а пятый исполняет якутское сказание "о могучем богатыре Кюне-Эрлике, встретившемся с Абагы-Убола (сыном дьявола)". Далее следовало монгольское и бурятское отделения: сцена "Прощание монгольского князя с родной стороной" и национальные мелодии.

Наибольший интерес присутствующих привлекло шаманское камлание. Для демонстрации акта камлания в Томск был специально приглашён "представитель исчезающей религии алтаец кам Мампый (в других местах он именуется Мампылом или Мамным. — М. Д.), приехавший в Томск из самого сердца Алтая, с р. Ашиатта, левого притока Катуня (верст 50 выше р. Аноса). Ему 40 лет. Он ни слова не понимает по-русски. Для интересующихся изготовлены фотографии с Мампыла в профессиональном и обыкновенном костюмах" (187). Вот как описывает очевидец, некий В-ин Г., выступление Мампыя в зале Общественного собрания: "Поднимается занавес. На сцене кам в своём "священном" облачении, с большим бубном в руке, символически обозначающим коня или плеть. Сидя на полу, он тихо бьёт в бубен, потом начинает речитативом обращаться к огню, усиливает и уменьшает звук бубна, который то чуть-чуть вздрагивает, то переходит в гулки, как бы громовые раскаты. Кам вскакивает и быстро кружится, продолжая молитвенные обращения к своему предку Каньму и к своей родине — Алтаю. Странно и жутко звучит его сухой гортанный голос, цемящая с завыванием молитва. Звенят колокольчики, привязанные на спину, рокошет и гремит гулкий бубен, то поднимающийся над головой, то ударяющийся о землю; с шумом раскидываются кольцом ленты облаченья, как будто тоже пляшущие иступлённую пляску... Опускается занавес, а кам в религиозном экс-

тазе всё ещё продолжает свой обряд. Говорят, его с трудом остановили и он остался недоволен. Говорят, что пульс его бил во время камлания по 140 ударов в минуту” (188). На страницах газеты “Сибирская жизнь” Адрианов изложил свое понимание сущности шаманизма. “Шаманизм — это грубая языческая религия, — писал он, — некогда самая распространённая, а теперь вымирающая и сохранившаяся главным образом у сибирских инородцев. По воззрению шаманства, мир наполнен бесчисленным множеством духов, добрых и злых, — в воде, в лесах, на горах, в жилищах, всюду находятся эти духи и так или иначе постоянно проявляют своё влияние на человека и его судьбу... Он (шаман — М. Д.), во время экстаза, обладает способностью входить в общение с духами, узнавать, какой из них и почему послал болезнь и причинил какое-нибудь несчастье человеку и какой жертвы требует за то, чтоб переменить гнев на милость. Этого мало. Шаманы обладают такой силой, что могут подчинить своей власти духов и заставить их служить себе, могут вести с ними борьбу и устрашать их...” (189). Специально для вечера типографским способом была напечатана программа выступления А. В. Адрианова, носившая название “Шаманская мистерия (камлание)” (190). В его архиве, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета, помимо этой программы, имеется текст самого доклада, однако рукопись настолько обгорела во время пожара, постигшего дом, в котором жили потомки А. В. Адрианова и хранился семейный архив, что практически невозможна (191).

Выступление алтайского шамана вызвало у томской общественности столь живой интерес, что и доклад Адрианова, и камлание Мампья пришлось дважды повторить перед другой аудиторией. Сборы от этих выступлений шли в пользу сибирского кружка студентов Томского университета. В довершение Мампый был представлен томскому губернатору Н. Л. Гондатти, коим был принят, по сообщениям газет, “весьма радушно”, а также архиепископом Макарием, которым “был принят ласково”. Владыка послал жене Мампья в подарок цветные платки, детям яблоки, а самому каму вручил свою визитную карточку и портрет (192). Кроме того, для Мампья была составлена обширная культурная программа его пребывания в Томске. Он посетил цирк, кинематограф, типографию, его познакомили с телефоном и электрическим освещением, а также с другими достижениями науки и техники. Паровую машину и различные химические реакции ему продемонстрировали в Технологическом институте. Известные томские художницы Л. П. Базанова и А. С. Капустина приглашали Мампья в свои мастерские каждая на несколько сеансов и выполнили его портреты. Сообщая об этом, автор газетной заметки прогнозировал, что скоро по горам и долинам Алтая понесутся рас-

сказы о пребывании Мампья в Томске. События этого вечера нашли подробное отражение на страницах местной прессы. В том же 1909 г. сведения о “Сибирском вечере” в Томске, по материалам газетных статей, были опубликованы в “Этнографическом обозрении” (193). Газета “Сибирская жизнь” писала: “Этот вечер — единственный в своем роде, первый и желательно, чтобы не последний. Кроме несомненного образовательного и эстетического значения, вечер имеет ещё ту положительную сторону, что он явился прекрасной попыткой объединения представителей различных сибирских народностей, а среди интеллигентных русских сибиряков усилил интерес к самобытным чертам природы и жизни нашей великой окраины” (194).

Имя кама Мампья и в дальнейшем встречается в этнографической литературе. Так, в 1910-1912 гг. во время поездок на Алтай известный этнограф А. В. Анохин расспрашивал Мампья о случаях из его шаманской практики, интересовался его представлениями о посмертной судьбе его души. Анохин записал также три текста камланий Мампья (мистерии Эрлику, Алтаю-Чапты-хану и сыну Улгеня Каршиту) и опубликовал их тексты в работе “Материалы по шаманству у алтайцев” (195), недавно переизданной (196). В ноябре 1913 г. в Томске вновь был проведён подобный вечер с шаманским камланием. В вечере участвовали брат художника Г. И. Гуркина известный фотограф С. И. Гуркин и шаман Болчок Бобожоков (197).

В 1909 г. группа томских исследователей, в том числе известный ботаник П. Н. Крылов, геолог М. Э. Янишевский, физик А. Я. Капустин, а также консерватор Красноярского музея А. Я. Тугаринов, занимались составлением проекта экспедиции на Туруханский север в марте — августе 1911 г. А. В. Адрианов был приглашён в качестве этнографа-археолога. Он планировал сборы этнографических коллекций на месте бывшей Мангазеи и в других пунктах края. Однако эта поездка Адрианова не состоялась, и полевые исследования по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он проводил в высокогорной области юго-западного Алтая (198). (Его поездки по делам службы по Семипалатинской области в 1906 и 1910 гг. были связаны с предварительным ознакомлением с археологией края).

Художественным творчеством коренных сибирских народностей Адрианов начал интересоваться ещё во время своих первых экспедиций. В 1909 г. им были собраны для Русского музея имени императора Александра III большие коллекции произведений национального искусства — материалы по орнаменту минусинских и ачинских аборигенов Енисейской губернии. Ещё до отсылки коллекций в столичный музей он смог продемонстрировать их во время доклада на заседании Томского общества любии-

телей художеств, одной из задач которого было изучение художественного творчества коренного населения. Заинтересовавшись формой орнамента во время первых поездок в Минусинский и Ачинский уезды, Адрианов стал возить с собой острые ножницы, полагая, что достигнет лучших результатов, если местные мастерицы выкройки для него будут вырезать хорошим инструментом. Однако, по его признанию, он ошибся, так как женщины портили выкройки, пользуясь острыми ножницами, и отказывались от них, предпочитая грубые огромные. Такими полуаршинными ножницами, предназначенными для стрижки овец, они вырезали тонкие и изящные фигуры. За несколько поездок в Минусинский и Ачинский уезды Адрианов собрал у местного населения коллекцию, содержащую около 200 выкроек для вышивок. Их он напечатал на особом сорте бумаги (ферро-пруссиятной) и составил из них альбомы, которые ныне хранятся в Музее археологии и этнографии Томского университета.

В январе 1912 г. Адрианов выступил на Всероссийском съезде художников в Петербурге с докладом "Об орнаменте у сибирских инородцев" (199). Еще в июне 1909 г. было утверждено "Положение о съезде", где говорилось, что Всероссийский съезд художников всех отраслей графических и пластических искусств (живописцев, архитекторов, скульпторов и проч., преподавателей тех же искусств и любителей художеств) созывается с целью сближения и совместного обсуждения вопросов национального искусства, правового и материального положения художников. Съезд проходил в конференц-зале Императорской Академии художеств с 27 декабря 1911 г. по 5 января 1912 г. А. В. Адрианов выступил на заседании Первого отдела, носящего название "Вопросы эстетики и истории искусств". На семи заседаниях отдела было заслушано 20 докладов. Среди выступавших на этом отделе были такие прославленные художники и деятели культуры, как И. Е. Репин, Д. В. Айналов, В. В. Кандинский и др. В докладе "Об орнаменте у сибирских инородцев", который был иллюстрирован многочисленными образцами работ сибирских аборигенов, а также многими рисунками, Адрианов говорил: "...Я не беру на себя задачи определять художественное и научное значение собранных мною образцов инородческого орнамента, указывать его место в ряду орнаментов других народов, его самостоятельное или подчинённое значение, устанавливая его влияние. Главная моя цель обратить внимание лиц, более меня сведущих в этом вопросе, на необходимость изучения орнамента сибирских инородцев и вообще народностей, населяющих Сибирь; я уверен, что занявшись таким изучением найдут здесь много нового и богатого по содержанию материала" (200). Адрианов подчеркивал, что он собирал материалы по орнаменту только как этнограф, тогда как

"перед взором подготовленного художника здесь откроются новые сокровища, накопленные гением каждой народности на протяжении многих столетий" (201). "Редкий случай столь большого собрания компетентных лиц, — говорил Адрианов, — даёт мне повод поставить задачу — разработать художниками, совместно с этнографами и археологами, программу собирания материалов по орнаменту. Наличие её несомненно облегчит и ускорит разрешение задачи, заслуживающей самого серьёзного внимания" (202).

Доклад Адрианова был прослушан с большим интересом и вызвал оживлённый обмен мнениями. В кратком предисловии к публикации материалов заседаний, которое по сути дела является отчётом о работе отдела "Вопросы эстетики и истории искусств", доклад, прочитанный А. В. Адриановым, был выделен особо. В "Предисловии" говорится следующее: "Постепенное исчезновение орнамента у сибирских инородцев, ярко обрисованное А. В. Адриановым, вызвало у аудитории единодушную резолюцию о необходимости его изучения и собирания" (203). Резолюция была принята в редакции Б. П. Денике: "Признавая представленные А. В. Адриановым материалы по орнаменту сибирских инородцев важными, собрание Первого отдела Всероссийского съезда художников всецело присоединяется к мнению А. В. Адрианова, что для сохранения исчезающего орнамента сибирских инородцев необходимо безотлагательное его изучение этнографами, художниками и историками искусства, и выражает пожелание, чтобы была выработана подробная программа его собирания и изучения" (204).

Полевые археологические исследования А. В. Адрианов в этот период проводил в Западном Алтае. "Перейдя на службу из Восточной Сибири в Западную, — писал он, — именно из Енисейской губернии, с её замечательным в археологическом отношении Минусинским уездом, в Томскую губернию и Семипалатинскую область, я обратил внимание на памятники древности в этой последней. Мои поездки по Семипалатинской области в 1906 и 1910 гг. были связаны с предварительным ознакомлением с археологией этого края, с литературными данными, с характером памятников и т.п. В 1911 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии доставил мне возможность произвести исследование памятников Семипалатинской области" (205).

В 1911 г. в Западном Алтае в Майэмирской степи и под Солонечным белком А. В. Адрианов раскопал серию курганов и поминальных сооружений, содержавших ценнейшие материалы по начальной истории ранних кочевников. В высокогорной части юго-западного Алтая он сфотографировал и описал антропоморфные изваяния, так называемые каменные бабы. В

предварительном отчете он перечисляет исследованные памятники: *“Районом моих археологических изысканий был юго-восточный угол Семипалатинской области, в уездах Устькаменогорском и Зайсанском, вплоть до государственной границы, именно система р. Бухтармы и Нарыма, от Иртыша на западе до верхних течений обеих рек на востоке, район Марка-Куль с вытекающей из него р. Кальджиром и система р. Кара-Кабы в её верхнем течении. Таким образом с археологическими целями мною был осмотрен высокогорный район юго-западного Алтая”* (206).

Раскопки курганов произведены в пяти различных местах. Всего было исследовано 14 курганов. Кроме того раскопано по р. Майэмир, Солонечной и Бухтарме 8 кольцеобразных сооружений из 7-9 камней, три каменных насыпи и несколько фигурных выкладок из крупного булыжника. *“Сооружения последних трёх типов, принятые мною за надмогильные, оказались не могилами, а имели какое-то иное назначение, но какое именно, выяснить мне не удалось”* (207). На основании расспросов и указаний местных жителей им были осмотрены, описаны, зарисованы и сфотографированы 9 каменных баб из гранита и сланца в высокогорной части юго-западного Алтая, в Зайсанском уезде, в районе Марка-Куля.

Материал по писаницам оказался, выражаясь словами Адрианова, *“поразительно ничтожным. Можно сказать, - писал он, - что я бесполезно провозил с собой бумагу и принадлежности для эстампирования и значительный запас плёнок. Небольшие, исключительно из выбитых фигур животных (олений, тау-тепе или джимов, коров и пр.), писаницы я встретил в 3-4 местах - на северной стороне Нарымского хребта близ р. Нарыма, затем близ Кара-Кабы (в 2 в. от дер. Чанагаты) и на Кара-о-е. Выбивки сделаны поверхностно в виде эскизов и мало интересны по содержанию. По длине же Кольджира я совсем их не встретил, а из расспросов у киргизов узнал, что они должны встречаться кое-где вне долины этой реки, вообще мало где обитаемой, кроме низовьев”* (208).

Из опубликованных А. В. Адриановым работ этого периода следует упомянуть статьи: *“Айран в жизни минусинского инородца”* (209), *“Славный сибиряк И. А. Худяков”* (210), *“Северный морской путь и московские промышленники”* (211), *“Томская старина”* (212), *“Об искусстве в Томске”* (213). Он продолжал публиковать статьи и корреспонденции в газетах, часто под псевдонимом или же подписывался “А-ов”. В журнале *“Сибирские вопросы”*, издававшемся в Петербурге, он публиковал статьи в рубрике *“Сибирские негативы”*. Это были, главным образом, дорожные записи, которые он вёл во время разъездов по службе.

Репутация человека политически “неблагонадёжного”, трудного, на протяжении всей жизни А. В. Адрианова становилась препятствием для многих его начинаний. Один такой случай описывается в заметке, опубликованной в журнале *“Сибирские вопросы”*. В ней говорится о том, что музей археологии и этнографии при Томском университете располагает ценнейшими коллекциями. Это констатировал посетивший Томск хранитель этнографического отдела Русского музея (Музея императора Александра III) Б. Ф. Адлер. Среди университетской профессуры не оказалось специалиста, который смог бы заняться музеем, и музей являет собою заброшенное учреждение. Далее сообщается, что *“года два тому назад, по предложению тогдашнего ректора Сапожникова, совет Университета поручил заведование музеем А. В. Адрианову, известному знатоку этнографии Сибири. Но вмешался господин попечитель учебного округа тайный советник Лаврентьев, и ... Адрианов был отстранен от заведования музеем. Почему? Потому что Адрианов - не член Союза русского народа? Что он не подписчик “Сибирской правды”?* (газета черносотенцев - М. Д.). *Да ведь заведование музеем никакому отношению к политике не имеет, а что г. Адрианов - знаток дела и любит его - это несомненно. Зачем же устранён А. В. Адрианов?”* (214).

В начале мая 1913 г. по случаю тридцатилетней годовщины раскопок на Тагарском острове отмечалось 30-летие научной деятельности Адрианова. Его чествовало Географическое общество. Московское археологическое общество избрало его в действительные члены, выслало диплом, а затем и труды Общества.

Вскоре за поддержку на страницах газеты *“Сибирская жизнь”* стачечного движения Адрианов был арестован, заключён в тюрьму. Газета приводила описание этого события на своих страницах: *“22 мая в 5 часов утра в квартире ближайшего сотрудника “Сибирской жизни” А. В. Адрианова жандармскими чинами был произведен обыск. Через несколько часов после этого А. В. Адрианов был арестован”* (215). Обыск был произведён также и в редакции газеты. *“Особое внимание жандармские ротмистры обратили на стол ближайшего сотрудника “Сибирской жизни” заведующего сибирским отделом гласного Томской городской думы, статского советника А. В. Адрианова. Здесь была произведена выемка бумаг (рукописей и вырезок из сибирских газет), относящихся к забастовке служащих фирмы Второва”* (216). Позднее Адрианов был выпущен из тюрьмы до суда. В конце августа он был выслан из Томска на три года на север, в Нарым. Несмотря на угрозу томского губернатора *“загнать за Максимкин Яр”* в случае, если Адрианов будет писать в газету, из Нарыма в *“Сибирскую жизнь”* шли корреспонденции, анонимные или же под псевдонимом Нарымский, о содержании кото-

рых можно судить по заголовку хотя бы одной из них — *“Забывтый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку)”* (217).

По ходатайству члена Государственной Думы сибирского депутата Н. В. Некрасова нарымская ссылка Адрианову была заменена на минусинскую. Но и там за Адриановым был установлен гласный надзор полиции, ему было запрещено выезжать за пределы города, ежедневно его “навещал” полицейский. Но всё же могучий дух Адрианова не был сломлен, он был полон планов и охвачен жаждой деятельности. Знаменитый Мартьяновский музей в Минусинске ещё с начала 1880-х гг. стал для Адрианова базой его научных экспедиций, и он надеялся в период ссылки заняться археологическими исследованиями. К моменту прибытия его в Минусинск там велась подготовка к изданию газеты “Минусинский край”, и он сразу же включился в любимую работу.

Свою жизнь в Минусинске в письме к родным он характеризует как простую и однообразную. *“Сижу за письменным столом, обложенный буквально горами печатных газет, и пишу, и строчу, а то провожу целые часы в типографии; третьего дня, например, пришел в пятом часу утра - так как с выпуском номера опоздал. Я сам хожу в люди только для делового разговора, по 5-10 минут, а ко мне и вовсе никто почти не заглядывает”* (218).

Вскоре Александр Васильевич получил письмо из Тюмени от своей младшей сестры Евгении, в котором она сообщала, что решила вступить за брата, воспользовавшись тем, что её старинный знакомый преуспел при царском дворе. На просьбу Евгении помочь брату тот ответил, что если брат её украл или проиграл, то пусть мучается в ссылке, если же был осуждён по другой причине, то пусть подаёт прошение о помиловании на Высочайшее имя, то есть на имя царя Николая II. *“Написал я сестре, - сообщал Адрианов в письме к Г. Н. Потанину, - чтоб не беспокоилась, что мне совсем хорошо и без помилования”* (219). Возможность обрести свободу была тем более реальной, что “старым знакомым” его сестры был не кто иной как фаворит императрицы “сибирский старец” Григорий Распутин. Отказ же Адрианова от ходатайства был для него не импульсивным, а вполне осознанным решением. *“Вот объяви мне сейчас, - писал он Потанину, - что я свободен и могу уехать, куда хочу, всё равно не поеду раньше года, пока газета не встанет на ноги, пока я не сделаю намеченных исследований”* (220).

Ещё до отъезда из Красноярска в Минусинск Адрианов обратился в Петербург к академику В. В. Радлову с прошением о выделении средств Русским комитетом для полевых исследований в 1914 г. Он планировал заниматься поиском и копированием петроглифов в Туве и заранее написал родным, чтобы они приготовили всё необходимое: бумагу, щётки, палатку, разные принад-

лежности и прочее. Имея основания сомневаться в обязательности и исполнительности членов своей семьи и опасаясь, что они просто отмахнутся от его поручения, А. В. Адрианов добавляет: *“Поэтому без всяких “некогда”. Вы мне немедленно тогда всё пошлёте в Минусинск, иначе Вы поставите меня в прескверное положение”* (221).

Наряду с изнурительным издательским трудом, Адрианов занимается обработкой коллекций, упорно продолжает добиваться разрешения проводить исследования наскальных изображений и других древностей Урянхайского края. Адрианову казалось, что он брошен на произвол судьбы, что со стороны представителей столичных учёных обществ и учреждений делается недостаточно, чтобы помочь ему получить разрешение на экспедиционные работы. Об этом он написал в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, возглавлявшийся академиком В. В. Радловым. На это письмо с упреком в недостаточно энергичной поддержке Русского комитета Л. Я. Штернберг дал Адрианову решительную отповедь, обрисовав ситуацию. *“Это совершенно несправедливо, - писал он, - потому что Василий Васильевич (академик В. В. Радлов - М. Д.) в качестве председателя Комитета лично ездил к министру внутренних дел, который дал ему успокоительный ответ, и мы были уверены в благополучном разрешении вопроса. Между тем, спустя две недели после посещения, получилась бумага от директора Департамента полиции, по которой оказалось, что Министерство не находит возможным разрешить. Тем не менее Василий Васильевич решил всё-таки съездить к директору Департамента и лично попытаться воздействовать на него. К сожалению, Василий Васильевич заболел и до сих пор выезжать никуда не может и потому этого исполнить не мог... Вы хотите знать мотивы отказа, но, к сожалению, этих мотивов нам никто не сообщал”* (222).

В письме к родным Адрианов информирует о положении своих дел: *“Спешу сообщить вам две невесёлые новости: 22-го получил из Академии наук от Л. Я. Штернберга телеграмму такого содержания: “Получился отказ, но сделаем ещё попытку. Пока отложите приготовления”. Значит меня не хотят пускать для намеченных летом исследований. А я не потерял на это надежды и сейчас же буду писать в Комитет и Н. В. Некрасову, чтобы они хлопотали о разрешении обследовать писаницы по Енисею во второй половине лета, если уж нельзя пустить меня в Урянхайский край как принадлежащий чужому государству. Я буду убеждать, что многолетнюю работу надо же мне кончать и что моё пребывание здесь - хороший к тому случай. Вторая новость моя такая. Вчера вызывают меня повесткой в Полицейское управление и объявляют бумагу гу-*

бернатора такого содержания: *“По телеграмме за министра внутренних дел товарища министра Джункова от 16/IV за № 252 предписано состоящего под гласным надзором полиции статского советника Адрианова переводить на жительство в с. Ермаковское, с установлением над ним надлежащего гласного надзора”* (223).

Эта новая ссылка в дальнее глухое село Ермаковское стала для Александра Васильевича крушением всех надежд на публицистическую и научную деятельность. Он был удручён, раздавлен, смят, замкнулся в себе, забыл о пище, перестал отвечать на письма. *“Мне даже трудно перо в руках держать, - писал он. - Неужели наступает умственная смерть?... Беспокоит иногда сознание, что ты никчёмный и лишний человек, никому не нужный”* (224).

Сам Александр Васильевич находился в стеснённом материальном положении, а из дома шли письма с требованием денег, родные писали, что *“чувствуют себя обречёнными, обиженными и скорбят”*, что он не думает о благополучии семьи. *“Должно быть, лежит на нас заклятье какое-то”* — писала одна из дочерей. Опять непонимание родных, одиночество и безысходность... А может быть, действительно заклятье?... И среди мрачных мыслей, роившихся в голове, настойчиво свербила самая горькая дума — обида на судьбу, о которой и хотел бы забыть, да не мог: зеркало постоянно напоминало ему о его уродстве, отражая деформированное, обезображенное лицо, дававшее повод его идейным противникам именовать его в пылу полемики *“человеком без профиля”*. Согласно современной журналистской легенде, лицо Адрианову покалечил в тайге медведь-шатун. К сожалению, причина была не столь романтична. Следы на лице оставлены болезнью, а не когтями зверя.

В Ермаковском в период глубочайшей депрессии Адрианов пишет рассказ о том, что послужило началом его личной трагедии, о том, как он, нарушив вековой обычай древней земли, навлек на свою голову заклятье *“пропастины”*. Рассказ назывался *“Из воспоминаний о сойотах”* и был подписан псевдонимом Александр Сибирский (225). Адрианов и прежде использовал *“топографические”* псевдонимы. К примеру, его корреспонденции из Томска в столичный журнал шли за подписью Томский, в Иркутск в газету *“Восточное обозрение”* — Томич, из Нарыма в Томск — Нарымский.

Рассказ ведётся от первого лица. В нём повествуется о том, как автор в сопровождении проводника ехал верхом долиной реки Хемчик, притока Верхнего Енисея, то есть тем же маршрутом, которым в 1881 г. продвигался Адрианов во время его первой самостоятельной экспедиции *“за Саянами”*. По дороге к ним присоединился, *“чтобы было веселее ехать”* казанский татарин Миша. В степи путникам повстречалась странная процессия: на волокуше из двух жердей, в кото-

рые была впряжена лошадь, лежала мёртвая девушка, впереди ехали два всадника. На лице покойницы зиял глубокий провал, облепленный мухами. Александр, обращаясь к Мише, заметил: *“А ведь это сифилис! Смотри, как мухи облепили рану, потом сядут на тебя и заразят”*. Миша был смертельно перепуган, Александр же решил, воспользовавшись случаем, наблюдать похоронный обряд. Бравируя своим пренебрежением к опасности, он подтрунивал над Мишей, *“не отказывая себе в удовольствии посмеяться над его страхом, говоря: смотри, ветром надует на тебя болезнь”*. В условном месте труп девушки был снят с волокуши и положен, в соответствии с обычаем, на землю в позе спящего человека на съедение хищным птицам и зверям. Александр вспоминал, как вечером того же дня он со спутниками отправился в юрту брата умершей, где проходили поминки. *“Долго мы сидели за чаем, попутно распивая молочное вино. Вдруг в юрту вбежала собака, держа что-то в зубах. Забилась в угол и принялась грызть. Хозяин встал посмотреть, что она гложет. Каково же было моё изумление, когда это оказалась человеческая рука. Хозяин отобрал у собаки добычу, подошёл к костру и признал в ней руку своей сестры. Он уселся у костра и начал причитать, вспоминая, что эта рука при жизни делала, а потом - потом я окончательно перестал верить своим глазам, — возвратил эту руку собаке обратно, только выгнал её из юрты”*. После поминок Александр и его спутники отправились дальше. В степи после захода солнца, чтобы развеять охватившее его жуткое тягостное настроение, Александр предложил проводнику спеть, но тот, произнес с ухмылкой:

— Солнышко село, нельзя. Пропастина погонится.

— Какая пропастина?

— А девка-то.

Тогда Александр обратился с тем же предложением к другому попутчику, и тот согласился. Проводник дико оглянулся на поющих, вернее, на кричащих во всё горло, и в ужасе, пришпорив коня, рванулся вперёд, а те двое, нарушив вечерний покой природы, *“с гиканьем, свистом и криком ударились за ним, неслись по степи, как ведьмы на шабаш в Вальпургиеву ночь”*. Этими словами кончается рассказ, но остается ощущение нависшей угрозы и предчувствие роковой расплаты за то, что с легкомыслием и беспечностью молодости Александр пренебрёг традициями народа, с незапамятных времен обитавшего в центре Азии, за то, что позволил себе насмеяться над тем, над чем смеяться нельзя - над самой Смертью.

Теперь трудно со всей определённою судить, действительно ли болезнь эта дурная была подхвачена Адриановым в те времена, когда он, молодой, полный планов и надежд, путешествовал по территории современной Тувы, или же

ему только хотелось, чтобы читатель понял его именно так. Во всяком случае в экспедиционных условиях никто не гарантирован от угрозы заполучить болезнь в бытовом варианте даже при самом невинном общении с носителями заразы.

Адрианову не повезло, и он заболел; вероятно поэтому, сам он, заядлый фотограф, не любил фотографироваться. Его переписку, в которой он касается этой темы, читаешь с содроганием. В 1884 г. он писал: *"...Болезнь моя до последнего времени всё развивалась и уродовала меня и причиняла просто невыносимые нравственные страдания... Не знаю, что будет. Лечиться надоело; третий месяц сижу в комнате, не выходя"* (226). В 1900 г. по настоянию врачей Адрианов решился на пластическую операцию. Он рассчитывал, что это займет пару недель, не подозревая, что операция будет производиться в несколько приёмов и затянется на полгода. Операция заключалась в том, что лоскуты его кожи, взятые со лба, щёк и рук, пересаживались на нос, однако операция не удалась. У семьи поступок Александра Васильевича понимания не нашёл. Анна Ефимовна, его жена, заподозрила, что его желание, выражаясь её словами, имеет *"приличный вид наружности"* вызвано далёко идущими планами супруга в отношении перспектив его личной жизни. Вместе со старшим сыном и дочерью она бросила ему обвинение в подобном намерении. Адрианов отвечал: *"...Принесли письмо от вас. Прочитал и почувствовал, как на мою голову спускается тяжёлый удар дубины, от которого меня ошеломило... Если бы тебе удалось, Анюта, заглянуть в моё сердце, ты увидела бы, что оно питается искренней тёплой любовью к каждому из вас в отдельности и ко всем вместе... Больно, когда заодно со старыми врагами и ты шлешь такой упрек, какой только они способны были сделать"* (227). В письмах члены семьи по материальным соображениям настаивали на переезде в Польшу. Адрианов писал из больницы: *"Из Сибири бежать не могу... На свою службу я смотрю как на неизбежное зло, как на необходимость добывать средства для семьи (имеется в виду служба в акцизном управлении. — М. Д.). И я думаю, что вы сами не пожелаете, чтоб я душу принес в жертву Мамоне. Мне как сибиряку, притом же работавшему постоянно для её умственного и духовного развития, остаётся, очевидно, продолжать эту работу здесь же..."* (228).

Постепенно он начал втягиваться и в научную работу, о чем также сообщал в письме к родным. *"Кажется, я Вам писал, что свою археологическую работу я кончил и вместе с коллекциями послал казённой посылкою в Петроград — сегодня она должна там получиться. Принялся за другую работу — о Клеменце, но она остановилась и вот уже около 2 недель лежит без движения"* (229). Ещё в то время, когда А. В. Адрианов находился в Минусинске, Комитет Минусинского музея в связи с кончиной Д. А.

Клеменца на заседании от 9 января 1914 г. принял решение: *"Пользуясь пребыванием в Минусинске А. В. Адрианова, близко и хорошо знавшего Д. А. Клеменца, просить его прочесть биографию о почившем Клеменце на публичном заседании Комитета музея 19-го января в 12 часов дня в помещении Депо-театра"* (230). Несмотря на специальное ходатайство Комитета музея перед властями, разрешение не было получено. Статья *"Памяти супругов Клеменц"* была опубликована позже и имела следующее примечание редактора: *"Настоящая статья представляет из себя в несколько дополненном виде доклад, который А. В. Адрианов предполагал прочесть в январе месяце 1914 г. на публичном заседании Комитета Минусинского музея, и который по полицейским причинам не был допущен к прочтению"* (231).

В апреле 1914 г. был объявлен протекторат России над Тувой, которая под наименованием Урянхайский край была административно подчинена управлению енисейского губернатора. С этого времени усиливается переселенческое движение, активизируются работы по изучению естественных ресурсов края. Момент для организации экспедиции за Саяны был как будто благоприятный и всё же, несмотря на хлопоты и ходатайства ряда влиятельных лиц и прежде всего академика В. В. Радлова, Адрианов в поездке в Туву в 1914 г. было отказано. В письме семье из села Ермаковского А. В. Адрианов писал: *"Ведь, действительно, Бог наказал наших министров тем, что отнял у них разум. Ну можно ли мстить человеку за то, что он желает заниматься наукой, да ещё такой, как археология"* (232). После настойчивых хлопот академика В. В. Радлова Адрианову разрешено было отбывать срок ссылки в Туве. Адрианов обратился в различные научные учреждения с запросами, не дадут ли они ему какие-либо поручения, с тем чтобы получить дополнительные средства и оборудование. *"Ведь вот какая наша наука бедная — предлагаешь сам свои услуги, предлагаешь даром, только дайте снаряжение, так и то от тебя отмахиваются, досадуют, что надоел"* (233). В следующем письме он сообщил: *"Мне очень хочется зазимовать в Урянхайском крае и даже прихватить будущее лето, а между тем в моем распоряжении сейчас столько средств, что их хватит на производство раскопки курганов всего в течение пяти недель... Из двух учреждений, к коим я обращался, к Музею Александра III и Географическому обществу, у которого просил только инструменты для метеорологических наблюдений, я уже получил отказ — у Музея не оказалось денег, а у Географического общества инструментов"* (234).

О предстоящей поездке в Туву Адрианов сообщил Иннокентию Георгиевичу Сафьянову, сыну Г. П. Сафьянова, скончавшегося в январе 1913 г., того самого, на заимке которого останав-

ливались в 1879 г. участники экспедиции Г. Н. Потанина, а через год Адрианов вновь пользовался в Туве гостеприимством этого хлебосольного купца, скототорговца и золотопромышленника. И. Г. Сафьянов, по словам Адрианова, был *“страстным сойотским патриотом”*. Он дружелюбно относился к Александру Васильевичу и называл его своим учителем. Известие о поездке Адрианова Сафьянов воспринял с радостью и предложил вместе ехать, как он выразился, *“в нашу милую Сойотию”* (235). Адрианов же, по его словам, был счастлив *“возможностью отдаться в высшей степени интересным исследованиям”*. В письме к Адрианову Сафьянов сделал приписку: *“Инструменты, рабочих и всё нужное для работы найдете на Тапсе”* (236). Получив в селе Ермаковском извещение о разрешении на переезд в Урянхайский край, Адрианов, сгорая нетерпением, даже не дождавшись разрешения на выезд из Ермаковского, вечером 9 июня 1915 г. отправился в Минусинск, где был уже в три часа утра, и остановился в доме Сафьяновых.

В Туву на экономию Сафьяновых Адрианов прибыл 25 июня 1915 г., здесь он пробыл пятнадцать месяцев. Экономия Сафьяновых находилась в устье левого притока Бий-Хема р. Тапсы, а километрах в 60 вверх по Тапсе находился золотосодержащий прииск Сафьяновых, к тому времени перешедший к их компаньону Железнову. Экономия Сафьяновых стала для Адрианова прибежищем в периоды между его скитаниями по Туве. Здесь Адрианов нашел *“мирный уголок”*, радушие и внимание. Природа Тувы также способствовала душевному равновесию: *“перед моими окнами стоят красиво опушённые тополя и лиственницы по берегам Тапсы”* (237).

В общей сложности Адрианов пробыл в Туве пятнадцать месяцев. Он имел возможность наблюдать в окрестностях поместья Сафьянова на Тапсе празднование тувинцами Нового года — Шага. В 1916 г. этот праздник пришелся на 22 января. Адрианова отличала профессиональная наблюдательность и острая память, обычно он очень точно описывал события, свидетелем которых был, поэтому его заметки представляют значительный интерес, несмотря на то, что он в основном описывал внешнюю сторону обрядов, не вникая достаточно глубоко в их скрытый смысл.

“Шага, — писал Адрианов, — единственный в году праздник у сойот. Праздник обновления и очищения человека от всех греховных дел и помыслов; праздник радостный и светлый, когда человеческое сердце расцветает и наполняется взаимной дружбой и благоволением; когда человек освобождается от всякой работы и весь уходит в ласковые речи, в радушиное гостеприимство и угощение всем, что только есть у него лучшего и что иному приходится отдавать только в этот раз в течение года. В юрте, где есть лама, он проводит всю ночь на Но-

вый год в чтении номов и в молитве” (238). Адрианов описывал, как ранним утром в день праздника вместе с переводчиком, одним из служащих экономии Сафьяновых, он отправился наблюдать празднование в соседние юрты. Во время беседы в юрте после моления Адрианов обратил внимание на то, что *“находившиеся по соседству с бурханом символы божеств шаманского культа были, так сказать, привлечены к участию в празднестве”* (239). У Тараджи в юрте куклы с пучками ленточек были вынуты из черных колоколообразных мешочков, в которых они хранились, и прикреплены возле полочки с бурханами. Как удалось Адрианову выяснить из расспросов, моление, совершавшееся в головном уборе, было обращено к ныне живущим боготворимым *“большим людям — защитникам народа”*, среди которых первое место принадлежит Богда-ламе, живущему в Кобдо. Валяние в снегу символизировало очищение от всякой скверны, от всего греховного: *“так хотелось обновления и освежения своей жизни”* (240). Праздник устраивается по лунному календарю зимним утром, *“когда молодой месяц ещё не показался, ещё никем не видим, а уже должен родиться”* (241). У тувинцев Шага празднуется два дня, а у монголов затягивается на больший срок. В этот день все ходят друг к другу в гости и в каждой юрте гость должен отвеждать еды — *“отказаться нельзя, как нельзя в этот день ни сердиться на кого-либо, ни ссориться и вздорить”* (242).

Петроглифы Адрианов обследовал в четырех пунктах, находящихся на утёсах правого берега Улуг-Хема на протяжении около 15 км между речками Баянкольчиком и Эрбеком. На этих местонахождениях было учтено более 300 фигур, преимущественно изображений горных козлов и оленей, а также верблюдов и лошадей, людей верхом на лошадях, в сёдлах, вооружённых луком. Встречены одиночные изображения медведя и кабана, очевидно он упоминает те, которые были открыты им в 1881 г., и о которых он слышал от местных жителей ещё в 1879 г. Петроглифы, согласно его описанию, расположены группами, иногда входят в композиции, представляющие сцены из пастушеской жизни, имеются одиночные фигуры. С этих писаниц были сделаны эстампажи, фотографии, рисунки карандашом. Отдельные выбитые фигуры животных, по его свидетельству, встречаются и выше, и ниже устья реки Сестерлиг по Бий-Хему и на береговых утёсах близ Сулугбомской степи.

В архиве А. В. Адрианова сохранилась копия рукописи *“Писаницы в Урянхае”* (243), снятая его сыном Александром Александровичем, которая представляет собою перечень наименований местонахождений петроглифов с пометками о том, были ли они известны ранее. Всего учтено 29 памятников, однако в этом списке наскальные изображения не отделяются от памятников древнетюркской письменности. В

Музее антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге в каталоге эстампажей петроглифов, выполненных А. В. Адриановым в Туве, числятся 49 номеров (244), однако установить место хранения этих копий в Музее и познакомиться с ними мне не удалось.

В августе 1915 г. А. В. Адрианов заболел малярией, приехал на Тапсу на заимку Сафьянова окончательно больным и не смог продолжать работу, отложив её до осени. *“Не спорилась как-то работа, - писал он домой, - туго складывались поездки из-за неимения сколько-нибудь путного рабочего. Авось теперь да повезёт, осенью наладится мое дело с рабочими. А хорошо бы, тогда бы я со спокойной совестью зимовал, зная, что кое-что сделал... Эстампажную бумагу мы почти всю израсходовали, - продолжал он, - осталось её очень немного, берегу на работы осенние и, наверно, всю изведу, а потому к зиме надо отправить весь запас бумаги, имеющийся у меня, транспортом в Минусинск, в адрес Ин. Г. Сафьянова для отправки мне сюда зимним путём”* (245).

О результатах работ летом 1915 г. Адрианов писал Г. Н. Потанину: *“Что Вам сказать о моих занятиях археологией. Я их уже закончил для нынешнего сезона. Итоги не блестящие, но я ими удовлетворён. Вкратце вот они. Во-первых, я обследовал наскальные писаницы по Угухему между Баинколом и Ирбеком - они довольно близки к минусинским. Затем я обследовал шесть отдельно стоявших камней с руническими надписями (из них 4 у курганов, которых три раскопал); на одном из этих камней до 500 знаков... Во-вторых, я раскопал 22 кургана, исключительно каменных; только в двух из них я встретил погребение и имею два круглоголовых черепа с необычайно выпяченной нижней челюстью; в 6-7 курганах никаких следов погребения, почему эти сооружения могли иметь какое-то обрядовое значение, и в остальных трупоположение с измельчением костей и рассеянием их по значительной площади. Во всех курганах встречены железные предметы, а затем медные наличники с орнаментом, весьма близко подходящим к минусинскому, стеклянные бусы и проч.; в одном кургане нашел два слитка серебра, серебряный гвоздик и посеребрённую пластинку наличника. В-третьих, по Элегесту (верст 30 выше устья) случайно наткнулся на остатки древнего китайского городка и при пробной раскопке нашел часть кирпичной стены, кирпичный пол, застилавший большую площадь, и массу битой и целой черепицы и кусков лепных украшений с разнообразным орнаментом; тут же нашёл немного штукатуры, расписанной по шлифованной поверхности красками и сусальным золотом, нашёл два небольших черепочка от тонкой фарфоровой чашки. Работу остановил на этом, чтоб только сообщить Русскому комитету, не пожелает ли он организовать*

здесь раскопку. Вероятно, остатки этого же городка находятся и ещё в двух местах здесь, но по другому (левому) берегу Элегеста. С моими средствами такой раскопки организовать нельзя. Ермолаев говорил мне, что он тоже нашёл где-то местах в двух остатки городков, но где нашёл - не говорит. Вообще с возведением Белоцарска, здесь начинают разводиться и белоцарские ученые и археологи; таких мы уже имели в лице Габаева и Минцлова, теперь появился третий - г. Ермолаев” (246).

Адрианов, как и прежде, не оставался равнодушным по отношению к фактам варварского расхищения древностей. В данном случае острей его пера было направлено против чиновников - представителей царской администрации в Урянхайском крае. В статье, опубликованной в 1916 г. на страницах томской газеты “Сибирская жизнь”, красноречиво озаглавленной “Учёное хулиганство”, мы читаем: *“Какой несообразностью звучат в этом сочетании выписанные в заголовке два слова. Наука и хулиганство - какая может быть между ними связь, отношение, когда они по существу исключают одна другое... Но что сказать о человеке, который именем науки производит точно такое же разграбление памятников древности только потому, что они находятся на территории чужого государства, к которому наши законы не применимы и где поэтому такой грабёж остаётся безнаказанным? Как назвать поведение такого человека, как не учёным хулиганством? История этого учёного хулиганства такова. Летом 1914 г. в Урянхайский край приезжал чиновник Главного управления земледелия и землеустройства С. Р. Минцлов, командированный сюда для ревизии заведующего устройством русского населения в Урянхае В. К. Габаева. Надо заметить, что среди российских чиновников всевозможных ведомств очень распространена слабость к археологии...”* (247). *Габаев поощрял прибывавших в Туву русских переселенцев производить самовольные раскопки курганов и доставлять ему за плату добытые в них древности якобы для будущего местного музея. Однако всю полученную таким образом коллекцию Габаев “в знак искренней признательности, презентовал г. ревизору”. А затем, разъезжая по русским поселкам в крае, Минцлов, при содействии Габаева, устраивал раскопки курганов. Куда делась коллекция, собранная Минцловым, приходится только гадать, во всяком случае для науки она потеряна”* (248).

Осенью, вернувшись на Тапсу, Адрианов сразу же принялся за обработку экспедиционных материалов. Сафьянов привез из Минусинска заказанные Адриановым картоны для нашивания на них древностей, как это принято было делать в Минусинском музее, и он на дру-

гой же день начал эту работу и дней пять с утра до ночи просидел за ней, пока не кончил, так как ему хотелось увидеть результаты. В первых числах декабря он планировал выехать на Уюк, а затем долиной Улуг-Хема на Хемчик. *“Цель этих разъездов, - писал он, - наружное и по распросам ознакомление с памятниками древности края и как с таковыми, и для того, чтобы ориентировать мои работы будущим летом (хотя денег на это ниоткуда не имею), а кроме того статистико-экономическое обследование русского населения в Урянхае. С сожалением должен сказать ему (Потанину - М. Д.), что ни для изучения языка сойот, ни для занятий этнографией и фольклором решительно не имею досуга... Я готов хоть несколько лет подряд ездить сюда для этих занятий, если б кто дал мне для этого средства”* (249). По независящим от него обстоятельствам Адрианов вынужден был задержаться на Тапсе до 26 января 1916 г., о чем весьма сожалел, поскольку пришлось сократить намеченную программу. В то же время он имел возможность наблюдать в окрестностях экономии Сафьянова на Тапсе празднование тувинцами Нового года - Шага.

С Тапсы в конце января Адрианов отправился в долину Уюка, затем через горный хребет перевалил в систему Улуг-Хема, прошёл по долинам рек Шагонара и Торгалыка. В долине р. Уюк Адрианов осмотрел курган Аржан и описал его. Кроме того, в его полевых записях имеются сведения о почитании местным населением этого древнего сооружения. *“Ежегодно, в конце июня сюда съезжается до 200 человек сойот и совершают моление, и потому, например, здесь два ова больших. Весь юго-восточный и юго-западный бок по краю кургана обставлен столбиками из плиток; на юго-западном боку стоит высокий шест с навязанными ленточками белого чингая, при входе к роднику, между прутьями на бечёвке навязаны ленточки. Вся половина кургана с юго-восточного и юго-западного боков обставлена коновязями в виде шестов и высоких с заостренными верхушками столбиков, покрашенными в синюю краску. С этой же стороны бывает и пиршество, остатки которого в виде костей баранов, в виде дров, огнища, щеп и теперь видны”* (250). Описание кургана, сделанное Адриановым, представляет особый интерес, поскольку в дальнейшем, к моменту раскопок, каменная насыпь была в значительной степени разобрана местным населением на хозяйственные нужды, аржан иссяк, а курган пересекала шоссе́нная дорога.

Свою поездку Адрианов описывал в письме к семье: *“Веду я бивуачную жизнь, среди людской суеты, в постоянной перемене мест, с постоянно новыми людьми. Жизнь проходит передо мной как в калейдоскопе, очень часто меняясь... Вот уже третий месяц я в пути и ещё пройдет с лишком месяц, пока я вернусь на Тапсу. Но и вернувшись, я должен буду сейчас*

же собираться в новый путь уже для занятия раскопками... То ли способности притупились, ослабели органы восприятия, а только я хорошо сознаю, что многое интересное уплывает мимо меня, потому что я не умею, не могу его взять. А между тем этого интересного кругом очень много. Вот если б Григорий Николаевич был на моем месте, сколько бы он тут начерпал всякой всячины!” (251)

Здесь Адрианов упоминает имя Г. Н. Потанина не случайно: 80-летний наставник поручил своему младшему другу и ученику обследовать посёлки с русским населением *“за Саянами”*. В письме Потанина Адрианову говорилось: *“Русские посёлки, которые увидите собственными глазами, подробно описывайте... По рассказам составьте список всех русских посёлков, усадеб и факторий в Урянхае. Пристав Урянхайского края должен быть человек гуманный и одушевлённый благородной миссией просветителя. Он должен задачей своей поставить сосредоточить в себе энциклопедическое знание Сойотской земли и её населения”* (252).

На практике же дело обстояло иначе. Пристава Урянхайского края Адрианов характеризовал как держиморду и насильника, *“но ведь самодержавие так ценит и бережёт своих верных слуг, что об этом ничего нельзя сказать публично. Увижусь с В. Ю. Григорьевым (Григорьев - комиссар по делам Урянхайского края - М. Д.), познакомлю непременно с Вашими требованиями к урянхайскому приставу... Русские посёлки по Кахему и в других местах я постараюсь объехать и описать, расспросив жителей про историю заселения, причины, их занятия, достаток и т.п.”* (253).

О том, как поставлено дело по статистико-экономическому обследованию русского населения в крае царскими чиновниками, Адрианов писал следующее: *“Зная, как и кем собран материал и кто его будет обрабатывать, я понял, что это будет новая, горшая прежних, переселенческая галиматъя”* (254).

В Туве Адрианову во время раскопок помог приехавший летом из Томска по рекомендации Г. Н. Потанина Георгий Маркелович Токмашев. В середине сентября Адрианов погрузил на плот четыре каменных плиты с *“руническими”* надписями и в сопровождении Георгия Маркеловича отправил их в Минусинск. Токмашев спешил, ибо *“подал прошение об определении его учителем в подвижную инородческую школу где-то на Кондоме”* (255). Другим помощником Адрианова в Туве был Борис, сын И. Г. Сафьянова. Следующим летом Адрианов писал семье: *“Отсутствие рабочих очень меня угнетает. Недели три назад я начал копать с Борей Сафьяновым курганы поблизости от Тапсы”* (256). Адрианов, которому в то время уже перевалило за седьмой десяток, и четырнадцатилетний подросток вдвоём в безлюдной местности

раскапывали древние курганы. И кто мог предвидеть в те июньские дни 1916 г., что через три с небольшим года в огне братоубийственной гражданской воды от руки белых погибнет только что вступающий в жизнь юноша, сын влиятельного землевладельца и торговца, а старик, знавший при царизме ссылку и тюрьму, — от рук красных.

В Туве А. В. Адрианов провёл большую разноплановую работу. Им были написаны статьи и очерки, в том числе “К биографии Г. Н. Потанина” по случаю 80-летия со дня его рождения, “Литературные труды Д. А. Клеменца”. Его археологические исследования заложили фундамент для обобщающих работ последующих специалистов, изучающих древности края. Он раскопал около 60-ти погребальных и поминальных сооружений, открыл и скопировал серию древних надписей и наскальных изображений — петроглифов, нашел каменные изваяния. На правом берегу р. Элегест он обнаружил остатки древнемонгольского городища — “древнего китайского городка”, как он назвал его, и отметил местонахождение ещё двух таких городков на противоположном, левом, берегу р. Элегест. Он впервые привёл описание ныне всемирно известного кургана Аржан. К сожалению, результаты своих исследований он опубликовать не успел. Большая часть предметов из его раскопок этих лет, также как и дневники с полевыми записями и описи негативов, хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета. Сами негативы то ли утрачены, то ли ещё не обнаружены. По заданию Потанина он обследовал русское население края.

О своём отъезде из Тувы Адрианов рассказал в серии очерков под общим названием “Из Урянхайского края в Томск”, опубликованных в конце 1916 г. на страницах газеты “Сибирская жизнь”. Закончив свои работы по раскопке курганов, он 10 сентября вернулся на Тапсу с тем, чтоб на плоту спуститься по Енисею до Минусинска, а оттуда на пароходе до Красноярска, пока ещё не прекратилась навигация.

“Уезжая из Урянхая, я унесу с собой горькое сознание, что я здесь так мало сделал за целый год жизни, особенно мне стыдно перед Григорием Николаевичем (Г. Н. Потанин. - М. Д.), я не исполнил ни одной его просьбы. Для этого мне необходимо было иметь своего переводчика, но на это у меня не было средств...” (257). Здесь, как всегда, А. В. Адрианов оказался излишне требовательным к себе. Приходится только удивляться, как в преклонном возрасте в столь тяжёлых условиях и за такой короткий срок ему удалось сделать столь много.

По возвращении в конце 1916 г. в Томск из ссылки Адрианов приступил к редактированию газеты “Сибирская жизнь”. Свою политическую позицию он формулировал на страницах этой газеты: “Со студенческой скамьи и во всей моей последующей деятельности — начиная с изда-

ния “Сибирской газеты” в 80-х гг. и кончая участием в стачечном комитете в Иркутске в 1905 г. и т.д., я всегда оставался в рядах народников, все мои симпатии лежали на стороне партии с.-р., все мои литературные знакомства и соответственная работа происходила в сотрудничестве преимущественно с людьми этой и др. социалистических партий. Я заплатил за свои симпатии изгнанием меня с государственной службы, тюрьмой и трёхлетней ссылкой в последние годы” (258). Адрианов состоял членом трудовой народно-социалистической партии. Февральскую революцию он приветствовал восторженно, однако вскоре пришло разочарование. Уже в начале лета мы читаем на страницах газеты “Сибирская жизнь”: “Мы, действительно, живём под знаком всяческих “свобод” — свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передёргивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и прищиплив красный бантик, свободы бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается” (259).

8 октября 1917 г. в Томске в зале университетской библиотеки открылся Первый областной сибирский съезд. Адрианов обратился к присутствующим с горячими приветствиями: “Сегодня у нас большой день — великое событие в жизни родной нам страны, до сих пор обездоленной, лишенной благ самоуправления, прав самоуправления, обрекавшей на застой. Над нами на протяжении веков тяготело проклятье, так ярко выраженное в афоризме старинного сибирского губернатора Коха — “На небе Бог, а в Камчатке Кох...” Сегодня заканчивается история старой обездоленной Сибири и пишется первая глава истории новой Сибири” (260). Но и Потанину, и Адрианову в дальнейшем пришлось разочароваться в областнической идее. Адрианов продолжал живо интересоваться положением коренных народностей Сибири. По поводу очередной книги “Материалов” Н. Л. Гондатти он писал: “Отношение нашей государственной власти к инородческому вопросу есть “система”, и весь вопрос сводится к тому, кто вперёд вымрет — инородцы или “система” (261).

В мае 1917 г. Адрианов выступил со статьей, касающейся положения дел в Урянхае (Туве — М. Д.) (262). В конце ноября 1917 г. на страницах газеты “Сибирская жизнь” Адрианов опубликовал статью, посвящённую вопросам автономии коренного населения Горного Алтая (263). 1 июля алтайцы созвали в Бийске съезд и на нём постановили учредить Алтайскую горную думу — постоянно действующий национальный орган. В статье Адрианов писал: “Как ни бедны алтайцы местными тронутыми светом образования силами, они сделали необходимый шаг, без которого невозможно приобщение к культуре на национальной основе, невозможно

развитие народного самосознания” (264). С целью укрепления её и было решено выделить все инородческие волости Алтая в особый уезд со своим центром в селе Чемале на р. Катунь, который предполагалось сделать местом пребывания Алтайской горной думы. В связи с этим председатель думы Г. И. Гуркин предпринял в октябре специальную поездку в Петроград, чтобы заручиться обещанием министерства внутренних дел поддержать желание алтайцев и помочь осуществить его. “Но большевистская авантюра, — писал Адрианов, — это величайшее зло нашей жизни, затормозило дело. Придётся выжидать, пока большевистский гнойник вскрыется и очистится. К сожалению на пути Алтайской горной думы обнаруживается ещё и свой местный, может быть, ещё более злокачественный гнойник. Здесь не приходится выжидать, пока он назреет и прорвётся, его надо вскрыть” (265). Далее Адрианов приводит выдержку из бийской большевистской газеты “Свободный Алтай”, выступающей против Алтайской горной думы. “Вызов в Чемал карательного военного отряда, — продолжает Адрианов, — обращение к министерству с просьбой об уничтожении Алтайской горной думы, ходатайство “об обязательной и немедленной реквизиции скота” у инородцев для нужд армии и голодающих центральных губерний — всё это самый бесстыдный поход против едва поднимающего голову от векового гнёта народа” (266). Статью Адрианов заканчивает словами: “У всех нас на пути со времени переворота, когда революционная пена выбросила на поверхность свой мусор, много появилось всяких проходимцев, именующихся социалистами. Они творят своё разрушительное дело — одни по тупоумию, другие из фанатизма заскорузлых старообрядческих начётчиков, а третьи, и таких пожалуй больше всего, по своей душевной низости; они лгут, клеветают, натравливают, провоцируют, преследуя свои личные, всегда своекорыстные цели. Но на здоровом организме это не может тянуться слишком долго, — здоровая ткань сбросит болячку и освободится от гнойника, как бы он не разросся” (267).

22 августа 1919 г. на страницах газеты “Сибирская жизнь” было опубликовано воззвание за подписью Г. Н. Потанина “К оружию, граждане!” “Граждане! Банды большевиков у ворот! Нет они уже сломали ворота, и озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и в огне ворвались в родную Сибирь!... Сдержат или умереть?... Иного выхода нет... Я дряхлый старик, но я с радостью пойду туда, куда признают возможным меня взять, чтоб остаток дней и сил своих отдать на защиту горячо любимой мною родины... Враг безумен и беспощаден, гибель и горе на его пути” (268). Некоторые исследователи полагают, что подлинный автор памфлета — Адрианов. “Никогда в своей жизни я ничем не сражался, кроме пера” (269), — писал Адрианов

прежде, теперь же он опубликовал на страницах редактируемой им газеты этот призыв оказать вооружённое сопротивление большевикам.

Многотрудная, подвижническая жизнь Адрианова оборвалась в 1920 г. 21 декабря 1919 г. А. В. Адрианов записал в своем дневнике: “Сегодня воскресенье. С утра мороз 20 градусов. Днём было 18, а вечером даже 17, но ветер. Принесли номер “Сиб. жизни” — последний, в виде довольно жалкого полулиста. Теперь я свободный от обязанностей и тяжёлой работы “гражданин”, но обречённый на полуголодное существование. Нестерпимо тяжело. Как жить? У меня в семье как-то стереотипно повторяют фразу, что всё равно умирать придётся, так и не стоит не о чём думать... Но все мои получения в будущем кончились — я нищий. Какая жалкая и вместе с тем страшная старость” (270). Но самое страшное было впереди.

Твердый и прямолинейный, Адрианов не привык лавировать, он не пытался скрыться от надвигавшейся угрозы красного террора. Вопрос об эмиграции в Китай обсуждался на семейном совете, когда к городу подходили красные; было решено остаться в Томске. 22 декабря 1919 г. Адрианов был арестован. Он был обвинён в “систематической борьбе с советской властью путем агитации в газете. Будучи одним из активных идейных противников Советской власти, Адрианов ещё в 1918 г., в первый период существования в Сибири Советской власти, вёл в своей газете энергичную агитацию против некоторых групп населения, чуть открыто не призывая к восстанию. После свержения Советской власти он вёл систематическую, грязную травлю не только коммунистов, но и экс-социалистов, причём в своей агитации прибегал к провокационным приемам, помещая в газетах по-видимому им самим сочинённые письма на имя “их превосходительств” Ленина и Троцкого. Вообще вёл самую грязную агитацию” (271). Сам Александр Васильевич был принципиальным противником всяческого насилия. Однако именно за публицистическую деятельность, за выступления в печати против диктатуры большевиков он как “активный противник советской власти” Томской ЧК 29 февраля 1920 г. был приговорён к расстрелу. Слова А. В. Адрианова, прозвучавшие со страниц газеты “Сибирская жизнь”, были словами предупреждения и в то же время его смертным приговором: “Работа анархического большевизма носит разрушительный дезорганизующий характер и ведёт государство к гибели... Нам грозит обнищание, одичание и застой... Что же иное, кроме застоя, останется на долю нашего отечества, нашего народа, когда на месте уничтоженной интеллигенции в роли “строителей жизни” оцутятся её разрушители!.. Да, мы непримиримые враги анархического большевизма; мы считаем всю дея-

тельность представителей его угрожающей гибелью нашему отечеству...” (272).

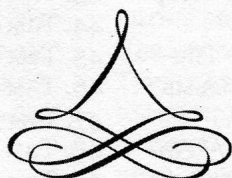
Среди сибиряков ходят легенды, что В. И. Ленин, хорошо знавший Адрианова по сибирской ссылке, хотел предотвратить приведение в исполнение смертного приговора. Подобные версии мне приходилось слышать и прежде в отношении поэта Н. С. Гумилёва, но теперь ясно, что это была всего лишь легенда... А. В. Адрианов был расстрелян в числе двадцати шести приговоренных “активных противников Советской власти” 7 марта 1920 г., о чём спустя два дня сообщили газеты. Это трагическое событие возможно произошло 6 марта (273) или ранее. Его фамилия стояла в списке расстрелянных первой: “1. Адрианов Александр Васильевич — бывший редактор черносотенно-провокационной газеты “Сибирская жизнь”. Г. Н. Потанин пережил его на несколько месяцев. По свидетельству современников, смерть настигла “большого сибирского дедушку”, носившего титул “почётный гражданин Сибири”, в тот день, когда он услышал то, что от него скрывали — известие о гибели его младшего друга и последователя Александра Васильевича Адрианова.

Через два дня после опубликования списка расстрелянных, в котором фамилия Адрианова стояла первой, томская газета “Знамя революции” писала: “Громадная работа, которая была возложена на чекатруп (чрезвычайная комиссия по уборке трупов - М. Д.), закончена ими блестяще. Огромное количество трупов было захоронено именно благодаря решительным мерам, опасность, которая угрожала тяжёлыми последствиями, устранена. Несмотря однако же на отсутствие большого количества трупов, тов. Ангевичем, председателем че-

катруп, приступлено к рытью на Каштаке длиннейшей траншеи в 500 сажен. Совместно с этим производится подготовительная работа к сооружению крематория”.

Замыслы Адрианова в силу многих объективных причин были осуществлены лишь отчасти. О себе он писал в конце жизни: “До 60 лет я прожил, а ни на чём не остановился, ничем основательно не занялся и никакого следа от себя не оставляю” (274). Но с этим суждением никак согласиться нельзя. Его вклад в науку велик, прежде всего как полевого исследователя, собирателя коллекций. И всё же к нему вполне приложимы слова, высказанные Д. А. Клеменцом, а затем Адриановым в адрес Г. Н. Потанина: “Он никогда не был и не мог сделаться присяжным специалистом по чистой науке — и не желал этого. Его слишком интересовала и захватывала жизнь”.

В МАЭ поступил огромный фонд копий наскальных изображений бассейна Среднего и Верхнего Енисея. Последние два ящика с коллекциями в адрес МАЭ Адрианов отправил, судя по его записям, в июне 1917 г. В музее они числятся как поступившие в 1920 и 21 гг., очевидно, в эти годы они были заинвентаризированы. Наследие А. В. Адрианова хранится в МАЭ и ценность его с годами возрастает по мере того, как в ходе промышленного строительства гибнет всё большее число памятников наскального искусства, от которых потомкам остаются в ряде случаев лишь копии, сохраняющиеся в МАЭ. Научное наследство А. В. Адрианова в виде полевых дневников, отчётов, эстампажей писаниц составляет золотой фонд для исследователей сибирских петроглифов.

1. В 1993 г. опубликован перечень публикаций А. В. Адрианова (за исключением газетных статей) и работ о нём: См.: *Дэвлет М. А.* 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А. В. Адрианова // Страницы истории Алтая. 1994. Библиографический указатель. Барнаул, 1993. С. 91-101.
2. Главы из "Книги об отце" А. А. Адрианова публиковались в конце 1993 — начале 1994 гг. на страницах газеты "Елань" (приложение к "Томскому вестнику").
3. Оба письма, переданные М. Ф. Косаревым в распоряжение автора, не датированы, но написаны до денежной реформы 1961 г.
4. *Адрианов В. В.* Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской // Тобольские губернские ведомости. 1853. № 48. С. 697-700.
5. *Адрианов.* Съезжий праздник // "Сибирь" от 12 декабря 1876 г. С. 5-6.
6. Появление в середине 1860-х гг. таких учебных книг как "Самоучитель" И. А. Худякова вызвало предписание министра просвещения о необходимости принятия мер к "прекращению издания и изъятию из употребления вредных для молодого поколения учебников". См.: *Чирскова И. М.* Цензурная регламентация исторической науки в России второй половины XIX в. // Вестник РАН. Т.68. 1998. №1. С. 70.
7. А-в. Славный сибиряк И. А. Худяков. СПб., 1911. С. 2.
8. *Адрианова М. А.* Биография А. В. Адрианова // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 3. Л. 56.
9. А-в. Славный сибиряк И. А. Худяков... С. 12.
10. Там же. С. 12-13.
11. *Адрианов А.* Аттестаты // "Сибирь" от 7 марта 1876 г. С. 7.
12. *Адрианов А. В.* К биографии Г. Н. Потанина // Сб. к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избр. статьи и биограф. очерк. Томск, 1915. С. III.
13. Там же. С. XVIII.
14. Там же. С. XXI.
15. Там же. С. I II.
16. [*Адрианов А. В.*] Памяти Ядринцева // "Сибирская жизнь" от 20 июня 1919 г. С. 2.
17. *Адрианов А. В.* Н. М. Ядринцев (Кусочки воспоминаний) // "Сибирская жизнь" от 22 июня 1919 г. С. 2.
18. *Потанин Г. Н.* Письмо Н. М. Ядринцеву, сентябрь 1878 г. // Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988. С. 142.
19. *Потанин Г. Н.* Письмо П. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 9 февраля 1978 г. Омск // Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988. С. 120.
20. Диплом Петербургского университета // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 21. Л. 240.
21. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. С. 60.
22. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 г. по поручению Имп. РГО членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. Имп. РГО по общей географии. СПб., 1888. Т. 11. С. 269.
23. *Орлов П. Д.* Топографическое описание пути, пройденного по Северо-Западной Монголии в 1879 г. штабс-капитаном Корпуса военных топографов Орловым // *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. I II. СПб., 1883. С. 221.
24. *Потанин Г. Н.* Письмо Н. М. Ядринцеву от 10-16 марта 1880 г. Иркутск // Письма Г. Н. Потанину. С. 181.
25. *Потанин Г. Н.* Письмо Н. М. Мартыанову (без даты) // Архив ММ. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 159.
26. *Адрианов А. В.* К биографии Потанина. С. VI.
27. *Адрианов А. В.* Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 1.
28. *Ядринцев Н. М.* Письмо В. П. Сукачеву // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 265.
29. *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартыанову от 26 февраля 1883 г. Томск // Архив ММ. Оп. 1. Д. 17. Л. 77.
30. *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартыанову от 7 февраля 1884 г. Томск // Архив ММ. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.
31. *Дэвлет М. А.* А. В. Адрианов и Алтай // *Altaica*. 1994. № 4. С. 45-50; она же. Александр Адрианов и Тува. Начало пути // Башкы. 1994. № 2 / 8/. С. 73-78; она же. Первые экспедиции. К 75-летию со дня смерти А. В. Адрианова // Третьи историч. чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995. С. 30-34.
32. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. РГО членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. РГО по общей географии. Т. 11. СПб., 1888. С. 149.
33. Там же. С. 150.
34. Там же. С. 153.
35. Там же. С. 173.
36. Там же. С. 214.
37. Там же. С. 156.
38. Там же. С. 157.
39. Там же. С. 251-252.
40. Там же. С. 381.
41. Там же. С. 396-397.
42. Там же. С. 416-417.
43. Там же. С. 418.
44. Там же. С. 403.
45. Там же. С. 256.
46. Там же. С. 398.
47. Там же. С. 258-259.
48. Там же. С. 260-261.
49. Там же. С. 403-404.
50. Там же. С. 400-401.
51. Там же. С. 267-268.
52. Там же. С. 401.
53. Там же. С. 404.
54. Там же. С. 404.

55. Там же. С. 405.
 56. Там же. С. 382.
 57. Там же. С. 409.
 58. Там же. С. 382-383.
 59. Там же. С. 392-393.
 60. Там же. С. 155.
 61. *Ядринцев Н. М.* Письмо В. П. Сукачеву // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 264.
 62. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. С. 420-421.
 63. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Имп. Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. ЗСОРГО. Кн. 8. Вып. 2. Омск, 1888. С. I-II.
 64. Извлечение из протоколов. Заседание Распорядительного комитета. 15 января 1883 г. // Зап. ЗСОРГО. Кн. 6. Омск, 1884. С. 1.
 65. Обзор научных исследований в Сибири // "Восточное обозрение" от 12 июля 1884 г. С. 13.
 66. *Адрианов А. В.* Д. А. Клеменц // "Сибирская жизнь". 1914. № 4. С. 2.
 67. *Клеменц Д. А.* Письмо Н. М. Мартьянову от 20 июля 1883 г. Абаканский завод // Архив ММ. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 160.
 68. *Клеменц Д. А.* Письмо А. В. Адрианову // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 11. Л. 169.
 69. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1883 г. С. 142.
 70. *Адрианов А. В.* Северные предгорья Алтая. Кузнецкий край // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11. С. 273-302.
 71. Там же. С. 300-302.
 72. Там же. С. 286-287.
 73. *Адрианов А. В.* Письмо М. А. Шестакову от 26 сентября 1885 г. // ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 12. Л. 123.
 74. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск // РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 2. Ед. хр. 7 (далее РГАЛИ). Л. 7.
 75. Там же. С. II.
 76. *Ядринцев Н. М.* Письмо В. П. Сукачеву от 27-28 августа // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 267.
 77. *Крутовский Вс. М.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Бесплатное приложение к газете "Сибирская жизнь" за 1912. Томск, 1912. С. 287.
 78. *Адрианов А. В.* Прогулки по "Болоту" // "Сибирская газета" от 5 декабря 1882 г. С. 1267.
 79. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 27 июня 1889 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 541. Л. 41.
 80. "Сибирская газета" от 19 января 1886 г. С. 69-70.
 81. *Адрианов А. В.* Письмо в редакцию // "Сибирская газета" от 6 декабря 1881 г. С. 1148-1149.
 82. *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартьянову от 7 февраля 1884 г. Томск // Архив ММ. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 17.
 83. *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартьянову от 3 апреля 1884 г. Томск // Архив ММ. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 133.
 84. *Адрианов А. В.* Курганография Сибири // "Сибирская газета" от 15 июля 1884 г. С. 733-736.
 85. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 3-20 июля 1887 г. Томск // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 541. Л. 28-29.
 86. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Вып. 1. СПб., 1888. С. 127-128.
 87. *Кузнецов-Красноярский И. П.* Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губерний летом 1883 г. (Критический очерк). Томск, 1895.
 88. *Адрианов А. В.* Ответ на письмо Инн. Кузнецова // "Сибирская газета" от 1886 г. № 17. С. 528.
 89. Письма из Томска // "Восточное обозрение" от 14 мая 1887 г. С. 9.
 90. Городские известия // "Сибирская газета" от 12 апреля 1887 г. С. 578.
 91. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 24 октября 1887 г. // РГАЛИ. Фонд 381. Оп. 2. Ед. хр. 7. (далее - РГАЛИ). Л. 2.
 92. *Адрианов А. В.* Томский могильник: Извлеч. из дневника раскопок, произведенных А. В. Адриановым в 1887 и 1889 гг. // ОАК за 1889 г. СПб., 1892. С. 99-111.
 93. Приказы начальника губернии // "Томские губернские ведомости" от 23 мая 1887 г. С. 3.
 94. *Томич. А. И.* Лакс (из воспоминаний) // "Восточное обозрение" от 29 мая 1889 г. С. 8.
 95. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 11 марта 1888 г. Томск // РГАЛИ. Л. 17.
 96. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск // РГАЛИ. Л. 8.
 97. Там же. Л. 8.
 98. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. // РГАЛИ. Л. 5.
 99. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 32.
 100. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. // РГАЛИ. Л. 9.
 101. *Адрианов А. В.* Забытые люди забытого края. Из поездки в Нарымский край Томской губернии // "Русские ведомости" от 3 января 1889 г. С. 3.
 102. Там же. С. 3.
 103. Там же. С. 3.
 104. *Никитин В. А.* Сибирская командировка // Родина. 1989. № 12. С. 84-89. Опубликованы фотографии более чем столетней давности: 1 — Крылатые лодки в устье р. Чижанки. Селькупы; 2 — Два шамана "ёлы" в повседневной одежде; 3 — Тунтогат — берестяное жилище остяков. Женщины за приготовлением пищи и выделкой шкур; 4 — Кочующие тунгусы (эвенки), которые из-за голода, трудных в погодном отношении зим стали с 80-х годов XIX в. перекочёвывать в Нарымский край, где были более удобные места для оленеводства; 5 — Кедр — жертвенное дерево у остяков (ханты). На ветках висят лоскуты ткани, платки — дар духам, покровителям данного места; 6 — До-

- лина реки Васюган — места, по которым путешествовал Адрианов; 7 — Группа селькупов (остяко-самоеды). Для этнографа эти фотографии представляют важный исторический источник.
105. Там же. С. 88-89.
106. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. Томск // РГАЛИ. Л. 5.
107. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 31.
108. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 14 февраля 1887 г. Томск // Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. № 868. Л. 1.
109. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 27 марта 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 40.
110. Там же. Л. 39-40.
111. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 23 июля 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 50.
112. Дэвлет М. А. У истоков сибиряковской экспедиции в Якутию // Сборник научных трудов. Серия: филология. Якутск, 1994. С. 71-79.
113. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 19 ноября 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 57.
114. Там же. Л. 58.
115. Там же. Л. 56-57.
116. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 15 мая 1889 г. Томск // РГАЛИ. Л. 45.
117. Адрианов А. В. Письмо семье от 6 марта 1905 г. Иркутск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 117.
118. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 1 июля 1905 г. Иркутск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-53. Л. 2.
119. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 30 октября 1894 г. Минусинск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/315-1563. Л. 1-4.
120. Адрианов А. В. Орография. Гидрология. Геологический очерк // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ. Т. IV. Вып. 1. Енисейская губ. Иркутск, 1894. С. 80-152.
121. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 30 октября 1894 г. Минусинск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-1563. Л. 3-4.
122. Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая. Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // Изв. АК. Вып. 2. Пг., 1916. С. 1
123. Адрианов А. В. Письмо в Имп. АК от 2 октября 1895 г. // Архив ИИМК РАН. 1895. Д. 72. Л. 14.
124. От комитета Минусинского музея // Горощенко К. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск, 1900. С. 3.
125. Адрианов А. В. Письмо Н. М. Мартъянову от 2 ноября 1902 г. Красноярск // Архив ММ. Оп. 1. Д. 94. Л. 326.
126. Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае: Доп. к работе К. Горощенко Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск, 1902-1924.
127. Там же. С. 41.
128. Там же. С. 72.
129. Адрианов А. В. Письмо семье от 25 апреля 1900 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 159.
130. Адрианов А. В. Письмо семье от 9 апреля 1900 г. Иркутск // МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 152-153.
131. Адрианов А. В. Письмо в Имп. АК от 19 апреля 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 4.; см. также: Адрианов А. В. Письмо В. В. Радлову от 5 мая 1901 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 17.
132. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 7 декабря 1901 г. Красноярск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-1566. Л. 1.
133. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 18 октября 1901 г. // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-45. Л. 1.
134. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 7 декабря 1901 г. Красноярск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-1566. Л. 2
135. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 18 октября 1901 г. // ККМ. Рукописный фонд. Инв. 7928/1315-45. Л. 1.
136. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 2 мая 1902 г. Красноярск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. № 7928/1315 - 47. Л. 2.
137. Адрианов А. В. Письмо Г. Н. Потанину от 21 ноября 1902 г. Красноярск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. № 7928/1315 - 1367. Л. 1-2.
138. Адрианов А. В. Письмо Н. М. Мартъянову от 27 февраля 1902 г. Красноярск // Архив ММ. Оп. 1. Д. 98. Л. 85-86.
139. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея. Казань, 1902. Приложение VI. Алфавитный список жертвователей и сотрудников Минусинского музея. С. 221.
140. Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М., 1936. С. 503.
141. Адрианов А. В. Очерки Минусинского края // Сиб. торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 г. Томск, 1904. Отдел 2. С. 59-60.
142. Бобринский А. А. Письмо А. В. Адрианову от 22 марта 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 3.
143. Адрианов А. В. Письмо в Имп. АК от 19 апреля 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 4.
144. Бобринский А. А. Письмо А. В. Адрианову от 27 марта 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 9.
145. Адрианов А. В. Письмо в Имп. АК от 19 апреля 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 4.
146. Адрианов А. В. Писаницы по реке Мане // Зап. Отд. русск. и славянск. археологии РАО. Т. 9. СПб., 1913. С. 3.
147. Адрианов А. В. Письмо П. С. Уваровой от 10 сентября 1904 г. Красноярск // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед.хр. 541. Л. 47
148. Адрианов А. В. Письмо в Имп. АК от 21 января 1903 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 5. Л. 42

149. *Адрианов А. В.* Письмо на имя священника отца Иоанна и его ответ // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 21. Л. 48.
150. *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии // Архив МАЭС ТГУ. 1948. Д. 55.
151. *Адрианов А. В.* О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде. Тезисы доклада // Изв. АК. Прибавление к 10 выпуску. СПб., 1904. С. 22; *Адрианов А. В.* Исследования А. В. Адрианова // ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 37-46.
152. *Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник // Иллюстрированные приложения ХХІХ и ХХХ к газете "Сибирская жизнь" от 16 и 23 ноября 1903 г. № 249 и № 254.
153. *Адрианов А. В.* Письмо в Имп. АК от 11 октября 1903 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 5. Л. 106.
154. *Адрианов А. В.* Письмо в Комитет о наскальных изображениях Енисейской губернии // Изв. РКИСВА. № 3. СПб., 1904. Извлечение из протоколов. С. 5-7.
155. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 10 сентября 1904 г. Красноярск // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 541. Л. 47-48.
156. *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии. Отчет за 1904 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12, а также Архив МАЭС ТГУ. 1948. Д. 55.
157. *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии // Архив МАЭС ТГУ. 1948. Д. 55. Л. 3-4.
158. Там же. Л. 14.
159. Там же. Л. 124.
160. Там же. Л. 5.
161. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 10 сентября 1904 г. Красноярск // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 541. Л. 47.
162. *Вяткина К. В.* Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сб. МАЭ. Т. XII. М.-Л., 1949. С. 417-484.; она же. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сб. МАЭ. Т. XX. М.-Л., 1961. С. 188-237. См. также: *Дэвлет М. А.* О культурных связях тагарских племен // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 240-242.
163. *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии... Л. 5-6.
164. Там же. Л. 7.
165. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 10 сентября 1904 г. Л. 47.
166. *Адрианов А. В.* Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным Комитетом А. В. Адриановым // Изв. РКИСВА. № 4. СПб., 1904. С. 32.
167. *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии... Л. 1.
168. Там же. Л. 2.
169. *Адрианов А. В.* Письмо в Имп. АК от 10 сентября 1904 г. Красноярск // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1903. Д. 33. Л. 28.
170. Письмо в Имп. АК губернатора по губернскому управлению от 17 ноября 1905 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1903. Д. 33.
171. *Адрианов А. В.* Письмо П. С. Уваровой от 10 сентября 1904 г. Красноярск // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 541. Л. 49.
172. *Адрианов А. В.* Письмо Д. А. Клеменцу от 28 ноября 1904 г. Красноярск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 5. Л. 250.
173. Там же. Л. 250.
174. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 6 марта 1905 г. Иркутск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 113.
175. Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 244.
176. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 6 марта 1905 г. Л. 117.
177. Там же. Л. 118.
178. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 июля 1905 г. Иркутск // ККМ. Рукописный фонд. Инв. № 7928/1315-1569. Л. 2.
179. Там же. Л. 2.
180. Там же. Л. 1.
181. Отчет о деятельности Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Изв. РКИСВА. № 8. СПб., 1908. С. 13.
182. *Славнин Д. П.* Минувшее Томска в эскизах сибиряка (рукопись). Цит. по: *Славнин В. Д.* Томск сокровенный. Томск, 1991. С. 250.
183. *Адрианов А. В.* Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. (из писем секретарю Комитета) // Изв. РКИСВА. № 8. СПб., 1908. С. 38.
184. *Адрианов А. В.* Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Изв. РКИСВА. № 10. СПб., 1910. С. 41-53.
185. Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 7.
186. *В-ин Г.* На сибирском вечере // "Сибирская жизнь" от 22 февраля 1909 г. С. 5.
187. *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру // "Сибирская жизнь" от 19 февраля 1909 г. С. 5.
188. *В-ин Г.* На сибирском вечере... С. 5.
189. *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру // "Сибирская жизнь" от 19 февраля 1909 г. С. 5
190. Шаманская мистерия (камлание). Программа. Шаманство и его жрецы. Шаманство как древний культ. Его распространение, сущность шаманства. Дуалистическое начало в шаманстве; легенда о сотворении мира. Легенда о первом шамане. Шаманы как жрецы и хранители шаманских традиций. Предрасположение к жречеству. Значение шамана в народе. Моменты шаманского действия. Содержание обряда; виды камланий. Принадлежности шамана: мантия (маньяк), головной убор (бюрюк), бубун (тюрь), колотушка (орба), жезлы, маски. Описание шаманских припадков и значение каждой из них. Доклад сделает А. В. Адрианов. Акт камлания исполнит алтайский кам Мампый // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 22. Л. 5.
191. *Адрианов А. В.* О шаманстве // Там же. Л. 63-78.

192. Пребывание кама в Томске // "Сибирская жизнь" от 28 февраля 1909 г. С. 3.
193. Этнографическое обозрение. Кн. 80. №1. С. 134-140.
194. *В-ин Г.* На сибирском вечере... С. 5.
195. *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия на Алтай в 1910-12 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. МАЭ. Т. IV. Вып. 2. СПб., 1924.
196. *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
197. *Сонин П.* "В интересах возрождения племен" // Сибирская старина. 1995. №10 (15). С. 29.
198. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Изв. ИАК. Вып. 62. Пг., 1916.
199. *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 - январь 1912 г. Т. 1. Пг., 1914. С. 102-108.
200. *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев... С. 103
201. Там же. С. 107.
202. Там же. С. 108.
203. Труды Всероссийского съезда художников... С. 2.
204. Там же. С. 108.
205. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая. Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // Изв. АК. Вып. 62, Пг., 1916. 92 с., 2 табл. ил.
206. *Адрианов А. В.* Отчет о поездке летом 1911 г. // Изв. РКИСВА. Серия 2. № 1. СПб., 1912. С. 105.
207. Там же. С. 107.
208. Там же. С. 108.
209. *Адрианов А. В.* Айран в жизни Минусинского инородца // Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 34. СПб., 1909. С. 489-524.
210. *Адрианов А. В.* Славный сибиряк И. А. Худяков. СПб., 1911. 40 с. (подпись А-в).
211. *Адрианов А. В.* Северный морской путь и московские промышленники. Томск, 1912. 14 с.
212. *Адрианов А. В.* Томская старина // Город Томск. Изд. Сиб. т-ва печатн. дела в Томске. Бесплатное приложение к газете "Сибирская жизнь" за 1912 г. Томск, 1912. С. 101-183.
213. *Адрианов А. В.* Об искусстве в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 337-344.
214. Сибирские письма. Томск // Сибирские вопросы. 1910. № 34-35. С. 38.
215. Обыск в редакции "Сибирской жизни" // "Сибирская жизнь" от 23 мая 1913 г. С. 3.
216. Там же.
217. *Нарымский.* Забытый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку) // "Сибирская жизнь" от 25 сентября 1913 г. С. 2.
218. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 21 апреля 1914 г. Минусинск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 20-21.
219. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 января 1914 г. Минусинск // РГАЛИ. Л. 65.
220. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 30 марта 1914 г. Минусинск // Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. № 6. Л. 2.
221. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 25 ноября 1913 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 27.
222. *Штернберг Л. Я.* Письмо А. В. Адрианову от 12 мая 1914 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 7. Л. 165.
223. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 26 апреля 1914 г. Минусинск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 43.
224. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 15 июля 1914 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 48.
225. *Сибирский Александр.* Из воспоминаний о сойотах // "Минусинский край" от 8 июня 1914 г. С. 3.
226. *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартьянову от 7 февраля 1884 г. Томск // Архив ММ. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.
227. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 25 апреля 1900 г. Томск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 156-157.
228. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 9 апреля 1900 г. Томск // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 153
229. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 2 ноября 1914 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 64.
230. Протокол заседания Комитета Минусинского музея от 9 января 1914. // Архив ММ. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 1.
231. *Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц // Изв. ВСОРГО. Т. 45. 1916. Посвящается памяти Д. А. Клеменца. Иркутск, 1917. С. 103.
232. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 26 мая 1914 г. С. Ермаковское // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 45.
233. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 апреля 1915 г. // РГАЛИ. Л. 67.
234. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 мая 1915 г. // РГАЛИ. Л. 69.
235. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 апреля 1915 г. С. Ермаковское // РГАЛИ. Л. 66.
236. *Сафьянов И. Г.* Письмо А. В. Адрианову от 18 марта 1915 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 12. Л. 189.
237. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 13 ноября 1915 г. Тапса // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 82.
238. *Адрианов А. В.* Шага (Сойотский Новый год). Этнографический набросок из урянхайской жизни. Томск, 1917. С. 5-6.
239. Там же. С. 17.
240. Там же. С. 9.
241. Там же. С. 6.
242. Там же. С. 21.
243. *Адрианов А. В.* Писаницы в Урянхае // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 24.
244. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Отдел археологии. Инв. № 2792.

245. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 2 августа 1915 г. Экономия Сафьянова на р. Тапсе // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 81.
246. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 сентября 1915 г. Фактория Сафьяновых на р. Тапсе // РГАЛИ. Л. 74.
247. *Адрианов А. В.* Учёное хулиганство // "Сибирская жизнь" от 16 января 1916 г. С. 2.
248. Там же.
249. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 25 ноября 1915 г. Тапса // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 90.
250. *Адрианов А. В.* Курган Аржан // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 25. Д. 10. Л. 4.
251. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 30 марта 1916 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 93-94.
252. *Адрианов А. В.* К биографии Г. Н. Потанина // Сб. к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. XXVI-XXVII.
253. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 апреля 1915 г. С. Ермаковское // РГАЛИ. Л. 67.
254. *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 сентября 1915 г. Фактория Сафьяновых на р. Тапсе // РГАЛИ. Л. 73.
255. *Батьянова Е. П., Рюмина Л. Т.* Георгий Маркелович Токмашев: просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 105-127.
256. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 21 июня 1916 г. // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 9.
257. *Адрианов А. В.* Письмо семье от 21 июня 1916 г. Тапса // Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 20. Л. 97.
258. *Адрианов А. В.* От автора // "Сибирская жизнь" от 9 мая 1917 г. С. 2.
259. *Аноним.* Нечто современное // "Сибирская жизнь" от 4 июня 1917 г. С. 4.
260. Первый областной сибирский съезд (открытие съезда) // "Сибирская жизнь" от 10 октября 1917 г. С. 3.
261. *Адрианов А. В.* Вымирание инородцев в Сибири // "Сибирская жизнь" от 14 февраля 1917 г. С. 3.
262. *Адрианов А. В.* К вопросу об Урянхэе // "Сибирская жизнь" от 3 мая 1917 г. С. 2-3.
263. *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая // "Сибирская жизнь" от 24 ноября 1917 г. С. 2.
264. *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая // "Сибирская жизнь" от 24 ноября 1917 г. С. 2. Об Алтайской Горной думе см.: *Шерстова Л. И.* Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции её развития // Народы Сибири. Кн. 3. Сибирский этнографический сборник. М., 1997. С. 202-203.
265. Там же. С. 2.
266. Там же. С. 2.
267. Там же. С. 2.
268. Последнее выступление Г. Н. Потанина // Сибирская старина. 1995. №10 (15). С. 39.
269. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г... С. 251.
270. *Крюков В. М.* Мир рушился. Из дневника А. В. Адрианова // Сибирская старина. 1994. №6(11). С. 31.
271. Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 218.
272. *Адрианов А. В.* "Им" мой ответ // "Сибирская жизнь" от 30 июля 1917. С. 3.
273. Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография ... С. 218.
274. Цит. по: *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово, 1973. С. 124.

Список сокращений

АК – Археологическая комиссия
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАОО – Государственный архив Омской области
ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ККМ – Красноярский краевой музей
МАЭ – Музей археологии и этнографии им. Петра Великого
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского Гос. университета
ММ – Минусинский музей
ОАК – Отчеты Археологической комиссии
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Гос. Исторического музея
РАН – Российская Академия наук
РАО – Русское археологическое общество
РГАЛИ – Российский Гос. архив литературы и искусства
РГО – Русское географическое общество
РКИСВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
ТГУ – Томский Гос. университет

СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

учреждена при Кемеровском государственном университете в 1997 г.

САИПИ - член IFRAO (Международной Федерации организаций по наскальному искусству).

Основная цель САИПИ: всемерное содействие изучению, сохранению и популяризации первобытного искусства.

Направления деятельности САИПИ:

- организация мероприятий по исследованию и сохранению памятников первобытного искусства;
- проведение конференций по актуальным проблемам первобытного искусства; организация совместных экспедиций, полевых семинаров;
- издательская деятельность, обмен литературой, подготовка коллективных трудов;
- информирование о деятельности IFRAO и других организаций;
- содействие научным связям между российскими и зарубежными специалистами, организация международных проектов;
- популяризация науки о древности среди населения, в первую очередь - среди школьников и студентов;
- инициирование и проведение в жизнь проектов сохранения и музеефикации памятников первобытного искусства, организация и проведение выставок.

Приглашаем учреждения и частных лиц, профессионалов и любителей, академиков и студентов, всех, кому небезразлична судьба памятников первобытного искусства, стать членами САИПИ.

Членство может быть как индивидуальным, так и коллективным. В настоящее время у нас более 140 членов. Они представляют около 20 городов России от Петербурга до Владивостока, а также США, Австралию, ЮАР, Корею, многие страны Европы и СНГ. Для вступления в САИПИ необходимо написать заявление в Правление и уплатить взнос.

Членские взносы:

коллективный – 300 руб., индивидуальный – 100 руб., студенческий – 25 руб., семейный – 120 руб. в год. Взносы принимаются в течение всего года и могут быть перечислены почтовым или банковским переводом, или переданы Казначей.

Став членом Ассоциации, Вы сможете:

- получать информацию о деятельности САИПИ и других (в том числе зарубежных) подобных организаций (о конференциях, семинарах, выставках, новых изданиях, совместных проектах и т.п.);
- бесплатно получать “Вестник САИПИ”;
- участвовать в конференциях, семинарах и других мероприятиях САИПИ со скидкой на регистрационные взносы;
- иметь преимущество публикации в изданиях САИПИ;
- приобретать издания САИПИ по льготным ценам;
- пользоваться базой данных САИПИ;
- распространять Вашу информацию среди всех членов Ассоциации, в том числе через Web-страницу САИПИ;
- организовать региональное отделение.

Членство в Ассоциации подразумевает готовность развивать сотрудничество с другими ее членами, а также даёт Ассоциации Вашу моральную, интеллектуальную и материальную поддержку.

Решение наиболее важных вопросов деятельности САИПИ, а также отчёт и выборы Правления – коллегиального исполнительного органа Ассоциации – находятся в компетенции **Общего Собрания** членов.

Правление САИПИ на 2002-2006 гг.:

Президент - Я. А. Шер

Вице-президенты – Д. Г. Савинов, А.-П. Франкфор и В. В. Бобров

Секретарь – Е. А. Миклашевич

Казначей – Н. А. Белоусова

Наш сайт в Интернете: <http://www.kemsu.ru/org/sapar>

Наш адрес: Сибирская Ассоциация Исследователей Первобытного Искусства,

Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово 650043

Тел.: (3842) 584318, 581956 Факс: (3842) 583885 e-mail: elenam@mail.kuzbass.net

*”Я просто человек,
всецело преданный своей родине,
которую изучать и служить ей по мере собственных сил
составляет цель и содержание моей жизни”
А. В. Адрианов*

**Александр Васильевич Адрианов (1854-1920) -
выдающийся исследователь древностей Южной Сибири,
публицист, путешественник, историк, этнограф и археолог.**

В годы красного террора А. В. Адрианов был расстрелян, и поэтому в советской историографии его научный подвиг не был оценен по достоинству.

Вклад Адрианова в изучение первобытного искусства трудно переоценить, его научное наследие и архивы до сих пор имеют огромную ценность для исследователей, некоторые памятники наскального искусства Енисея уже исчезли с лица земли и сохранились лишь в сделанных им эстампажах.

Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства считает своим долгом в год 150-летия со дня рождения А. В. Адрианова и 100-летия его знаменитого, но всё ещё не опубликованного труда «Писаницы Енисейской губернии», отдать дань памяти этому выдающемуся человеку, посвятившему всю свою жизнь Сибири и так много сделавшему для сохранения памятников её древней культуры.

Издание этого биографического очерка, написанного неутомимой исследовательницей жизни и деятельности Адрианова Марианной Арташировой Дэвлет на основе анализа огромного количества архивных документов и публикаций, - один из шагов на пути увековечения памяти А. В. Адрианова и возвращения в научный оборот его ценнейшего наследия.

